

БОРЬБА

КЛАССОВ

ЯНВАРЬ
№ | 1936

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

Вл. Сорин

2371 р.

ЛЕНИН И РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1

Выдвинув после Февральской революции в числе других лозунгов требование скорейшего созыва Учредительного собрания, Ленин и большевики в то же время неоднократно подчеркивали, что «...республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием»¹. Несмотря на победу в Октябре пролетарской революции, поставившей у власти рабочий класс, большевики не отказались созвать Учредительное собрание. II съезд советов заявил, что своевременный созыв собрания будет обеспечен, и советское правительство назначило выборы на 12 (25) ноября (на деле выборы в ряде мест затянулись). При огромном преобладании в стране крестьянского населения, среди которого партия эсеров пользовалась тогда еще популярностью, отнюдь нельзя было рассчитывать на то, что выборы дадут большинство в Учредительном собрании большевикам даже совместно с их попутчиками — левыми эсерами. Партия, однако, счи-

тала нецелесообразным воспрепятствовать созыву Учредительного собрания. Она обещала созвать его и созвала.

Ленину и большевикам было ясно, что только власть советов, только пролетарская диктатура, способна удовлетворить все нужды народа, разрешить острые, наболевшие вопросы о мире, земле, хлебе и обеспечить победу социализма. Ленину и большевикам было ясно, что, только опираясь на советы и только в борьбе с буржуазным Учредительным собранием, враждебным интересам трудящихся, пролетариат и крестьянство смогут освободиться от эксплуатации, голода, нищеты. Но то, что было очевидно для партии большевиков и революционного пролетариата, не было ясно для многих десятков миллионов крестьянства и остальных слоев рабочего класса. Широкие массы трудящихся еще верили в Учредительное собрание, верили в его готовность и способность работать для блага народа. Поэтому нужно было дать массам возможность на собственном опыте убедиться в контрреволюционном, антинародном характере Учредительного собрания, в его неспособности и нежелании удовлетворить

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 131.

интересы рабочих и крестьян. Надо было, чтобы массы получили возможность, сравнивая деятельность Советов с деятельностью Учредительного собрания, сказать себе: да, теперь мы воочию, на практике, на собственном опыте видим, что Советы—это действительно наша, народная власть, власть трудящихся, а Учредилка — та же старая власть помещиков и капиталистов, только замаскированная и прикрашенная.

«...Чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного Собрания, — говорит товарищ Сталин, — необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного Собрания с их требованием о земле, о мире, о власти советов, столкнув их, таким образом, с действительным и живым Учредительным Собранием»¹.

Для обеспечения максимума демократии при выборах в Учредительное собрание Ленин 21 ноября (4 декабря) провел через ВЦИК особый декрет, предоставлявший избирателям право отзыва из Учредительного собрания ранее избранных депутатов, которые уже не соответствовали больше настроениям и взглядам населения. Это «право отзыва» давало возможность несколько увеличить в Учредительном собрании число революционных депутатов. Против принятия декрета ВЦИКом протестовали только «объединенные интернационалисты», усмотревшие в проекте Ленина «военную хитрость» и «атаку на Учредительное Собрание».

Состав избранного Учредительного собрания далеко не отражал воли и настроения масс. Дело в том, что выборы происходили по старым спискам, составленным и утвержденным еще до Октябрьской революции. Массы крестьянства голосовали за эсеров. Между тем, накануне Октябрьского переворота эсеры раскололись на правых и левых. Благодаря старым спискам то крестьянство, которое сочувствовало левым эсерам, было лишено возможности выбирать между соглашательской и революционно-демократической частями эсеровской партии и принуждено было голосовать за эсе-

ровский список в целом, т. е. фактически отдавать свои голоса правым эсерам. Далее: революция коренным образом изменила соотношение классовых сил в стране, создала совершенно новую группировку их. Нужно было некоторое время, чтобы массы поняли и ощутили во всем объеме значение Октябрьской революции, чтобы они на деле убедились в преимуществах советской власти. Поэтому происходившие в ноябре выборы в Учредительное собрание отражали прошедший день революции. Они совершенно не соответствовали тому новому соотношению сил, которое было создано переходом власти в руки пролетариата и политикой пролетарской диктатуры, привлекая на сторону Советов широкие массы трудящихся. Наконец, тот факт, что вся подготовка выборов находилась в руках Временного правительства и созданных им избирательных комиссий, допускавших при выборах всякие злоупотребления, точно так же не мог не оказать влияния на состав Учредительного собрания.

Точное число голосов, поданных при выборах в Учредительное собрание, не установлено. Известно, что по 54 избирательным кругам (из общего числа 79) в выборах принимали участие 36 миллионов граждан, причем большевики получили 9 миллионов (25%), мелкобуржуазные партии (эсеры, меньшевики) — 22 миллиона с лишним (62%), кадеты и другие партии помещиков и буржуазии — 4 миллиона с лишним (13%). За меньшевиков голосовало менее 1¼ миллиона, главным образом среди непролетарских слоев населения.

В обеих столицах, в Петрограде и Москве (в Петрограде большевистский список шел под № 4, в Москве — под № 5), за большевиков голосовало 837 000, за мелкобуржуазные партии — 218 000, за кадетов — 515 000. Среди избранных от Петрограда 6 депутатов-большевиков были Ленин и Сталин. Выборы подтвердили тот факт, что рабочий класс в гигантском большинстве шел в период Октябрьской революции за нашей партией.

Предполагалось, что Учредительное собрание будет состоять примерно из 800 делегатов. Принимая во внимание невозможность прибытия в столицу

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 96. Партиздат. 1934.

всех депутатов благодаря гражданской войне, железнодорожной разрухе и связанной с ними разобщенности разных областей, советское правительство заявило, что Учредительное собрание будет открыто, как только соберется не меньше 400 делегатов. Но буржуазии не терпелось. Она не хотела ждать законного открытия Учредительного собрания. В свое время буржуазия, как известно, без конца затягивала созыв Учредительного собрания. Теперь же, после победы пролетариата, она была заинтересована в скорейшем открытии Учредительного собрания, рассчитывая в его лице получить легальное прикрытие для своей контрреволюционной деятельности и под флагом «защиты» Учредительного собрания организовать контрреволюционные силы для свержения советской власти. Чем скорее откроется Учредительное собрание, думала буржуазия, тем скорее можно будет освятить его авторитетом борьбу Каледина, Дутова, Рады против советской власти. Поэтому 28 ноября (11 декабря) буржуазия, руководимая кадетской партией, этим политическим штабом всех контрреволюционных сил, предприняла попытку контрреволюционного выступления в Петрограде.

В этот день в Петрограде состоялась организованная кадетами и правыми эсерами антисоветская демонстрация. Под прикрытием вооруженных белогвардейцев и юнкеров в здание Таврического дворца ворвалось несколько десятков депутатов (кадетов и эсеров) с целью самочинно открыть Учредительное собрание и провозгласить его высшей властью в стране. Проникшие во дворец контрреволюционеры были вскоре удалены оттуда красногвардейцами.

Ввиду того что руководимая кадетами контрреволюция перешла к открытой борьбе против советской власти, Совнарком в тот же день, вечером, издал, по предложению Ленина, декрет, объявлявший кадетов «врагами народа» и предписывавший арестовать кадетских вождей — вдохновителей гражданской войны против советов. Был арестован ряд депутатов в Учредительное собрание, членов ЦК кадетской партии, в том числе Долгоруков, Шингарев, Кокошкин.

«В настоящее время, — сказал товарищ Сталин при обсуждении в ЦК вопроса о кадетях, — мы определенно должны добить кадетов или они нас добьют, так, как они открыли по нас стрельбу»¹.

Вместе с тем советское правительство распустило центральную избирательную комиссию, состоявшую из кадетов. Этими решительными мероприятиями, устранявшими кадетов из Учредительного собрания, советская власть нанесла серьезный удар в то время, когда кадеты готовились к контрреволюционному перевороту и в значительной мере подорвала престиж Учредилки.

Приехавшие в Петроград делегаты большевиков составляли нашу фракцию в Учредительном собрании. Преобладание в Учредительном собрании антисоветских партий делало неизбежным открытое столкновение пролетарской диктатуры с Учредительным собранием. Между тем в бюро большевистской фракции, в которое входили Каменев, Милютин, Рязанов, Ларин и другие, а отчасти и внутри самой фракции обнаружились правооппортунистические колебания по вопросу о дальнейшей судьбе Учредительного собрания в том случае, если оно противопоставит себя советской власти. Большинство бюро фракции рассматривало вопрос об Учредилке в рамках обычной буржуазной демократии и склонялось к мысли считать Учредительное собрание более высоким органом чем советы. Тем самым большинство бюро становилось на чисто буржуазную точку зрения.

Эта небольшевистская позиция, занятая большинством бюро фракции, которое потребовало даже созыва чрезвычайного съезда или конференции для решения вопроса об Учредительном собрании, считая для этого ЦК недостаточно авторитетным органом, побудила Ленина и ЦК принять решение о немедленном переизбрании бюро фракции и замене оппортунистов твердыми большевиками.

Точка зрения нашей партии по вопросу об отношении к Учредительному собранию была изложена в тезисах Ленина об Учредительном собрании,

¹ «Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918», стр. 182. Гиз. 1929.

опубликованных 13 (26) декабря. В этих тезисах указывалось, что лозунг Учредительного собрания на данном этапе стал лозунгом контрреволюции, лозунгом буржуазии, помещиков и их пособников. Тезисы подчеркивали, что интересы революции выше формальных «прав» Учредительного собрания и что всякая попытка рассматривать Учредительное собрание в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, вне учета победоносной пролетарской революции, является «изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии». Предостерегая мелкобуржуазные партии от попытки противопоставить Учредительное собрание пролетарской диктатуре, Ленин заявлял далее, что если Учредительное собрание откажется признать советскую власть и ее декреты, советское правительство будет вынуждено прибегнуть к решительным революционным мерам по отношению к Учредительному собранию. «...Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»¹. 12 (25) декабря собрание Фракции большевиков единодушно приняло тезисы Ленина. Бюро было переизбрано; оппортунистические колебания во фракции ликвидированы.

За два дня до открытия Учредительного собрания (открытие состоялось 5 (18) января) ВЦИК принял написанную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой ряд вставок был сделан Сталиным. Эта декларация, содержащая программу советской власти, должна была лечь в основу работы Учредительного собрания. Декларация объявляла нашу страну Республикой советов и провозглашала ее задачей установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах. Декларация подтверждала неизбежность частью проведенных, частью проектируемых советской властью декретов о мире, земле, рабочем контроле, банках, введении всеобщей трудовой повинности, создании социалистической Красной армии, разоружении имущих классов,

аннулировании займов и т. д. Декларация заявляла, что советская социалистическая республика строится на началах федерации трудящихся всех наций России и что «эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти».

2

По мере приближения открытия Учредительного собрания положение в Петрограде становилось все более напряженным. 1 (14) января террористической группой, вдохновляемой эсерами и белогвардейцами, было произведено покушение на Ленина, возвращавшегося вечером с митинга в автомобиле. Ленин остался невредим. Петроградский совет пригрозил контрреволюционным партиям суровыми репрессиями в случае, если они станут на путь террористической борьбы против вождей советской власти. Ввиду напряженного состояния в Петрограде и лихорадочной деятельности эсеровской и меньшевистской партий на фабриках и в воинских частях Петроград был объявлен на военном положении.

К моменту открытия Учредительного собрания атмосфера в Петрограде была сильно сгущена в связи с тем, что контрреволюция назначила на этот день демонстрацию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» и готовила вооруженное выступление против советской власти. Контрреволюция рассчитывала в случае благоприятной обстановки поднять против советской власти восстание, но силы правых эсеров и кадетов оказались недостаточными, и на открытое восстание они не решились. Демонстрация 5 (18) января в целях поддержки Учредительного собрания была немногочисленной: она состояла из буржуазии, саботажников, учащихся и переодетых офицеров. Эта демонстрация наглядно показала, что рабочие и солдаты Петрограда тесно сплочены вокруг советской власти и враждебны буржуазному Учредительному собранию.

Хотя контрреволюционную демонстрацию ее организаторы объявили «мирной», но находившиеся в ее рядах боевые дружины эсеров и других белогвардейцев открыли провокацион-

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 133.

ную стрельбу против красногвардейцев и солдат, охранявших революционный порядок в столице. Поэтому против «мирной» демонстрации пришлось применить вооруженную силу, и демонстрация была легко рассеяна. Манифестантам не удалось прорваться к Смольному и к Таврическому дворцу.

Владимир Ильич и другие члены правительства и ЦК партии прибыли в Таврический дворец в 1 час дня. Ввиду тревожности момента при переезде Ленина из Смольного в Таврический дворец были приняты необходимые меры предосторожности. В Таврическом дворце уже собирались делегаты. Однако Учредительное собрание в связи с теми событиями, которые происходили в городе, еще долго не открывалось. Шли фракционные совещания.

В 4 часа дня зал заседания Таврического дворца быстро заполнился делегатами Учредительного собрания. Ленин прошел к своему креслу в правительственной ложе. «Он сел, сжал руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края, медленно поворачивая голову. Матросы, стоявшие внизу, в проходе, с благоговением, не сводя глаз, смотрели на него, точно лоя его взгляд, точно выжидая его приказа»¹. Открытию собрания предшествовало бурное столкновение обоих враждебных лагерей, на которые распалось Учредительное собрание. Официально открыть собрание должен был председатель ВЦИК Свердлов, но он задержался на несколько минут. Партия правых эсеров, составлявшая большинство Учредилки, воспользовалась отсутствием Свердлова и хотела самочинно открыть Учредительное собрание, продемонстрировав этим свое неприятие советской власти. Под аплодисменты правого крыла Учредилки на трибуну поднялся «старейший» член партии эсеров, некий Швецов. Его появление большевики и левые эсеры встретили протестующими криками, заглушавшими аплодисменты правого крыла. Несколько раз Швецов порывался объявить собрание открытым, но безуспешно. В течение нескольких минут в зале стоял неопиcуемый шум. В

это время на трибуне появляется запоздавший Свердлов, которого революционные делегаты Учредительного собрания встречают бурными аплодисментами. Свердлов властным движением отстранил растерявшегося Швецова, вынул у него из рук председательский колокольчик и от имени советского правительства объявил Учредительное собрание открытым. Шум утих. Делегаты уселись на свои места. Учредительное собрание приступило к «работе».

В своем выступлении Свердлов остановился на значении Октябрьской революции и огласил затем «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Эту декларацию, представлявшую программу борьбы пролетариата за социализм, Свердлов сравнивал с «Декларацией прав человека и гражданина», провозглашенной Французской буржуазной революцией XVIII века. В числе прав этой буржуазной декларации одно из первых мест занимало «священное право частной собственности». Советская декларация провозгласила своим основным лозунгом социализм, следовательно, борьбу против частной собственности. Огласив советскую декларацию, Свердлов выразил уверенность, что она будет признана Учредительным собранием. После вступительного слова Свердлова собрание приступило к выборам председателя. За Чернова, выдвинутого правыми эсерами и меньшевиками, голосовало 244 делегата; Спиридонова, кандидат большевиков и левых эсеров, получила 151 голос. Заняв председательское место, Чернов произнес цветистую речь, переполненную «революционной» фразеологией, но по существу направленную против Советов. Он сумел в своей речи ни единым словом не упомянуть об Октябрьской революции. Чернов, Церетелли и другие ораторы правого крыла восхваляли «преlestи буржуазной демократии», зывали о прекращении гражданской войны и подвергали нападкам деятельность советской власти. Они на разные лады осуждали «азартные и рискованные опыты большевиков с социализмом» и «анархические попытки введения социализма в одной стране» (Церетелли). Речи Чернова и других ораторов контрреволюционного лаге-

¹ В. Бонч-Бруевич «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», стр. 248. 1931.

ря сопровождалась выкриками и возмущенными возгласами большевиков и левых эсеров. От фракции большевиков выступили Бухарин и Скворцов-Степанов. Бухарин заострил внимание собравшихся на вопросе о власти революционного пролетариата — коренном вопросе русской действительности, от которого нельзя отговориться никакими заклинаниями Черновых; Скворцов-Степанов, речь которого очень понравилась Владимиру Ильичу, посвятил ее разоблачению предрассудка, будто Учредительное собрание является выразителем «общенародной» воли. «Мы хотим,—говорил он,—развеять этот туман, этот фетишизм, которым еще в глазах многих окружено Учредительное собрание. Вы этого боитесь, и поэтому вы хотите отказаться от обсуждения нашей декларации». Назвав открыто правое крыло Учредительного собрания «белогвардейским», Скворцов-Степанов веско и твердо бросил по адресу правых эсеров и меньшевиков: «Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады»¹. Речи большевиков все время прерывались аплодисментами революционного крыла. Рабочие и солдаты, «до отказа» заполнявшие хоры и галереи Таврического дворца, шумно выражали свое сочувствие большевикам и враждебность правому крылу Учредительного собрания.

Ленин слушал бесконечные речи меньшевистско-эсеровских «социалистов», и ему казалось, что перед ним «люди с того света». «Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий «социального», Луиблановского фразерства, Чернова и Церетелли, это нечто нестерпимое»². Перед взором Ильича, изнемогавшего от скуки в «изящном» буржуазном парламенте, невольно вставал простой и суровый образ Смольного, где бурным ключом кипела новая жизнь, где рабочие, солдаты и крестьяне творили великое дело создания нового общества.

Ленин откровенно скучал в Таври-

ческом дворце. Из ложи он перебрался на ступеньки, которые вели в президиум. Сидя здесь, Ильич «насмешливо улыбался, шутил, что-то записывал»³, абсолютно не интересуясь теми словесными бурями, которые проносились по залам Таврического дворца, где меньшевики и эсеры истекали «сладенькими фразами, прилизанными, пустейшими декламациями, посулами и посулами», и думал только о том, что он сегодня «потерял по-напрасну день». С тем же равнодушным и скучающим видом Владимир Ильич вернулся в ложу. Он оживился только тогда, когда к нему подошли двое американских журналистов-социалистов, сочувствовавших советской России (А. Р. Вильямс и Дж. Рид), и стали рассказывать о своей работе по посылке на фронт немецким солдатам социалистических прокламаций. «Его лицо прояснилось, когда мы сказали, что материал печатается целыми тоннами и через окопы направляется в германскую армию. Этот маленький кусочек живого революционного дела гораздо больше интересовал Владимира Ильича, чем все дебаты учредителей — «пришельцев с того света». Заинтересовавшись затруднениями, которые Вильямс и Рид как иностранцы испытывают с русским языком, Владимир Ильич, «блестя глазами и жестикулируя», стал излагать им приемы изучения русского языка. Остальные журналисты с завистью издали следили за этой беседой, уверенные, что Владимир Ильич дает американцам «интервью» об отношении советской власти к Учредительному собранию. Но они ошибались: «Председатель Совета народных комиссаров российской республики просто излагал перед нами свой взгляд, как нужно иностранцу изучать русский язык...»

3

После выступления фракционных ораторов, когда стал вопрос о дальнейшем ходе работы Собрания, правоэсеровское большинство Учредилки отказалось обсуждать «Декларацию

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 182.

² Там же.

³ Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине», стр. 44. Партиздат. 1934.

прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Отказавшись признать советскую власть и завоевания Октябрьской революции, Учредительное собрание тем самым до конца разоблечило свою антисоветскую сущность. После того как Учредительное собрание открыто противопоставило себя пролетарской диктатуре, после того как оно открыто показало себя органом контрреволюции, «тяжелый, скучный и нудный день» (Ленин) пришел к концу.

Дальнейшее участие большевиков в «работах» Учредительного собрания становилось излишним. Они потребовали, по указанию Ленина, перерыва, во время которого было решено покинуть Учредительное собрание. Тогда же, по предложению Ленина, был предрешен роспуск Учредительного собрания.

Члены большевистской фракции хотели было вернуться после перерыва в зал заседаний, чтобы затем демонстративно уйти оттуда в полном составе, но Ленин отсоветовал делать это. Он видел возбужденное настроение рабочих и солдат, сидящих на хорах (среди них было немало вооруженных), и особенно караульных солдат и матросов, с ненавистью смотревших на эсеров и меньшевиков. «Да разве вы не понимаете, — говорил Владимир Ильич членам фракции, — что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков?»¹. Фракция согласилась с мнением Ильича. Делегаты-большевики частью разошлись по домам, частью поднялись на хоры или прошли в соседние залы, чтобы оттуда наблюдать за дальнейшим ходом событий.

По окончании перерыва тов. Раскольников от имени фракции большевиков огласил — это было во втором часу ночи — написанную Лениным декларацию. Декларация клеймила поведение Учредительного собрания и оканчивалась следующими словами: «Не желая ни минуты прикрывать

преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционному Учредительному собранию». Предосторожность Владимира Ильича оказалась как нельзя более уместной: чтение большевистской декларации и разрыв большевиков с Учредительным собранием произвели настолько сильное впечатление на сочувствовавших нам матросов и солдат, что многие из них, взволнованные, с горящими глазами, вскинули винтовки наизготовку, кое-кто стал уже прицеливаться в зал заседания, а в одном углу два матроса начали даже тащить к барьеру пулемет... Бросившиеся к ним наши товарищи с трудом успокоили возбужденных матросов и солдат.

Большевики ушли. Поздно ночью в одной из отдаленных комнат Таврического дворца состоялось коротенькое совещание членов Сознаркома и членов ЦК большевиков о дальнейших шагах. Окончательно условились не чинить никаких препятствий учредителям, дать им говорить, сколько захотят, а потом дворец запереть и на этом «прикончить» деятельность Учредительного собрания.

В буржуазных революциях разгон парламента представлял собой обыкновенно «эффектную» картину: в зал заседания вводятся войска: начальник отряда предлагает депутатам разойтись; депутаты отказываются подчиниться «грубому насилию»; тогда солдаты разгоняют депутатов ударами прикладов и ружейными выстрелами; наиболее строптивых депутатов арестовывают, и они идут в тюрьму, окруженные ореолом мученичества; о них говорят как о героях, а о самом разгоне парламента создают целые легенды. В пролетарской революции большевики отказали «народным депутатам» — эсерам и меньшевикам — в удовольствии возложить на себя мученический венец.

Уезжая из дворца, Ленин оставил караулу следующее распоряжение: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврич(еского) Дворца, не допускать никаких насилий

¹ И. Мещеряков в «Из воспоминаний о Ленине». Сборник о Ленине. Вып. I, стр. 49.

по отношению к контр-революционной части Учред(ительного) Собрания и свободно выпуская всех из Таврич(еского) Дворца, никого не впускать в него без особых приказов»¹.

Правые эсеры, левые эсеры, меньшевики и кадеты (кадетов было всего несколько человек) продолжали заседать. Без конца лились гладкие речи правоэсеровских ораторов. В конце концов Учредительное собрание покинули и долго колебавшиеся левые эсеры — наши тогдашние попутчики. Между тем время было уже позднее, шел 5-й час утра, а потоку красноречия не предвиделось конца. Получилось так, что буржуазный парламент полностью оправдал свое наименование («парламент» по-русски буквально означает «говорильня»). Матросы, которые бесшумно охраняли Учредительное собрание, устали и нуждались в отдыхе. Начальник караула матрос Железняков подошел к председателю Чернову и сказал, что матросы хотят спать и заседание надо кончать. Испуганный Чернов поторопился закрыть заседание. Делегаты толпой устремились к выходу, толкая и тесня друг друга. Двери дворца заперли. На другой день делегаты приходили к дворцу, чтобы продолжать свои речи, но на дверях висел замок, и по распоряжению правительства туда никого не пускали. Так бесславно окончил свое существование Учредительное собрание.

Поздно ночью 6 (19) января ВЦИК принял по докладу Ленина декрет о роспуске Учредительного собрания, которое «...разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России»². Декрет был написан Лениным; заключительная часть декрета отредактирована Сталиным. Представители правых партий пугали большевиков теми бедами, которые якобы вызовет этот «головокружительный скачок в неизвестность». Но большевики не испугались мрачных пророчеств, и судьба Учредительного собрания была окончательно решена.

Разгон Учредительного собрания не встретил никаких протестов со сто-

роны рабочих и крестьян республики. Пролетариат одобрил роспуск Учредилки. Крестьянство отнеслось равнодушно к разгону буржуазного парламента. В отместку за роспуск Учредительного собрания контрреволюционеры 9 (22) января в Москве обстреляли из засады двухсоттысячную демонстрацию, которая происходила в годовщину кровавого воскресенья 1905 года.

Вышло так, как рассчитывал Ленин и большевики: широкие массы трудящихся Учредилке доверяли, широкие массы трудящихся в Учредилку верили, а когда она раскрыла свой контрреволюционный характер и большевики Учредилку разогнали, ни одна мало-мальски заметная группа крестьян, тем более рабочих, не подумала заступиться за «покойницу». Благодаря своей умной и осторожной тактике наша партия обеспечила безболезненное изживание в широких массах учредительских иллюзий. Буржуазной демократии был нанесен сильнейший удар. Твердо помня практическое правило Ленина: «...не принять изжитого для нас за изжитое для масс»³, партия сумела разбить и развеять обманчивые надежды, которые возлагались еще широкими массами на Учредительное собрание, сумела помочь им изжить учредительские иллюзии и тем самым крепче и сильнее сплотила эти массы вокруг пролетарской диктатуры, вокруг Советов.

* * *

Так победоносно для нашей партии, для рабочего класса закончилось столкновение пролетарской диктатуры с Учредительным собранием. Тактика большевиков по отношению к Учредительному собранию — в целом и в отдельных деталях — была выработана Лениным. Ленин же руководил каждым шагом нашей партии в этой большой стратегической кампании. Рядом с Лениным, бок о бок с ним, работал Сталин, вернейший, надежнейший товарищ Ильича, его лучший друг и соратник в революционной борьбе.

¹ Ленинский сборник XVIII, стр. 46.

² Ленин. Т. XXII, стр. 189.

³ Ленин. Т. XXV, стр. 201.

П. Галкина

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

1

27 сентября 1917 года в Петрограде открылось созванное меньшевистско-эсеровским ЦИК Всероссийское демократическое совещание, ставившее своей целью отвлечь рабочий класс и трудящихся от назревшей пролетарской революции.

К этому времени экономическое состояние страны под ударами продолжавшейся империалистической войны и вследствие буржуазной экономической политики Временного правительства катастрофически ухудшилось. Правительство Керенского за время своего существования провело лишь три экономических мероприятия: стопроцентное повышение цен на хлеб в угоду помещикам, вызвавшее глубокое возмущение не только среди трудящихся города, но и значительной части крестьянства, прикупающего хлеб; взятие на учет всей хлопчатобумажной продукции при одновременном поощрении губительной для масс спекуляции и выпуск пяти миллиардов бумажных денег, еще более способствовавших разрушению всего народного хозяйства.

«России грозит неминуемая катастрофа,—писал в это время Ленин.— Железнодорожный транспорт расстроен невероятно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышлен-

но и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»¹.

Этому именно содействовало всей своей политикой правительство Керенского, активно поддерживаемое эсеро-меньшевистскими партиями.

Выдвинувшийся в февральские дни Керенский успел к сентябрю пройти путь, весьма характерный для вождя мелкой буржуазии.

Войдя в первый состав Временного правительства как представитель мелкобуржуазной демократии, Керенский шел на поводу у крупной буржуазии, использовавшей его ярлык «социалиста» для удушения революции, дальнейшего развития которой грозило буржуазии гибелью. Период керенщины, период власти «поэта демократии», как называли Керенского эсеры, явился периодом жестокой расправы со всеми демократическими началами, завоеванными Февральской революцией.

Однако после июльского расстрела петроградских рабочих буржуазия, решившая в открытое наступление на рабочий класс, проявила все же недовольство главой правительства — Керенским — вследствие наблюдавшихся у него колебаний, столь свойственных ему как представителю мелкой буржуазии. Желая сосредоточить власть в руках классово своего человека, буржуазия выдвинула нового вождя в лице монархиста генерала Корнилова, наметив его в военные диктаторы.

Но контрреволюционное выступление Корнилова не удалось.

После разгрома корниловщины революционными петроградскими рабочими и солдатами Керенский, мечтавший о лаврах Бонапарта, пользуясь создавшейся обстановкой, усилил проявление личной диктатуры, опираясь на буржуазию, надеявшуюся с его по-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 159.

мощью по крайней мере сохранить послениюльские позиции.

Вскрывая перед массами контрреволюционную сущность керенщины, Ленин писал: «Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство (через Терещенко и К^о) с империалистами «союзниками», тайные оттяжки и саботирование Учредительного Собрания, тайные обманы крестьян, чтобы услужить Родзянке, т.е. помещикам (удвоение хлебных цен), вот чем занимается Керенский на деле. Вот его классовая политика. Вот в чем его бонапартизм»¹.

Участовавшие во Временном правительстве министры-«социалисты» не только не боролись с бонапартистскими тенденциями Керенского, но всячески прикрывали эти тенденции, содействуя осуществлению его планов.

Один из министров-«социалистов» правительства Керенского — Зарудный — в минуты откровенности заявил, что если проследить сравнительно краткую историю Временного правительства, то можно увидеть, как в результате ряда правительственных кризисов «власть оказалась в руках одного. Кем она была ему вручена? Несколькими министрами-социалистами».

Место и роль министров-«социалистов» в буржуазном правительстве и отношение к ним Керенского со всей полнотой и яркостью вскрылись накануне корниловского восстания. Участвовавший в контрреволюционном заговоре Керенский призвал к себе министров и сообщил, что он должен быть уполномочен на чрезвычайные меры для подавления ожидаемых беспорядков, намекнув при этом, что «данное правительство до известной степени подлежит реорганизации». «И стоило ему намекнуть, — сообщает Зарудный, — как все министры взяли листы и написали свои прошения об отставке». Таким образом, Керенский, чтобы сговориться с Корниловым, велел уйти министрам-«социалистам», и те немедленно подчинились. «Но оказалось, что это ни к чему не привело, — продолжает Зарудный. — На другой же день, несмотря на нашу

отставку, нас призывали, с нами советовались, нас оставили в конце концов»².

Такова холопская роль по отношению к буржуазии и предательская по отношению к пролетариату и трудящимся, которую взяли на себя оторвавшиеся от масс вожди мелкобуржуазной демократии.

Буржуазное Временное правительство и соглашательские эсеро-меньшевицкие партии своим практическим поведением наглядно показали свою контрреволюционность и окончательно оттолкнули от себя трудящиеся массы, все больше убеждавшиеся, что единственной выразительницей их интересов является партия большевиков.

В половине сентября политическая жизнь страны характеризовалась непрерывным левением масс. Последние иллюзии, связанные с соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров, изживались не только среди рабочих, в рядах которых наблюдалось почти полное исчезновение меньшевиков, но и среди солдатских масс. Они изживались и трудящимся крестьянством, также решительно отходившим от эсеров, которые гарантировали ему землю на кладбище и волю на небесах.

Влияние большевистской партии среди трудящихся слоев населения росло с каждым днем.

Это было со всей очевидностью доказано происходившими тогда выборами в советы, давшими большинство депутатов большевиков и их сторонников.

Большевизация советов была прямым результатом разоблачения контрреволюционной политики Временного правительства, результатом воспитательной и организационной работы большевиков среди масс, все более и более сплывавшихся под знаменем пролетарской революции, под знаменем большевизма.

«Недовольство, возмущение, озлобление в армии, в крестьянстве, среди рабочих растет, — писал Ленин. — Все обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эс-эров и меньшевиков с буржуазией нервирует массы, откры-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 213.

² Архив Октябрьской революции (АОР). Фонд 1238, д. № 4, л. 11.

вает им глаза, толкает их на восстание»¹.

Консолидация сил пролетариата и резкий социальный сдвиг всех трудящихся в сторону осуществления пролетарской революции вызвали в стане буржуазии и среди ее слуг — меньшевиков и эсеров — вполне понятную тревогу.

23 (10) сентября меньшевистская «Рабочая газета» писала:

«В настроении Петроградского совета произошел решительный перелом. Совет стал на почву большевизма. Мы, — заявляли меньшевики, — считаем этот перелом в высшей степени опасным. Обязанность всех социал-демократов — всеми силами удерживать пролетариат от этого гибельного пути».

«Большевизм, — писала эсеровская «Земля и воля», — захватил теперь и организованные центры рабочей и солдатской демократии».

Меньшевики и эсеры, потерявшие свое большинство в советах и влияние в массах, видя надвигающуюся опасность захвата власти пролетариатом под руководством большевистской партии, развернули ожесточенную борьбу во имя спасения власти буржуазии. С этой целью они пошли на явный подлог. Вместо обещанного в сентябре нового созыва с'езда советов эсеров-меньшевистский ЦИК, ставший фактически исполнительным органом Временного правительства, решил созвать Всероссийское совещание «демократии».

По замыслу меньшевиков и эсеров, Демократическое совещание должно было расширить социальную базу Временного правительства и поднять его совсем упавший авторитет.

Выдавая Демократическое совещание за подлинное представительство революционного народа, соглашательский ЦИК пытался противопоставить требованиям пролетариата о передаче власти советам контрреволюционные решения Совещания и вместе с тем с его помощью избежать отчета перед большевизировавшимися за это время советами.

Поставив перед Демократическим совещанием контрреволюционные це-

ли, ЦИК, действиями которого руководило Временное правительство, обеспечил усиленное представительство на созывании городских самоуправлений, земств, кооперативных и других подобных организаций, о представителях которых Ленин писал: «Тот, кто оставался только в кооперативах, только в пределах муниципальной (городской и земской) работы, тем самым выделял себя добровольно из рядов революционной демократии, тем самым причислял себя к демократии, либо реакционной, либо нейтральной»².

В воззвании за подписью Чхеидзе и Авксентьева по поводу созыва Демократического совещания сообщалось о постановлении ЦИК: «Собрать все силы страны, чтобы организовать ее оборону, помочь в ее внутреннем устройстве и сказать свое решающее слово в вопросе об условиях, обеспечивающих существование сильной революционной власти»³.

Было ясно, что для меньшевиков и эсеров Демократическое совещание являлось новой попыткой обмануть пролетарские массы и отвлечь их от прямой революционной борьбы за власть.

Рабочие и трудящиеся всей страны враждебно отнеслись к соглашательской затее с Демократическим совещанием. Многочисленные резолюции провинциальных советов, пачками поступающие в адрес ЦИК, красноречиво говорят об этом.

Объединенное заседание ревельского совета и совета Эстонского края совместно с представителями рабочих и флотских организаций, возмущаясь подтасовкой представительства на Демократическом совещании, указывает «на некомпетентность его решать общегосударственные вопросы» и требует «немедленного созыва с'езда рабочих и солдатских депутатов»⁴.

Пролетариат и трудящиеся Иваново-Вознесенска в лице своего совета Р. и С. Д. заявляли по поводу Демократического совещания, что «из воззвания исполкома советов, подписанного Чхеидзе и Авксентьевым, мы видим, что они, искусственно устрояя

² Ленин. Т. XXI, стр. 211—212.

³ АОР. Фонд 1238. Арх. № 1.

⁴ Там же.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 221.

одни организации и давая многочисленное представительство другим, стремятся таким образом обеспечить большинство для дальнейшего проведения политики соглашательства. Поэтому Ивановознесенский совет не может не протестовать против таких действий ЦИК. Мы находим, что изменившееся настроение страны действительнее и ближе выразят съезды советов Р. и С. Д. и на этих съездах должно быть переизбрание ЦИК»¹.

Аналогичное решение было принято советом Бежанского горнозаводского подрайона и целым рядом других советов и даже городских дум самых отдаленных уголков России.

Выступления рабочих и трудящихся против Демократического совещания, их призывы к уничтожению Временного правительства и соглашательского ЦИК были прямым результатом большевистского влияния: они свидетельствовали о крепкой связи большевистской партии с массами, о ее внимательном и правильном учете их настроений. С другой стороны, эти выступления не менее красноречиво свидетельствовали о той бездне, которая образовалась между трудящимися и эсеро-меньшевистскими партиями, оказавшимися в полной изоляции.

2

Собравшееся в петроградском Александринском театре Демократическое совещание открылось речью Керенского, задавшей тон всему совещанию.

«Временное правительство, — заявил Керенский, — ожидает от этого собрания поддержки и хочет слышать от сынов земли русской слово разума... Будьте на страже, — взывал он, — остерегайтесь путей, которые могут сбить демократию и власть с того единственного пути, по которому мы шли до сих пор... Да здравствует революционная армия и офицеры, которые спасут нас от гибели!»².

Заключительные слова Керенского о «спасительной» силе офицеров и ар-

мии как нельзя ярче выразили весь его бонапартизм.

Вопрос о власти, для разрешения которого собралось Демократическое совещание, обсуждался в плоскости организации ее совместно с буржуазией или без нее.

Меньшевики и эсеры, не признававшие никакой разницы между Февральской буржуазно-демократической революцией в России и классической буржуазной Французской революцией XVIII века и ей подобными, утверждали на этом основании, что власть должна быть создана с буржуазией во главе.

«Мы глубоко уверены, — говорил на совещании эсер Бернштейн, — что наша революция буржуазная и задача ее — утвердить только те социальные реформы, которые присущи буржуазному строю. Хотим мы или не хотим, именно буржуазия явится тем классом, которому, по вечным законам социологии истории, будет принадлежать власть»³.

Однако, учитывая, что мнение пролетариата и трудящихся по этому вопросу диаметрально противоположно, что происшедший поворот масс в сторону большевизма требует от соглашателей осторожности, вожди мелкобуржуазных партий вместо прямого призыва к укреплению власти в руках буржуазии высказались за создание коалиционного правительства, что, по тем же меньшевистско-эсеровским «законам социологии истории», означало бы в силу соглашательской политики «социалистов» сосредоточение власти в руках одного класса — буржуазии.

«Мы настаиваем на коалиционной власти, — заявлял на совещании меньшевик Соколов, — так как власть в роковую эпоху войны должна быть общенародной, неклассовой и надпартийной»⁴.

«Вне коалиционной власти, — вторил Соколову меньшевистский вождь Цеттели, — мы не видим способа запретить революцию и избежать гражданской войны»⁵.

Пытаясь навязать массам коалицию

¹ Протоколы Ивановознесенского совета Р. и С. Д. Протокол № 101. Облархив.

² АОР. Фонд 1238, д. № 1.

³ АОР. Фонд 1238, д. № 5, л. 15.

⁴ Там же, д. № 4, л. 11.

⁵ Там же, л. 21.

с буржуазией, соглашатели запугивали их ответственностью за судьбу народного хозяйства.

В случае отказа от коалиции и создания однородного социалистического правительства демократии придется «взваливать на свои плечи всю хозяйственную, всю общественно-политическую работу, все государство, всю армию. И делать эту работу не только при полном безучастии имущих классов, но и при скрытом и явном противодействии их... Это означало бы полное одиночество демократии, это было бы величайшим несчастьем революции. Итак, коалиция неизбежна. Коалиция необходима»¹.

Пугали и тем, что буржуазия отечественная и иностранная не даст денег на управление государством однородно-демократическому правительству.

Наконец, один из ярых сторонников коалиции — меньшевик Скобелев — в своем выступлении на Совещании прямо намекнул на основную причину их борьбы за коалиционное правительство — на опасность большевизма.

«Власть демократии без цензовых элементов, — говорил Скобелев, — надо прямо сказать, будет социалистической, будет властью однородных социалистов, а может быть, и товарищей большевиков»².

Как политически пошлы, как продажны все эти доводы меньшевиков и эсеров, пытавшихся во имя интересов буржуазии убедить пролетариат и трудящихся в их неспособности управлять государством без помощи буржуазно-помещичьих классов, особенно ясно видно сейчас в свете великих достижений пролетариата СССР, успешно строящего социализм в своей стране.

Демократическое совещание несмотря на специально подобранный состав его и уговоры соглашателей все же в огромном большинстве своем не реналось высказаться за коалицию с буржуазией, ярко проявившей свою враждебность по отношению ко всем трудящимся в дни корниловщины.

Разногласица обнаружилась на Со-

вещании и внутри самих соглашательских партий.

Среди меньшевиков образовалась группа правых во главе с Даном (сторонники коалиции) и левых во главе с Мартовым, высказывавшихся за коалицию «городской и деревенской демократии с рабочим классом», но против соглашения с кадетами.

Каждая из этих групп выступила на Совещании со своей платформой.

«Не стремясь к захвату власти, — гласит декларация, оглашенная Даном, — советы (меньшевикско-эсеровские. — П. Г.) всегда стремились не только привлечь все силы рабоче-крестьянской и солдатской демократии, но и привлечь к разрешению очередных задач все те элементы цензовых классов, интересы которых не противоречат революции на данной стадии ее развития. Советы боролись как против захвата власти крайними элементами демократии (большевиками. — П. Г.)... так и против попыток имущих классов преждевременно взвалить все бремя власти на плечи демократии... И, верные своей традиции, мы считаем нужным звать к участию в правительстве все цензовые элементы»³.

Этот классически соглашательский документ, повторяя в основном выступление Керенского, сводился к призыву «всех живых сил страны» осуществить эсерово-меньшевикскую «программу 14 августа», оглашенную на контрреволюционном Московском совещании, называемую ими «общенациональной программой спасения революции» и являющуюся на деле программой соглашения с врагами пролетариата.

Декларация Мартова призывала «отвергнуть всякое соглашение с цензовыми элементами и приложить свои силы к делу создания... власти, ответственной вплоть до Учредительного собрания перед правомочным представительством трудящихся масс»⁴.

Отличаясь некоторой левизной, декларация мартовцев по главному во-

¹ «Земля и воля» № 131 от 6 сентября 1919 года.

² АОР. Фонд № 1238, д. № 4, л. 11.

³ АОР. Фонд № 1238, д. № 7, л. 30 (подчеркнуто мною.—П. Г.).

⁴ Там же, л. 22.

просу — о путях революции — не расходилась с декларацией правоменьше-вистской группы, выступая также против диктатуры пролетариата ввиду «неподготовленности и незрелости рабочего класса».

Разногласица наблюдалась и в среде эсеров, разбившихся на три группы: правая во главе с Гоцем, Авксентьевым и Керенским, центр — с Черновым и левые — со Спиридоновой и Камковым, — высказывавшихся против допущения кадетов к власти.

Таким образом, на Демократическом совещании царил полный хаос мнений и рецептов, предназначавшихся для «оздоровления» власти.

Правоэсеровская «Воля народа» писала:

«Две, по крайней мере, формулы власти у эсеров, четыре подфракции у меньшевиков, шесть разных мнений у прочих. Неудобно ли построить что-либо прочное на таком рассыпающемся фундаменте»¹.

Разногласица в лагере соглашателей явилась отражением отхода широких слоев мелкой буржуазии от меньшевистско-эсеровских партий.

«Размежевка классов идет вперед, — писал тогда Ленин. — Изнутри партий эс-эров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения»².

Буржуазные газеты отмечали, что определенностью и прямолинейностью отличаются только взгляды большевиков.

Кадетская «Речь» писала о позициях мелкобуржуазных партий на Совещании: «Такого разброда мнений, такой неустойчивости положительно нельзя себе представить... А большевики стоят в позе Мефистофеля и, скрестив руки, ехидно улыбаются над бесплодными потугами... Увы, они одни знают, чего хотят!»

Две недели билось Совещание над вопросом, какое создать правительство. Внесено было пятнадцать резолюций, исключавших одна другую.

Однако под влиянием окончательного отхода трудящихся от меньшевист-

ско-эсеровских партий и особенно под напором растущей с каждым днем революционной активности пролетариата Демократическое совещание большинством голосов высказывалось против коалиции, против соглашения с буржуазией.

Попытка меньшевиков и эсеров притянуть широкие слои мелкой буржуазии к соглашению с крупной буржуазией и расширить таким образом социальную базу Временного правительства не удалась.

Однако соглашатели не теряли надежд. Внесенная 3 октября (20 сентября) меньшевиком Церетелли резолюция требовала создания особого органа, «который должен содействовать организации власти... Причем в случае привлечения и цензовых элементов в состав Временного правительства орган этот может и должен быть дополнен делегатами от буржуазных групп»³.

Из подтасованного Демократического совещания вышел подтасованный представительный орган, названный Временным советом республики, или предпарламентом, на разрешение которого и был передан не решенный Совещанием вопрос о власти.

Правый эсер Авксентьев предлагал превратить предпарламент в орган контроля, который следил бы за деятельностью Временного правительства. Но, чтобы придать предпарламенту «общенациональную авторитетность», Авксентьев предлагал с самого начала «включить в предпарламент представителей цензовых классов».

Керенский и буржуазия, считая, что при существующих условиях создание предпарламента необходимо, возражали, однако, против политической ответственности перед этим «государственным органом с демократическим большинством».

Мнения буржуазии и соглашателей сходились лишь на том, что предпарламент явится выразителем общественного мнения различных групп «населения», от лица которых Временное правительство будет продолжать проведение буржуазной политики, направ-

¹ «Воля народа» от 16 (29) сентября 1917 года.

² Ленин. Т. XXI, стр. 212.

³ В. Владимирова «Революция 1917 г.». Т. IV, стр. 317. Изд. 1924 года.

ленное на удушение пролетарской революции.

Что касается подотчетности Временного правительства предпарламенту, то Керенский, успокаивая буржуазию, заявил представителям кадетской партии Набокову и Аджемову, что «о формальной политической ответственности членов Временного правительства перед парламентом не может быть и речи»¹.

Но кадеты пожелали еще большей гарантии от Керенского, потребовав от него, чтобы и чисто моральная ответственность перед предпарламентом была лишь в том случае, «если проектируемый предпарламент будет организован самим Временным правительством и примет характер чисто совещательный»².

По определению Ленина, главное назначение предпарламента, этой «церетеллевской бульгинской думы», заключалось в том, чтобы «...обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для старой, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией»³. Жизнь скоро подтвердила это.

Главные организаторы предпарламента: меньшевики Чхеидзе и Церетелли, эсеры Гоц и Авксентьев — немедленно после раз'езда делегатов Демократического совещания приступили к переговорам с представителями крупной буржуазии и Керенским по вопросу о создании нового коалиционного правительства из представителей мелкобуржуазных и буржуазных партий. В результате достигнутого соглашения было создано третье по счету коалиционное правительство из десяти «социалистов» и шести кадетов-капиталистов во главе с крупным промышленником Коноваловым.

Предпарламент же взял на себя роль контрреволюционного комиссара при Временном правительстве.

Таким образом идейное детище эсеро-меньшевистских партий — Демократическое совещание с его предпарламентом — лишний раз доказало совер-

шенную неспособность мелкой буржуазии и ее партии к выполнению самостоятельной роли в революции, к проведению самостоятельной политики. Оно явилось еще одним шагом, сблизившим меньшевиков и эсеров с буржуазией, с предельной ясностью вскрыло контрреволюционную роль этих партий, хватающихся за все средства, чтобы предотвратить пролетарскую революцию. Наконец, будучи призвано прикрыть откровенные стремления Керенского к установлению личной диктатуры, Демократическое совещание в действительности явилось, по характеристике Ленина, обнажением бонапартизма Керенского и господ Церетелли, Чернова и компании.

В этом именно и заключалось классовое значение второго издания контрреволюционного Московского совещания — Совещания демократического.

3

Большевики, зная настоящий смысл и задачи Демократического совещания, решили, однако, использовать его трибуну для разоблачения контрреволюционной сущности и предательской роли в нем меньшевиков и эсеров.

Декларация большевиков, оглашенная на Совещании 1 октября, требовала передачи всей власти в руки советов и созыва с'езда их. Это «участие» большевиков в Совещании «...имело, — пишет Ленин, — исключительно такое же оправдание, как участие наше в III Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу»⁴.

Однако Ленин тут же раз'яснял, что III дума созывалась в момент упадка революции, в момент же созыва Демократического совещания «идет нарастание новой революции». Учитывая это, Ленин в своих письмах из подполья указывал, что решение вопроса о власти лежит вне Демократического совещания, на заводах и в солдатских казармах, куда и предла-

¹ Газета «Русские ведомости» № 216.

² Там же.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 218.

⁴ Ленин. Т. XXI, стр. 213.

гал двинуть всю большевистскую фракцию Совещания для прямой подготовки вооруженного восстания.

Это диктовалось всей сложившейся обстановкой. Голосование представителей советов на Демократическом совещании, голосование местных советов крестьянских депутатов против коалиции (вопреки их центральному совету, возглавленному Авксентьевым и др.), выборы советов в Москве, где половина избирателей голосовала за большевиков, — все это свидетельствовало о полном крахе доверия народных масс к Керенскому и соглашателям и говорило о своевременности прямой подготовки к реализации большевистского лозунга «Вся власть Советам» «...по крайней мере с половины сентября, — писал Ленин, — этот лозунг равносильно призыву к восстанию»¹. К тому же призывал и Сталин, который писал: «...настоящий хозяин страны, рабочие и солдаты, не хотят иметь никаких совещаний с врагами революции. Сведения из районов и полков в один голос говорят о том, что рабочие мобилизуют силы, солдаты стоят под ружьем. Очевидно, рабочие предпочитают говорить с врагами по-вражески.

Иначе и не может быть: с врагами бьются, а не совещаются»².

Поэтому, когда большевистская фракция Совещания высказалась за вхождение в предпарламент, Ленин и Сталин выступили резко против этого. Вожди революционного пролетариата указывали, что в момент, когда нарастает пролетарская революция, нельзя допускать, чтобы меньшевики и эсеры обманывали массы, отвлекая их от революции болтовней в предпарламенте. Внепарламентские средства пропаганды, агитации и организации, внепарламентские средства борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства были в этот период гораздо сильнее.

Вот почему Ленин и Сталин доказывали, что тактика участия в предпарламенте неверна, ибо она не соответствует объективным условиям момента. Владимир Ильич настаивал на

исправления ошибки. «Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, — писал он, — да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни»³.

Ленин и Сталин призывали бойкотировать предпарламент, идти в советы, профсоюзы, к массам и вооружать их правильным лозунгом — «Вся власть Советам». Следуя их указаниям, большевистская фракция ушла из предпарламента в первый же день его заседания (21 (8) октября), огласив убийственную для меньшевиков и эсеров декларацию.

В связи с Демократическим совещанием партии пришлось дать отпор правооппортунистическим шатаниям Л. Каменева и Г. Зиновьева, безоговорочно высказывавшихся за участие в Демократическом совещании и в предпарламенте. В поисках путей «мирного развития революции» Зиновьев предлагал идти на соглашение с мелкой буржуазией городов и деревень, на коалицию с соглашательскими партиями. «Не мы, конечно, будем препятствовать созыву Демократического совещания, — заявил он, — мы примем в нем самое деятельное участие»⁴.

«Разумеется, завтра, быть может, он (Зиновьев. — П. Г.) будет говорить обратное тому, что писал вчера, — злорадовывалась меньшевистская «Рабочая газета» по поводу статьи Зиновьева. — Но все же показательно, если даже он проповедует соглашение и компромиссы, если и он начинает защищать идею коалиции вместо «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства»⁵.

Зиновьев не учитывал, вернее, не хотел учитывать, что малейший политический союз с меньшевистско-эсеровскими партиями, малейшее выражение доверия им были в период Демократического совещания такой же изменой, «как доверие кадетам в 1905 — 1917 годах»⁶.

Идя правооппортунистическим путем рука об руку с Зиновьевым, Ка-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 323.

² Сталин «На путях к Октябрю», стр. 152.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 219.

⁴ «Рабочий путь» от 13 (26) сентября 1917 года.

⁵ «Рабочая газета» № 160 от 14 (27) сентября 1917 года.

⁶ Ленинский сборник VII, стр. 328.

менев в своем выступлении на Демократическом совещании призывал съехавшихся кооперативно-земских «демократов» объявить себя единственной властью. Власть должна перейти «не к советам рабочих и солдатских депутатов, а в руки той демократии, которая здесь достаточно полно представлена. Здесь должны быть намечены те органы, перед которыми эта власть и будет отвечать. Возьмите же эту власть»¹,—взывал Каменев.

Будучи решительным противником вооруженного захвата власти, Каменев с еще большей настойчивостью отстаивал свою соглашательскую позицию в вопросе об участии в предпарламенте.

После единогласного решения ЦК большевистской партии бойкотировать предпарламент Каменев в знак протеста против этого решения заявил об отказе выполнять порученную ему партией работу во ВЦИК.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как правооппортунистические шатания Каменева и Зиновьева логически переросли в контрреволюционность, направленную против единственного в мире пролетарского государства.

Меньшевикам и эсерам и их пособникам типа Каменева, Зиновьева задержать ход революции не удалось: пролетарская революция назревала, и никакие Демократические совещания и предпарламенты предотвратить ее не могли.

Больше того, подтвердив замечание Маркса, что контрреволюция подстегивает революцию, Демократическое совещание содействовало еще большему сплочению пролетариата и трудящихся вокруг большевистской партии и ускорило взрыв пролетарской революции.

Экономические революционные стачки предоктябрьского периода разворачивались все шире и глубже. Сотни тысяч бастующих текстильщиков Московского и Иванововознесенского

районов подошли вплотную к захвату власти. Широкой волной распространились по всей стране крестьянские восстания.

Солдаты, отказываясь воевать за интересы империалистов, бежали с фронта домой. Все говорило о том, что массы, насытившись обещаниями соглашателей, не хотят больше ждать. Большевистская партия, завоевавшая доверие трудящихся и сумевшая убедить их на их собственном опыте в правильности своих лозунгов, повела рабочий класс и беднейшее крестьянство на открытую вооруженную борьбу за диктатуру пролетариата.

Все свои силы в этот период партия большевиков направила на подготовку вооруженного восстания.

7 ноября (25 октября) над столицей многомиллионной страны взвилось красное знамя большевизма-ленинизма как воплощение ленинской стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата.

Октябрьская революция смела как хлам все формы коалиционных комбинаций, поставив эсеро-меньшевистские партии перед дилеммой: с революцией или против нее. Но, заключив союз с буржуазией, они выбрали путь контрреволюции.

Путь этот был predetermined мелкобуржуазной социальной сущностью меньшевизма и эсеровщины; последующие этапы контрреволюционного развития этих партий (процесс меньшевиков Промпартии) явились лишь закономерным развитием позиции мелкой буржуазии в период борьбы рабочего класса за окончательную победу социализма.

Анализируя исторический путь мелкой буржуазии, Ленин указывал, что в 1789 году мелкие буржуа еще могли быть великими революционерами, в 1848 году они были смешны и жалки, а в 1917 и последующих годах—это отвратительные пособники, прямые лакеи буржуазии,—все равно, зовут ли их Черновыми, Данами, Мартовыми, Макдональдами или Каутскими.

¹ АОР. Фонд 1238, д. № 3.

КАК ПРОИСХОДИЛИ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Выборы в первый буржуазный российский парламент — Учредительное собрание — состоялись 12 ноября 1917 г., т. е. спустя две недели после совершившейся Великой пролетарской революции. В деревне они растянулись на более продолжительное время.

Антисоветские партии были уверены, что выборы в Учредительное собрание пройдут при поголовном участии всего населения, необычайно торжественно и с большим энтузиазмом.

Но первые же дни избирательной кампании принесли большое разочарование всем контрреволюционным партиям.

Уже 11 ноября, накануне выборов, эсеровская газета «Дело народа» писала: «Об Учредительном собрании говорят с необычайной тоской и, главное, неверием в него... Призывают голосовать, но где шум избирательной борьбы, где уличная агитация за те или другие списки, где громяющие машины, автомобили с плакатами, знаменами, листовками? В атмосфере мрака и отчаяния происходят выборы в Учредительное собрание, и в этом весь ужас нашего положения»¹.

Эта же газета через несколько дней после начала выборов констатировала отсутствие под'ема, «который мог бы соответствовать тому великому делу, какое сейчас совершается». Полную

¹ «Дело народа» от 11 ноября 1917 года.

индифферентность населения к выборам отмечали также «Известия ЦИК», «Рабочая газета», «Новая жизнь» и другие газеты.

Протокол заседания Маленковского уездного совета крестьянских депутатов от 15 октября 1917 г. также отмечал безразличное отношение народных масс к выборам в Учредительное собрание². Такая же картина наблюдалась в Гдовском, Торопецком и других уездах.

В Симбирске из 52 тысяч выборщиков голосовало только 18 142, в Калуге голосовало всего 36% выборщиков, в Нижнем Новгороде — 37, в Иваново-Вознесенске — 36 — 55%. На окраинах Саратова этот процент колебался от 33 до 56,2. В Тотьме из 2335 избирателей голосовало всего 1117.

Все это говорило о том, что никакие усилия буржуазных и мелкобуржуазных партий не смогли уже воссоздать того ореола Учредительного собрания, которым оно было окружено на первом этапе революции. В результате упорной и систематической работы партии большевиков буржуазный парламентаризм был политически изжит широкими трудящимися массами. И лишь для того, чтобы окончательно и бесповоротно развенчать в глазах трудящихся масс идею Учредительного собрания, помочь убедиться в его контрреволюционной сущности, большевики не отказались от созыва Учредилки и от участия в выборах.

Буржуазия, в руках которой находился весь избирательный аппарат, постаралась использовать его в своих интересах. Кадетско-эсеровские избирательные комиссии несмотря на длительный срок подготовки выборов в Учредительное собрание ничего не сделали для ознакомления сельского населения ни со сложной техникой выборов, ни с избирательными правами. Больше того: эти комиссии, пользуясь неосведомленностью крестьянских масс, нередко прибегали к целому ряду злоупотреблений и подлогов.

² Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), фонд 393, архив № 6 (дело Владимирской губернии. 1917 г., стр. 173).

Избирательные списки были опубликованы поздно. Ко дню выборов не были готовы конверты, не все волости получили бюллетени.

В ряде мест выборы производились, несмотря на то что не было всех списков. Например в Дроздовской волости, Псковской губернии, выборы производились простой отметкой на листе бумаги. В Пружскую волость, Тверской губернии, было прислано 3714 бюллетеней, но голосовать могли лишь 2200 человек, так как для остальных не оказалось конвертов. Таким образом 1514 человек были лишены права голоса. Волость эта была почти вся большевистская. Крестьяне были возмущены и требовали повторения выборов¹. В той же Тверской губернии, в Павликовской волости, списки кандидатов были розданы с опозданием и в недостаточном количестве. Наблюдалось сознательное лишение избирательных прав солдат. Член военно-революционного комитета Пскова, делегированный в Опочку, рассказывал, что он узнал от представителя опочечского комитета о фактах лишения избирательных прав большевистски настроенных солдат. Так например некоторые солдаты 291-го пехотного полка были отправлены командиром полка на комиссию и по освидетельствовании последней распущены по домам как негодные к военной службе. «Оставшиеся солдаты объясняли этот факт определенной целью — лишить солдат-большевиков избирательных прав»².

Прямым защитником кадетской партии во время выборов в Учредительное собрание являлось духовенство. В Петроградской губернии священник одного монастыря с амвона приглашал голосовать за кадетов и сам расклеивал списки кадетов почти на каждой избе³. В селе Старом Киструсе, Рязанской губернии, 12 ноября священник по окончании литургии заявил в своей проповеди с амвона, что «партия большевиков грабит имущества, жжет и ломает, что попадется по пути. Если вы хотите грабить,

¹ «Деревенская правда» от 25 ноября 1917 года.

² «Правда» от 11 декабря 1917 года.

³ «Деревенская беднота» от 2 декабря 1917 года.

— Во имя отца и сына и святого духа...
голосуйте за кад-е-т-о-о-о-в!

жечь,—говорил он,—то голосуйте за них. Еще есть партия эсеров, которая не признает веры в бога. Если хотите не признавать и вы, то голосуйте за них. Нужно голосовать за партию народной свободы»⁴.

В ряде уездов списки выдавались только кадетам или тем, кто обещал голосовать за них. В Курской губернии, например, списки выдавались только грамотным, неграмотные же получали кадетские списки.

В Щеткинской волости, Вологодской губернии, были вывешены лишь эсеровские и кадетские списки, остальных же вообще не было. Во многих местах Ставропольской, Могилевской (Семинский уезд), Таврической (Бердянский уезд), Вологодской (Кадниковский уезд) губерний раздавались одни лишь эсеровские списки. В ряде уездов Смоленской, Могилевской, Вологодской, Рязанской, Новгородской, Витебской, Виленской и других губерний списков большевиков вовсе не было, а если их и выдавали, то в недостаточном количестве.

В одной из волостей Себежского

⁴ «Правда», вечерний выпуск от 24 декабря 1917 года.

уезда, Витебской губернии, список большевиков был доставлен лишь по требованию крестьян. Были случаи, когда крестьяне посылали в Петроград специальных делегатов за большевистскими списками и программой, так как у себя в уездах их получить не могли.

В ряде мест в избирательные списки не включались отдельные группы, отдельные избирательные участки и т. д. Нередки были случаи лишения участия в выборах целых заводов и деревень, как например в Уфимской губернии.

В Тамбовской губернии (Моршанский уезд) запрещалась агитация большевиков. В Исагорском уезде, Архангельской губернии, к урнам не были допущены женщины¹.

Агитатор большевиков Ф. С. Тимошенко, бывший в Сиверской волости, Псковской губернии, во время выборов в Учредительное собрание, сообщал в газету «Деревенская беднота», что земельные собственники вели агитацию путем подкупов, причем, по словам Тимошенко, собственники закупали у женщин бюллетени и платили за них по 2 — 3 копейки.

В Красногорской волости, Опочечского уезда, Псковской губернии, во время выборов практиковались покупка у крестьян списков левых эсеров и большевиков и выдача вместо этих списков кадетских.

В селе Сокуре, Саратовской губернии, начальник станции вместе с кулаками заставлял всех голосовать за список № 12 (эсеров). Они брали карточки и против воли крестьян бросали их в урну. Крестьяне возмущались, кричали, что надо голосовать за список № 10 (большевиков), так как эта самая правильная партия, но кулаки грозили, что кто пойдет за большевиками, того побьют нагайками как в 1905 году. Бывали случаи избивения кулаками тех крестьян, которые осмеливались голосовать за список большевиков².

В некоторых местах не позволялось опубликование декрета о земле (Ле-

пельский уезд, Витебской губернии, Субботинская волость Новоладожского уезда, Петроград. губ. и т. д.).

В Медведской волости крестьянам выдавался на руки кадетский список (№ 1). На просьбы выдать список большевиков (№ 6) председатель избирательного комитета заявил, что этот список изорвали дети³.

2

Нередко практиковались подлоги и уничтожения большевистских списков. В Кординской волости, Зубцовского уезда, Тверской губернии, эсеры агитировали по программе большевиков, а предлагали голосовать за эсеров, говоря, что это их программа⁴. В Минске во время выборов около урны стояло несколько эсеров. При большом напоре людей, пользуясь тем, что некоторые передавали номера не в закрытых конвертах, эсеры, принимавшие бюллетени, незаметно для всех вытаскивали № 9 (за большевиков) и вкладывали свой⁵.

В Псковской волости, Лихвинского уезда, Калужской губернии, неграмотным, просившим список № 7 (большевиков), выдавался список № 2 (эсеров).

Общество деревни Барсуков, Калужской губернии, доводило до сведения Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о том, что «уездный комитет выслал программы и карточки только помещикам, крестьяне же не получили ни программ, ни карточек»⁶.

Из Лифляндской губернии солдаты писали: «Как известно, у нас, в Лифляндской губернии, много богатых помещиков. Они всеми силами стараются возбудить народ и заставить его голосовать за списки №№ 7 и 6 (партия «народной свободы»). Остальные номера велели сжечь»⁷.

«Протестуем против выборов в Учредительное собрание по Никитской

³ «Деревенская беднота» № 44 от 3 (16) декабря 1917 года.

⁴ Там же, от 13 декабря 1917 года.

⁵ Там же, от 2 декабря 1917 года.

⁶ ЦАОР, фонд 1235, д. № 4, л. 35, серия 9/35.

⁷ «Солдатская правда» от 9 января 1918 года.

¹ «Правда» от 17 ноября 1917 года.

² Антонов-Саратовский. «Под стягом пролетарской борьбы». М. и Л. Госиздат. 1925, стр. 237.

волости, Тульской губернии, участок 67, деревня Лопухово. Нет конвертов, нет программ партий. Голосование является явным, воля насилуется, избирательный ящик не запечатан», — сообщал в телеграмме Петроградскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов начальник станции Абросимов¹.

Руководители выборов не раз'яснили избирателям, что в разных губерниях списки партий шли под разными номерами. Это многих смущало.

«Товарищи, — писал с артиллерийского завода Вернов, — примите, пожалуйста, во внимание мой доклад. Я, проживающий последнее время близ города Вологды, на станции Сухона, прочитавши газету «Демократ», из нее заметил, что товарищей большевиков, к какой я принадлежу партии в Учредительное собрание избран № 5, а у нас, по каким-то соображениям № 5 гласил за «Единство Плеханова», № 1 — за социалистов-революционеров, № 2, оказывается, — за нашу партию, № 3 — за трудовиков, № 4 за партию «народной свободы». Так, наша станция голосует более за № 2, а оказывается, что в Москве голосуют за нашу партию № 5. Раз'ясните, пожалуйста, это недоразумение»².

Как было ознакомлено крестьянство с техникой выборов, можно увидеть из тех же крестьянских писем.

Так например, крестьянин Бабичев села Вишнево, Курской губернии, в своей корреспонденции сообщал следующее: «Наступило время выборов в Учредилку. На нашу деревню прислали пуда два избирательных карточек, на каждого избирателя штук 7... С утра погнали баб и мужиков к школе с этими листочками. И вот подходят к писарю, к кому попало: «Пожалуйста, напиши, а то мне некогда, дома дети кричат». Сперва спрашивали: «За кого будешь голосовать, тетка?», — потом и спрашивать перестали. «Пиши, как знаешь»³.

Интересен рассказ крестьянина Б. О. Овчинникова села Арсеньево, Белевского уезда, Тульской губернии,

о том, как его отец голосовал в Учредительное собрание: «За какую партию, за какой номер голосовать, кто их знает, какая куда приведет», — волновался отец. Он был уже старый, 57 лет, и неграмотный. «Ну, ладно, — заключил он, — завтра на сходе видно будет, как люди, так и я. Солдаты, что с войны пришли, они знают, что делать, как они, так и я». Сын напомнил старику о том, что есть письмо с Балтийского моря, где указано, за какой номер нужно голосовать. Письмо нашли. И вот на сходе происходит следующий разговор: «Ну, как ты, кум Восип, что тебе пишет племянник, за какой голосовать-то?» — спросил отца кум его. «Да пишет, что за № 5. Эта партия, говорит, полезна для рабочих и крестьян. Эта партия, говорит, будет называться советской властью. И эта советская власть все фабрики, говорит, и земли отдаст рабочим и крестьянам в их руки...» Живо зашумели и начали отрывать по одной карточке от каждого листа с № 5 и опускать в ящик. Потом ящик этот закупирили и отправили по дистанции, куда он должен следовать»⁴.

Фронт не только настороженно прислушивался к происходящим в деревне событиям: он усиленно слал туда письма, помогая деревне советами и инструктажем.

Но и сама деревня уже начинала правильно угадывать, где находится настоящая правда. На имя ВЦИК и Петроградского совета Раб. Сол. депутатов, на имя Совнаркома, на имя Центрального комитета партии большевиков и, наконец, на имя Ленина посылались запросы, письма и телеграммы.

В телеграмме на имя ВЦИК и Петроградского совета Раб. Сол. депутатов из станицы «Девичьей» спрашивали: «Товарищи, просим раз'яснить, за кого голосовать в Учредительное собрание. Укажите номер списка. Литовский комитет». На означенной телеграмме написан текст ответа: «Петроградский совет постановил голосовать список РСДРП (боль-

¹ ЦАОР, фонд 1235, д. № 4, л. 55.

² Там же, л. № 64.

³ «1917 год в деревне». М. и Л. Госиздат. 1929, стр. 37.

⁴ «1917 год в деревне». М. и Л. Госиздат. 1929, стр. 59.

шевников). Номер узнайте в губернском городе»¹.

Крестьянин Екатеринославской губернии Худолой обращался в совет со следующим письмом:

«Товарищи! По получении сего прошу сообщить мне через газету «Оборона», которую я получаю, за какой номер крестьянам голосовать при выборах в Учредительное собрание, потому что здесь никто ничего не поймет. Одни говорят за № 1, другие — за № 3, а правильно никто не знает и очень сомневаются за ошибку. Есть много и смутьянов, которые сбивают крестьян»².

В письме 5-й Казачьей дивизии говорилось: «По всему видно, что союз казачьих войск трудового казачества никак не защищает, а клонит опять к старому режиму, хочет опять ездить на казачьей шкуре. Затем в казачьих войсках установлены атаманы, можно сказать, небольшие царьки. Наше темное казачество все думает, что они о нем беспокоятся, думали, что улучшится наша жизнь. Повидимому, еще хуже будет, как раньше было.

Так вот, мы, казаки, просим Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов разогнать эту свадьбу, которая в настоящее время в союзе казачьих войск. Они своими бумажками натравливают нас, казаков, на трудовое крестьянство, чтобы у нас получились опять гражданские войны. Но мы, казаки, заявляем, что на трудовое крестьянство никогда не пойдем, а всегда подержим сторону трудового народа, а их бумажкам никогда не будем верить. Мы в настоящее время, казаки, не знаем за какую программу голосовать, у нас до сих пор их не было, казачьих программ, и вот перед Учредительным собранием выставляют казачью программу, которая для трудового казачества неприемлема, и мы за нее голосовать не будем»³.

В связи с выборами кадеты, особенно меньшевики и эсеры, развернули большую агитационную работу. Места лихорадочно засыпались литературой, листовками, плакатами. Со-

юз защиты Учредительного собрания за одну неделю распространил 200 тысяч листовок, призывающих к борьбе за переход всей власти к Учредительному собранию, направил на фронт до 175 тысяч экземпляров своих газет. Всю силу своей агитации эсеры и меньшевики направляли против советской власти. Агитация эта носила исключительно погромный и провокационный характер.

Партия эсеров призывала к борьбе за власть Учредительного собрания. Так, членами Учредительного собрания Шишкиным и Малышевым была послана телеграмма в Белоозерский уезд, Новгородской губернии, следующего содержания:

«Просим распространить на всю губернию: Учредительному собранию грозит опасность. Совет народных комиссаров не хочет уступить ему дорогу. Принимайте на всех собраниях и сходах резолюции и приговоры, требующие всей власти Учредительному собранию, и шлите постановления»⁴.

В ответ на эту телеграмму от имени мегренского схода на имя Совета народных комиссаров было послано следующее сообщение:

«Просим вас, ставших на защиту трудового народа, о скорейшем созыве Учредительного собрания, исключив замешанных в корниловских и калединских заговорах. На местах ведется агитация по примеру прилагаемой при сем копии телефонограммы за подписью Шишкина и Медведева»⁵.

Лихорадочно работал «Союз земельных собственников». Так, председатель «Союза земельных собственников» Псковской губернии, помещик Марго, писал своему приятелю: «Иван Андреевич! Будьте добры, примите все меры, не считаясь с расходами, где нужно, нанимайте, чтобы оповестить всех собственников о явке в Сиверск на 12 ноября, в 9 часов утра, для голосования. Расходы уплачу я лично. Действуйте хоть ночью. Спать некогда. Я тоже принимаю меры»⁶.

¹ ЦАОР, фонд 1236, д. № 4, л. 33.

² ЦАОР, фонд 1235, д. № 4, л. 11—12.

³ Там же, д. № 1, л. 10, опись 52/5, 1918 год.

⁴ ЦАОР, фонд 1235, опись 52/5, л. 13, 1918 год.

⁵ Там же.

⁶ «Беднота» от 28 ноября 1917 года.

Не отставал и «Всероссийский крестьянский союз»: он еще с осени начал заниматься вопросами выборов в Учредительное собрание, стараясь выступить как политическая партия.

Главный комитет Союза приглашал всех своих членов приступить к составлению самостоятельных кандидатских списков по всем губерниям, где имеются организации Союза.

С такими самостоятельными списками Союз предполагал выступить по губерниям: Костромской, Калужской, Тульской, Владимирской и Тверской. В октябре 1917 г. московским областным съездом Союза была принята к выборам в Учредительное собрание специальная платформа и намечались уже списки кандидатов по Московской губернии. В платформе требовалось прекращение революции и предлагалось «каждому заниматься своим делом, а именно: войскам отражать врага, рабочим работать у станка, крестьянам пахать землю»¹.

Кандидатами в Учредительное собрание от «Крестьянского союза» намечались следующие «крестьяне»: Чернов, Керенский, Авксентьев, Маслов, Вишняк, Гоц, Брешко-Брешковская, Соколов, Сорокин П. А., Чайковский, Вольский, Натансон, Мякотин, Рубанович, Фигнер, Спиридонова, Онишко и др.

3

Энергично развертывала свою работу в выборной кампании и партия большевиков. ЦК партии была выделена специальная комиссия по выборам в Учредительное собрание во главе с тт. Сталиным, Сокольниковым и Урицким.

Целым рядом советов были организованы специальные инструкторские курсы и курсы агитаторов (Петроград, Москва, Витебск, Харьков и др.), откуда направлялись на места товарищи для проведения кампании выборов. В противовес агитации, проводимой контрреволюционным лагерем, агитация большевиков разъясняла массам классовый характер новой власти. С лозунгом «Мир, земля, контроль над

¹ «Крестьянский союз» от 22 октября 1917 года.

Кандидаты «крестьяне»: Чернов, Брешко-Брешковская и Керенский.

производством, свобода национальностей», с декретом о земле и т. д. шла партия большевиков в массы. Наряду с разъяснением политики партии и первых декретов советской власти большевики свою агитацию направляли также против буржуазного парламентаризма и фетишизации Учредительного собрания. Основные задачи, которые выдвигались перед массой и проводились в жизнь, — это строительство новой власти, не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

Серьезно отнеслась к выборам витебская организация большевиков, которая уделила чрезвычайно много внимания как технике самих выборов, так и лучшей постановке агитации.

В то время как буржуазные партии засыпали города и губернии воззваниями, плакатами, списками, афишами, программами, платформами, аншлагами, витебские агитаторы «зачастую пешком, полуграмотные, полуголодные и оборванные шли в деревню, в крестьянство, имея на руках не плакаты и кричащие афиши, а лишь скромный, говорящий великую правду, разносящий радостную весть

документ — декрет рабоче-крестьянского правительства о земле с напечатанным сверху № 5 и с призывом голосовать за него, за список социал-демократов (большевиков)»¹.

Первые декреты Октября были не только законами: они служили формой пропаганды. «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов»², — говорил Ленин на XI съезде партии.

Ленинские декреты кристаллизовали сознание рабочего и крестьянина, помогали ему сбрасывать эсеровскую и прочую шелуху и твердо становиться на позиции партии большевиков.

Массовую и систематическую работу среди крестьянства, особенно после Октябрьского переворота, повела партия в Ярославской губернии.

Большевистские лозунги в деревни Ярославской губернии, кроме немногих партийных агитаторов, приносили также и солдаты, которые массами возвращались домой в период керенщины.

Большую работу развернули партийные организации в деревнях Северного края (Вологодской и Северодвинской губерниях), который по составу своего населения представлял сплошное крестьянское царство с немногочисленным городским населением и весьма слабо развитой промышленностью.

В агитационной работе большевикам немалую помощь оказывали фабрики и заводы, выделявшие из своего состава рабочих-агитаторов, которые рассылались на места. Так например рабочие Вологодских железнодорожных мастерских, Сухонского артиллерийского завода и фабрики «Сокол» организовали агитационную экспедицию по деревням. «Так как средств для этой «экспедиции» у нас не было, — вспоминает Ветошкин, — то наши рабочие-агитаторы поступили так: пошили себе котомки, забрали с собой сухарей, небольшое количество газет, воззваний и отпечатанных списков наших кандидатов в Учреди-

тельное собрание и направились пешим порядком по деревням. Таким образом, из Вологды вышло по всем уездам и губерниям человек 40 рабочих-агитаторов, каждый из которых обошел по несколько деревень... Они проделали в связи с избирательной кампанией огромную работу по деревням: их беседы с крестьянами, где на сельских сходах, где просто по отдельным избам, сделали целый переворот в политическом настроении деревни... Целые деревни, где побывали наши рабочие-агитаторы, голосовали потом за наш список. Мы отняли, таким образом, у эсеров около 100 тысяч голосов»³.

Тов. Коноваленко в своих воспоминаниях рассказывает, что в дни выборов в Учредительное собрание по Харьковской губернии товарищи после целого ряда лекций и бесед раз'езжались по деревням, селам и заводам и там в спорах с эсерами и меньшевиками разоблачали перед массами их соглашательскую сущность⁴.

Рабочих-агитаторов рассылали по деревням Ижевский и Сормовский заводы. Собрание рабочих машиностроительного завода акционерного общества «Нобель» постановило послать делегацию в деревни для проведения выборной кампании.

Подготовка к выборам в Учредительное собрание вызвала в столицах создание целого ряда землячеств как подсобных организаций большевиков. Такие землячества были образованы, по инициативе рабочих масс, в Петрограде, Москве, Туле, Калуге, Ярославле и других городах.

В результате всего этого там, где достаточно была развернута работа большевиков, целый ряд сельских советов голосовал за большевистские списки и выносил соответствующие резолюции. Деревни Витебской губернии дружно голосовали за большевиков. Общее собрание Новоюжачовского общества от 25 ноября 1917 года приняло резолюцию, в которой говорилось следующее: «Никакого со-

¹ «Красная быль». Изд. витебского бюро Истпарта. 1923, стр. 110.

² Ленин. Т. XXVII, стр. 255.

³ М. К. Ветошкин «Революция и гражданская война на Севере». Вологда. Изд. Истпарта вологодского губкома ВКП(б). 1927, стр. 86—87.

⁴ Из неопубликованной рукописи фонда ИГВ.

глашательства с социал-демократами—меньшевиками—и социалистами-революционерами (правыми), которые не хотят проводить в жизнь народные требования... Всецело присоединяемся и поддерживаем программу большевиков». Или: «Мы, праждане деревни Тагильской, Каргопольской волости, заслушав доклад солдата Осипа Андреева о партиях, большинством голосов из'явили согласие поддержать на выборах российскую социал-демократическую партию (большевиков), а также Совет рабочих и солдатских депутатов»¹.

На одном из собраний Подпорожской волости с участием представителей волостных организаций при обсуждении вопроса об Октябрьском перевороте было вынесено постановление приветствовать Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, как истинного представителя трудового народа, а при рассмотрении кандидатских списков в Учредительное собрание единогласно постановили подать голоса за РСДРП большевиков, как истинных выразителей воли всего трудового народа.

Постановления голосовать за список большевиков выносились нередко целыми селами. Наряду с этим ассигновывались определенные суммы в кассу большевиков на проведение кампаний по выборам и на нужды партии. Так, крестьяне села Ивановки, Воронежского уезда, приняли постановление голосовать за список № 2 (социал-демократов—большевиков) и внесли в партийную кассу большевиков 20 рублей².

Аналогичное постановление было принято гражданами села Вознесенска, Землянского уезда, Воронежской губернии. Собрание внесло на нужды партии большевиков 100 рублей³.

Особенно успешно проходили выборы в промышленных городах, на фабриках и в армии. Здесь большевики получали преобладающий перевес

¹ Сборник документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции». Т. III, стр. 102. Изд. Уралпрофсовета. Свердловск. 1927 год.

² Б. М. Лавыгин «1917 год в Воронежской губернии». Хроника Истпартотдела воронежского губкома ВКП(б). Воронеж. 1928, стр. 124.

³ Там же, стр. 141.

над мелкобуржуазными и буржуазными партиями.

В деревнях же, где партийными организациями не была развернута достаточная работа, где не была достаточно разъяснена суть новой власти, ее классовая направленность, ее первые декреты и т. д., побеждала партия эсеров с ее демагогическим лозунгом «Земля и воля».

Один оратор из крестьян на партийном собрании в Ярославле 16 октября, говоря о настроении крестьянства, заявлял, что если бы агитация в деревнях была развернута полностью, за большевиками, безусловно, пошло бы большинство⁴.

В Витебске металлисты 99% своих голосов отдали партии большевиков; больше половины своих голосов отдали большевикам кожевники, активно поддерживали большевиков строители. В общей сложности все союзы Витебска $\frac{2}{3}$ своих голосов отдали большевикам.

По Ореховозуевскому району список № 5 (большевиков) проходил абсолютным большинством.

В Солнечногорском районе, Клинского уезда, за список большевиков было подано подавляющее большинство голосов.

В Звенигородском уезде, несмотря на большой наплыв агитаторов от партии эсеров, большинством голосов прошел список большевиков.

В Подольском уезде во время кампании выборов список № 5 (большевиков) заставил пойти насмарку все остальные списки.

Подавляющее большинство рабочих Ярославской губернии голосовало за список № 7 (большевиков). На фабрике Большой Яросл. Мануфактуры большевики получили 3600 голосов, меньшевики—370, кадеты—350, эсеры—290. На фабрике Норской мануфактуры, в Ярославском уезде, большевики получили 318 голосов, меньшевики—163, кадеты—116. В Рыбинске большинство голосов большевики получили в гарнизоне и в рабочем районе⁵.

⁴ П. Н. Груздев «Борьба за Октябрь в Ярославской губернии». Ярославский Истпарт. Ярославль. 1927, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 93.

О перевесе большевиков говорится и в целом ряде донесений гарнизонов Московского военного округа.

Военные части, находящиеся в таких городах, как Кострома, Орел, Новохоперск, Бахмут, Нижний Новгород, Рыбинск, Царицын, Можайск, Белов, Старицы. Тула, Бобров, Ростов, при выборах в Учредительное собрание дали значительный перевес голосов в пользу большевиков. Там, где в гарнизонах «темнота, литературы нет, руководители отсутствуют», а в городах «запустение, глушь и темнота в смысле освещения событий», большинство голосов получили эсеры и кадеты.

Живо проходили предвыборные митинги в воинских частях Витебска, где антисоветским агитаторам с трудом давали слово и, не дослушав их до конца, стаскивали с трибуны. Так, на митинге 5-й тыловой мастерской эсер Гизетти был снят рабоче-солдатской массой с трибуны и выведен за ворота мастерских и казарм. Тут же за Гизетти тщательно метлой заметался его след под крики солдат: «Мы заметаем ваш след, а эсеровский дух сам испарится!»¹.

1-й пулеметный полк (Петроград), выступавший 3—5 июля с лозунгом «Вся власть советам» и расформированный после этого Керенским, дал большинство своих голосов за партию большевиков. Полк заявил, что расформировать его можно, но убить революционный дух в солдатах нельзя².

4

Партией большевиков была развернута энергичная кампания за участие работниц и крестьянок в выборах в Учредительное собрание.

6 октября в Питере происходило совещание инициативной группы по созыву первой конференции работниц в целях подготовки их к выборам и вовлечения работниц в партию.

На митинге, организованном редакцией журнала «Работница», в цирке «Модерн», единогласно была принята

резолюция, требующая, чтобы Учредительное собрание выражало действительную волю революционного народа и закрепило его завоевания. Резолюция призывала работниц не давать ни одного голоса контрреволюционной партии кадетов, «называющих себя» партией «народной свободы», на деле же предающих эту свободу, а также партиям эсеров и меньшевиков, «идущих на поводу у буржуазии, сдающих одно за другим завоевания революции»³.

12 ноября была созвана первая конференция работниц Петрограда. В повестке дня первым вопросом стояло: «Учредительное собрание и работницы».

На этой конференции была обрисована вся контрреволюционная политика Временного правительства, направленная на оттягивание сроков созыва Учредительного собрания.

Работниц знакомили со списками и призывали голосовать за список № 4 (большевиков).

Конференция показала результат той работы, которая была проделана партией большевиков. Питерские работницы уже были далеки от фетишизации Учредительного собрания.

Выступавшие работницы заявляли, что «такие вопросы, как о земле, мире, рабочем контроле, не могут быть решены Учредительным собранием, если власть будет не в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в руках контрреволюционного правительства Керенского. Такие вопросы решаются не путем разговоров, а силою штыков...

Наша работа созывом Учредительного собрания не кончена... Если вопрос о земле, о рабочем контроле будет решен не в интересах рабочих и крестьян, то рабочие и крестьяне двинутся против Учредительного собрания. Для нас Учредительное собрание не есть нечто священное, против чего нельзя бороться»⁴.

На этой конференции выступление представительницы от «Лиги равноправия женщин» Дорошевской, заявившей, что женские интересы могут от-

¹ «Красная быль». Изд. витебского бюро Истпарта. 1923, стр. 111.

² АОР, фонд 1236, архив № 8, л. 22.

³ Журнал «Работница» от 18 октября 1917 года.

⁴ Там же, № 12 от 8 декабря 1917 года.

стоять только женщины, было встречено дружным и достойным отпором.

Работницы говорили о том, что у них одна дорога и одни интересы со всем пролетариатом.

Женская часть пролетариата под руководством партии большевиков изживала вместе со всем пролетариатом веру в Учредительное собрание и своим участием в общей политической жизни страны боролась, завоевывала и укрепляла действительную пролетарскую демократию в лице Советов Р. С. и Кр. депутатов.

Труднее обстояло с деревней. Но и здесь делали свое революционное дело «Солдатская правда», письма с фронта, агитация возвращающихся с фронта солдат, а также целые экспедиции рабочих-агитаторов, направляемых в деревню.

Работницы Яхромской фабрики, Московской губернии, обошли пешком весь Димитровский уезд, в результате чего во время выборов целый ряд советов голосовал за партию большевиков.

Выборы в Учредительное собрание в деревне отразили картину ее классового расслоения.

Так например в ряде уездов Воронежской губернии, там, где частное землевладение занимало небольшое место, большевики получали незначительный процент голосов. В уездах, где доля помещичьего владения была велика, процент голосов, отдаваемых партии большевиков, значительно повышался.

Такие районы, как Восточно-Уральский, Сибирский, Украина, Великобритания, Поволжско-Черноземный, оказались наименее большевистскими: здесь процент голосов, поданных за большевиков, колебался от 10 до 16 (Восточно-Уральский — 12%, Сибирский — 10, Украина — 10, Поволжско-Черноземный — 16%). «...именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 г. был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контр-революционных движений», — писал Ленин¹. Эти районы явились ареной самой жесточайшей войны.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 643.

Лучшими большевистскими агитаторами были ленинские декреты.

«Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина»².

Чрезвычайно показательны выборы в Учредительное собрание в бывших районах чехословацкого восстания на Волге и Урале: здесь наибольший процент голосов получили эсеры.

В Поволжье, основной базе комуча, этот процент доходил до 70.

География гражданской войны, таким образом, совпала с географией выборов в Учредительное собрание. В указанных районах, где недостаточно велико было влияние пролетариата, колебания мелкобуржуазного населения обнаружались с особенной яркостью, и это дало почву для победы в этих районах эсеровской партии. Также характерна в этом отношении и Сибирь, в которой благодаря отсутствию крупных промышленных центров и слабости пролетариата советская власть не имела достаточной опоры и которая скоро стала ареной гражданской войны и кулацких восстаний.

² Там же.

В промышленных же губерниях и губерниях с большим количеством батраков абсолютное большинство голосов получила партия большевиков.

В Лифляндском избирательном округе большевики получили 72% голосов, по Западному фронту—66, по Минскому избирательному округу—63, по Владимирскому—57, по Северному фронту—56, по Московскому—56%.

Московская область дала 56% голосов большевикам и только 25% эсерам. Московские столичные округа дали 50% большевикам и 8% эсерам, Тверская губерния—54% большевикам и 39% эсерам, Владимирская губерния—56% большевикам и 32% эсерам.

Пролетариат Петрограда и Москвы из общего числа собранных голосов отдал 837 тысяч большевикам, 218 тысяч эсерам и 515 тысяч кадетам.

В крупных промышленных центрах большевики вели за собой большинство пролетариата. В деревне же большую роль в выборах играла близость к пролетарским центрам и фронту. Такие, например, губернии, как Минская, Витебская, Смоленская, дали высокий процент голосов большевикам.

Огромное значение имели выборы в армии: она была одним из решающих факторов революции. Это был вооруженный народ, и борьба за армию решала исход дела. Половину всех своих голосов армия отдала при

выборах в Учредительное собрание партии большевиков, а матросы Балтийского флота ни одного голоса не дали ни эсерам, ни меньшевикам, ни кадетам и дружно голосовали за большевиков.

Большевики, имея большинство в столичных городах, в промышленных центрах и в армии, тем самым имели за собой «могучий ударный кулак». «...«закон» военных успехов,—писал Ленин,—есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией»¹. Решающим пунктом в решающий момент явились обе столицы и армия. «Столицы... в значительной степени решают политическую судьбу народа,—разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными деревенскими силами...»².

Подавляющее большинство среди пролетариата, почти наполовину большевистская армия и «подавляющий перевес сил в решающем пункте и в решающий момент» (столица, фронт) определили победу большевизма. Этих трех условий было бы недостаточно, если бы партия большевиков не привлекла на свою сторону непролетарские трудящиеся массы, не сумела бы их высвободить из-под влияния мелкобуржуазных партий—эсеров и меньшевиков, и в этом именно Ленин видел самое главное.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 635.

² Там же.

М. Кальвари

ВОСТАВШИЙ ДОНБАСС

1

Декабрьскому вооруженному восстанию и первому наступлению рабочих Донбасса на царские войска предшествовала огромная революционно-воспитательная работа, проделанная большевистскими организациями Донбасса. Еще до первой революции здесь возник Социал-демократический союз горнозаводских рабочих, в котором руководящую роль в 1902—1903 гг. играл Григорий Иванович Петровский.

Этот Союз возник в 1902 г., и вскоре царская охранка давала о нем такой «отзыв»:

«Союз представляет обширную организацию, в состав которой входят почти все заводы и рудники Славяно-Сербского, Бахмутского и Мариупольского уездов, Екатеринославской губ. и смежных территорий Области Войска Донского, и в своем распоряжении имеет две хорошо оборудованные типографии, которые работают попеременно. Лица, входившие в состав Центральной группы этого Союза, проживают, повидимому, на заводах и рудниках возле поселка Юзовка, и к их числу принадлежит крестьянин Харьковской губ. Иван Григорьевич Петровский¹, привлекавшийся в 1900 г. к движению в Екатеринославе в качестве члена «Комитета» социал-демократической организации и подлежа-

щий, согласно высочайшему повелению, заключению в тюрьму сроком на 6 мес., но скрывшийся на одном руднике близ пос. Юзово»².

Революционное слово Социал-демократического союза горнозаводских рабочих падало на благодарную почву: экономическое и правовое положение донецких рабочих поражало своим исключительным трагизмом даже на мрачном фоне жизни всего рабочего класса России. Каторжный подземный труд в условиях низкой техники, полный опасностей и мук, требовал исключительного физического перенапряжения. Двенадцатичасовой день такой работы оплачивался от 40 коп. до 1 р. 20 к., причем львиная часть этих денег прикарманивалась подрядчиками. Средний заработок шахтера составлял в месяц 18—20 рублей. Хозяева рудников — иностранные концессионеры, наживая чудовищные дивиденды (прибыль), экономили в то же время на безопасности рабочих, и в шахтах то и дело происходили катастрофы, уносившие ежегодно сотни и тысячи жизней рабочих. Так например 4 июля 1905 г. взрывом гремучего газа на шахте «Иван» было похоронено под землей сразу 300 рабочих.

Знаменитое «жилье» донецкого шахтера — «Шанхай», «Собачеевка» с их жуткими землянками, «балаганами» и хлевами, очень красочно описанными в романе Авдеенко «Я люблю», — уничтожено только при советской власти. Врачи писали, что «такие помещения низводят человеческую личность до скотского существования»³. Сами рабочие выражались проще: «Хуже собак живем».

В эту «добровольную» каторгу могли идти только от голодного отчаяния крестьяне из русских голодных деревень северной и средней полосы. «Местные жители рабочими в шахты,

² Цитируется по книге Кирзнера «Донбасс и Криворожье в первой революции», стр. 20. Харьков. 1926.

³ А. С. Кирзнер «Горнорабочие Донбасса и Криворожья в первой революции», стр. 11. Всеукраинский комитет союза горнорабочих СССР

¹ В жандармском документе имя и отчество тов. Петровского указаны неверно. Правильно — Григорий Иванович.

за редким исключением, не идут, имея возможность применять выгодно свой труд при рудниках и шахтах извозным промыслом, — писал екатеринославский губернатор в своей «Записке по рабочему вопросу в Екатеринославской губернии, — состав рабочих почти поголовно пришлый, в особенности в каменноугольных копях... Главный контингент рабочих дают губернии: Орловская, Курская, Черниговская, Рязанская, Костромская, отчасти Воронежская, а также белорусские — Минская и Могилевская»¹, т. е. как раз самые нищенские, самые голодные деревни царской России.

Такой состав «подземного» рабочего класса представлял, понятно, огромные трудности для революционно-пропагандистской работы. В ленинской «Искре», в корреспонденции «Сознательного шахтера», рассказывалось, что в Донбассе, в частности на Голубовских каменноугольных копях, «инициаторами социалистической пропаганды были безработные, пришельцы из Юзова, Бахмута, Луганска. Наши — народ все неподвижный, темный, большинство орловские, либо курские. Местные жители не идут на эту каторжную работу»².

Огромные трудности для социал-демократической работы среди горняков Донбасса усугублялись тем, что всякие попытки со стороны рабочих протестовать или добиться хотя бы малейшего улучшения своего положения подавлялись царизмом с особой свирепостью и бесчеловечностью.

Донбасс фактически был на откупе у иностранных капиталистов-концессионеров. Их шахты и рудники, дававшие баснословные прибыли, охранялись специальными жандармскими и военными отрядами. Конфликты между хозяевами и рабочими почти всегда разрешались штыком и нагайкой. При малейшем проявлении недовольства иностранные владельцы шахт звали на помощь послушные им царские войска, и над безоружными рабочими начиналась кровавая расправа. Усмирительными рейдами кара-

тельных отрядов против шахтеров нередко командовал сам губернатор.

На многих поселках, рудниках и станциях Донбасса, как при неприятельской оккупации, стояли военные — драгунские, казачьи и жандармские — отряды, готовые в любую минуту, по первому зову хозяев, выступить против рабочих Донбасса.

Этим объяснялись то единоподушие, та всеобщая злоба и ярость, с которыми донецкие «красногвардейцы» — дружинники первой революции — дрались в декабре 1905 г. с царскими войсками — драгунами и казаками. Вот почему ленинская мысль о вооруженном восстании и переходе от обороны к наступлению нашла столь яркое воплощение в развернувшейся борьбе рабочих Донбасса против царизма.

2

Донбасс издавна потрясали революционные, социальные взрывы. Одним из первых таких взрывов было крупное восстание донецких рабочих в 1887 г. в самом сердце бассейна — на шахтах Юзовского района. Оно началось со стачки 400 рабочих 19-й шахты; стачка была вызвана новыми издевательствами и преследованиями предпринимателей. Озлобленные рабочие отправились на соседние шахты, № 11 и 13, и заставили их прекратить работу и присоединиться к ним. Полторатысячной толпой рабочие громили все, что было им ненавистно, что отравляло их жизнь. Разгромили и сожгли трактиры, отнимавшие у них последние гроши из их нищенского заработка.

Разгромили магазины углепромышленников, в которых хозяева заставляли рабочих покупать продукты первой необходимости по повышенным ценам.

Тогда иностранный капиталист и хозяин Юзовки Артур Юз стал во главе вооруженного отряда, выступившего против шахтеров. Услужливым екатеринославским губернатором для усмирения шахтеров были присланы войска. Восстание было подавлено с присущей властям жесткостью, и под конвоем военных команд шахтеров загоняли на работу.

¹ «Летопись революции» № 3 за 1925 г., стр. 13.

² «Искра» № 26 за 1902 год.

Восстания следовали одно за другим. В самом конце прошлого века произошел «бунт» на Голубовских шахтах.

От разгромов тракторов и магазинов рабочие переходят к более организованным методам борьбы.

В шахтах Донбасса еще в 1898 г. появляется первая социал-демократическая листовка «Письмо к шахтерам». На Щербиновском и Нелеповском рудниках с 1901 г. возникают первые революционные кружки, в которых работал Г. И. Петровский. Двумя годами позже тов. Артем организует социал-демократические ячейки на Берестовском и Богодуховском рудниках, в Юзовке.

Небольшие группы социал-демократических рабочих, по 5 — 10 человек, организуются и на других рудниках.

Именно к этим годам относятся возникновение и быстрый расцвет Социал-демократического союза горно-заводских рабочих, который за один 1903 г. сумел распространить среди шахтеров и металлистов десятки тысяч революционных листовок. Вожаками движения выступают наиболее передовые слои донецких рабочих: металлисты, рабочие металлургических и машиностроительных заводов Донбасса, и рабочие железнодорожных мастерских Екатерининской железной дороги.

Именно здесь возникают первые партийные большевистские организации Донбасса. Большевистские группы были в Луганске, Гришине, Енакиеве, Попасной. В течение главным образом 1904 г. они развернули широкую агитационно-организаторскую работу.

Огромное влияние оказывал на характер и размах движения в Донбассе пролетарский Екатеринослав (ныне Днепропетровск) с его огромными металлургическими заводами и старейшей и крупнейшей большевистской организацией.

Еще до 1905 г. она организовала ряд революционных массовых выступлений рабочих, забастовок, демонстраций, митингов, сопровождавшихся подчас настоящими сражениями с отрядами жандармов и регулярных войск

Григорий Иванович Петровский, член боевого стачечного комитета в 1905 году.

В ответ на «кровавое воскресенье» по всему Донбассу прокатилась волна стачек, демонстраций, митингов, привлечших даже самые отсталые слои шахтеров.

Единодушно ответил рабочий Донбасс и на призыв к первой всеобщей политической забастовке в октябре 1905 года.

Уже 7 октября, как только была получена разосланная по всей линии телеграмма екатеринославского стачечного комитета, в Донбассе началась железнодорожная забастовка. В тот же день забастовали станции Ясиноватая, Гришино, Юзово и др. Движение по Екатерининской дороге замерло.

Первая всеобщая политическая железнодорожная стачка в Донбассе продолжалась две недели; здесь она была еще более упорной чем в центре. Массовое движение перехлестывало через головы эсеро-меньшевистских руководителей из всероссийского железнодорожного бюро. Несмотря на

данный ими приказ—18 октября прекратить забастовку—на Екатеринбургской дороге, этой основной магистрали Донбасса, стачка продолжалась до 20 октября, а частично и до 23—24 октября, пока администрация не удовлетворила требований рабочих.

Хотя этой первой всероссийской железнодорожной забастовкой формально руководило полубуржуазное эсеро-меньшевистское всероссийское железнодорожное бюро, на местах, в Екатеринославе и Донбассе, руководство забастовкой проводилось большевистскими комитетами, сумевшими в процессе стачки явочным порядком осуществить такие революционные мероприятия, как введение 8-часового рабочего дня во многих железнодорожных мастерских, депо и других предприятиях.

Рабочие Донбасса все чаще становятся на путь самой острой политической борьбы, готовясь к вооруженному восстанию как к единственному способу, могущему вконец изменить их положение.

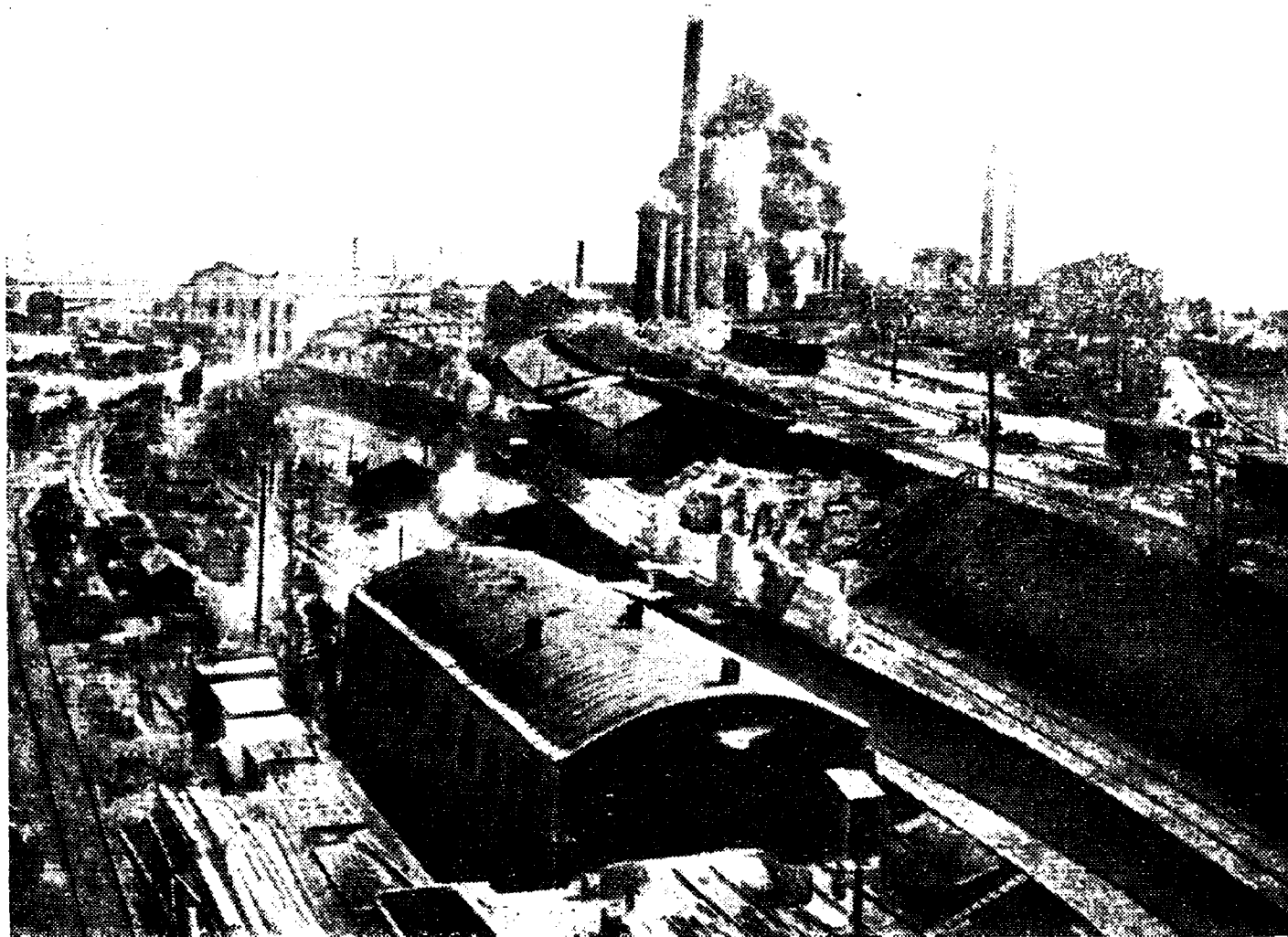
Впротивовес меньшевикам, рассматривающим политическую стачку главным образом как средство давления

на существующие власти и ее органы, большевистские организации Донбасса сумели повести за собой рабочих на путь немедленной подготовки к вооруженному восстанию.

Доносившиеся с юга—из революционного Севастополя—вести о новом восстании революционных черноморских матросов еще более ускорили процесс подготовки к вооруженному восстанию.

В ноябре, на съезде рабочих Екатеринбургской железной дороги (присутствовало около 700 человек), созванном для заслушания доклада делегатов съезда всероссийского железнодорожного союза, представители большевиков выступили с особым докладом—о революционных событиях в Севастополе, о героических боях матросов с самодержавием. Это сообщение оказало революционизирующее влияние на собравшихся. В результате было вынесено решение:

«Признать участие железнодорожников в перевозке войск для означенной цели (т. е. подавления восстания.— М. К.) равносильным участием в убийстве, а железнодорожных служащих, тем или иным способом уча-

Брянский завод в Екатеринославе (теперь Днепропетровск) в 1905 году.

ствующих в ней, пособниками в этих преступлениях, заслуживающих самого строгого общественного осуждения»¹.

Делегаты этого съезда раз'ехали по станциям Донбасса с инструкцией местным организациям — принять все меры к недопущению перевозки войск для подавления революционного движения. Делегаты съезда несли на места большевистские лозунги, большевистскую зарядку, и это обстоятельство еще более ускорило ход назревавших в Донбассе событий.

Рабочие останавливали проезжавшие воинские поезда и требовали от солдат сдачи оружия. Солдаты, в большинстве возвращавшиеся с манчжурского фронта, вынесшие отсюда глубокую ненависть к царскому строю, беспрекословно сдавали оружие рабочим. Таким способом рабочие приобретали первые винтовки.

Еще в ноябре, под влиянием тревожных слухов о готовящемся черной сотней погроме, в Гришине, где была сильнейшая в Донбассе большевистская организация, создается перзый отряд рабочей самообороны. Гришино становится фактическим центром подготовки вооруженного восстания по всему Донбассу.

Руководители большевистских комитетов сплошь и рядом, по просьбе рабочих различных поселков и станций, выезжают для выступлений на митингах и для руководства революционным движением рабочих.

В ногу с рабочими-металлистами и железнодорожными рабочими в декабре 1905 г. выступают и шахтеры Горловки, Софиевского и Веровского рудников, бывших тогда наиболее активными и передовыми в Донбассе. Здесь открыто готовятся к вооруженному восстанию, собирают оружие, а на Веровских рудниках рабочие захватывают у хозяев 150 пудов стали для изготовления пик, которыми вооружаются рабочие дружины.

В процессе всеобщей стачки в Донбассе организуются первые советы рабочих депутатов. Они создаются в Луганске, Юзовке, Енакиеве, на Воз-

Товарищ Артем.

несенских рудниках и др. Влияние и власть этих первых рудничных советов рабочих депутатов в Донбассе были так велики, что еще до вооруженного восстания и военного захвата власти рабочими на отдельных рудниках царская власть фактически перестает существовать. Вот, например, что писала полулиберальная газета «Вестник юга» в ноябре 1905 года:

«На Петровских рудниках (ст. Енакиеве) и его округе, на Веровском и Софиевском рудниках порядок образцовый и поддерживается самими рабочими. К своим выборным депутатам рабочие приходят не только за советом по чисто рабочим вопросам, но даже прибегают к суду в семейных неурядицах. Еще не так давно имя «социал-демократ» пугало рабочих, а теперь всякий рабочий хочет тоже назвать себя этим почетным именем. Наднях должен был собраться районный совет местной социал-демократической организации, рабочие приходили массами...»

Солидарность здесь полная. Когда на Софиевском руднике уволили 6 депутатов, все рабочие забастовали и делегаты опять были приняты...

Все рудники и заводы этого района выбрали своих депутатов, и теперь

¹ «Дело о восстании на Екатерининской ж. д.». Истпрофтран, стр. 24. Изд. ЦК ж.-д. 1926.

здесь имеется совет рабочих депутатов»¹.

За несколько месяцев революции классовое самосознание донецких рабочих шагнуло так далеко вперед, как это не могло бы сделать десятилетие обычной жизни: «...посмотрите, — писал Ильич в 1905 году, — как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в поту потухших очках»².

Восстание рабочих происходит открыто, на глазах властей. Бессильные предотвратить и помешать этому, власти решают использовать вооружение рабочих на службу контрреволюции и черной сотне. В ход пускается испытанный провокационный прием: агитаторы черной сотни раз'езжают по рудникам, убеждают «бить жидов», революционеров и т. д. Кое-где среди деклассированных элементов и босяков эта агитация имела успех. Однако погромы быстро предотвращаются организованными рабочими отрядами самообороны. Рабочие теперь знают, «кого бить»: большевистские организации сумели открыть им глаза на действительность.

4

Новый, еще более мощный толчок боевому движению донецких рабочих был дан объявлением декабрьской всеобщей политической забастовки. 7 декабря в Екатеринославе была получена из центра телеграмма с объявлением всеобщей политической стачки. И тотчас по телеграфу на все станции и поселки Донбасса, вдоль Екатерининской дороги, была отправлена телеграмма такого содержания:

«Сегодня с 10 часов утра объявлена всеобщая забастовка всех дорог и рабочих. Товарищи»³.

Для руководства всеобщей забастовкой в Екатеринославе 8 декабря создается боевой стачечный комитет, в котором решающую роль играли екатеринославские большевики.

Боевой стачечный комитет сыграл

огромную роль в подготовке вооруженного восстания не только в самом Екатеринославе, но и во всем Донском бассейне: он выпускал ежедневно свои бюллетени и распоряжения, которые выполнялись всеми организациями. Боевой стачечный комитет инструктировал представителей низовых рабочих организаций Донбасса, рассылал на места огромное количество литературы, руководил крупнейшими выступлениями рабочих. С целью помешать перевозке войск для подавления революции боевой стачечный комитет 8 декабря издал приказ — прекратить движение по Екатерининской железной дороге. Приказ твердо проводился в жизнь всеми местными комитетами в Донбассе. Исключение было сделано только для делегатских поездов и тех воинских эшелонов, в которых возвращались с манчжурского фронта демобилизованные солдаты. Представители комитета встречали солдат и ставили условием их дальнейшего продвижения по железной дороге непременно сдачу оружия. На эти ультимативные требования рабочей власти солдаты отвечали беспрекословным подчинением. Таким путем рабочие в свое распоряжение получали оружие. На станциях организовались рабочие отряды, носящие вначале название «отрядов самообороны», сначала преследовавшие цель — предотвратить черносотенные погромы, но уже в ближайшие дни они становятся боевыми пролетарскими дружинами.

На всех станциях была устранена власть старой железнодорожной администрации, ее распоряжения никем не выполнялись. Екатерининская дорога таким образом перешла в руки рабочих. Постановлениями боевого стачечного комитета были устранены от должностей начальник дороги и начальники отдельных служб. На их места были выдвинуты выборные от рабочих.

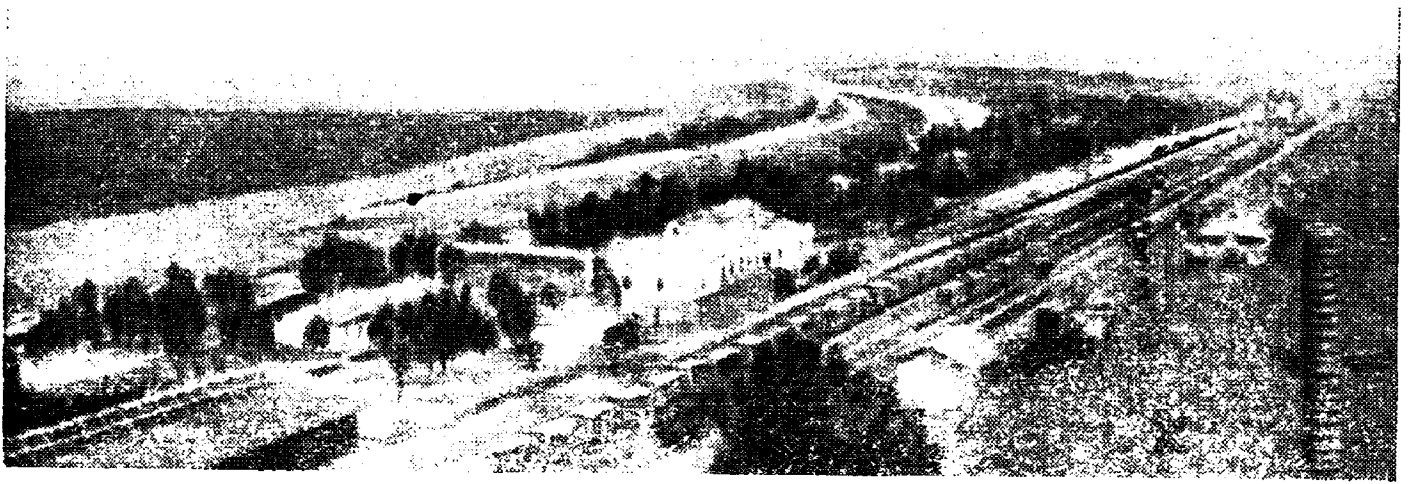
Насколько широкий и дружный характер приняла боевая революционная деятельность восставших донецких рабочих, показывает следующая телеграмма исправника Машевского екатеринославскому губернатору:

«Доношу Вашему Превосходительст-

¹ «Вестник юга» № 103 за 1905 год.

² Ленин. Т. VII, стр. 365.

³ «Дело о восстании на Екатерининской ж. д.». Истпрофтрам, стр. 26. Изд. ЦК ж.-д. 1926.

Вид Горловки в 1905 году.

ву рабочие Юрьевского завода, служащие Алчевской Дебальцевской станций составили вооруженную милицию и забастовочный комитет под председательством инженера Харченко, поддерживающие противоправительственную забастовку, всех проезжающих дешовыми поездами, отдельности солдат, полицейских чинов обезоруживают»¹.

Затем 14 декабря бахмутский исправник телеграфировал, что «все узловые станции, кассы, движение захвачены комитетом и покушаются забрать деньги почтовых контор, казенных винных лавок. От запасных солдат, ехавших в поездах Авдеевка, Гришино, Чаплино, отняты винтовки, Дебальцево предъявлено требование разоружения полиции, выдачи конфискованного оружия, телефон в Гришине в руках комитета. Заводы почти все прекращают свою деятельность, рабочие повсеместно вооружаются. Станции Никитовка, Горловка охраняются ротами, ожидается разгром приставы Авдеевка, экономии Бантыша начались аграрные беспорядки...»².

Вооруженное восстание разрасталось не по дням, а буквально по часам. Уже 8 декабря забастовали рабочие Гришино, Авдеевки, Ясиноватой, Дебальцева, Горловки и других

поселков и станций. В тот же день организуются рабочие боевые дружины, начинаются нападения на полицию и войска и отбирается у них оружие. «Полиция Дебальцева разоружена и рассеяна» — такие телеграммы следовали не только из Дебальцева, но и из десятков других пунктов. Вся власть захватывается рабочими. Там, где пока были слабы большевистские организации, призывались на помощь товарищи из более сильных партийных комитетов Гришина, Енакиева, откуда часто приезжал пламенный и мужественный рабочий-большевик тов. Ткаченко-Петренко, повешенный в 1908 г. за участие в восстании. Так было, например, и в Никитовке, где рабочие, решив начать забастовку, предварительно связались с горловским большевистским комитетом, и 13 декабря в Никитовку прибыли для помощи горловские большевики. Такую же помощь горловские большевики оказали и рабочим в Дебальцеве. Между никитовскими рабочими и крестьянами тоже существовала крепкая связь. На митингах 9 и 10 декабря, посвященных всеобщей стачке, были приглашены и присутствовали крестьяне окрестных сел.

В дни 8 — 14 декабря рабочие действительно создают боевые рабочие дружины. Организованные в октябре и ноябре, как мы писали выше, для борьбы с погромами, отряды рабочей самообороны в декабре превращаются

¹ Истпарт Артемовского округа. «Материалы по истории революционных событий 1905 г.». Телеграмма № 207. Артемовск. 1925.

² Там же. Телеграмма № 420/193.

в боевые рабочие дружины, усиленно запасаясь оружием. Дружины росли с каждым днем: они возникли в Гришине, в Авдеевке, Енакиеве, Юзовке, Дебальцево, Ясиноватой, Дружковке, Веровке и т. д., в них вступили сотни рабочих. В связи с ростом отрядов, несмотря на то что оружие, необходимое для отрядов, отбиралось рабочими у солдат и полиции, его все же не хватало. За оружием гришинцы командировали в Ростов представителя рабочих, который привез в первый же раз ящик револьверов. Не раз донецкие дружинники посылали своих товарищей за оружием и в другие города.

Оружие добывалось всякими средствами. Например дебальцевская дружина целиком вооружилась оружием, отнятым ею у жандармов и полиции. Между рабочими боевыми дружинами различных поселков с самого начала была налажена тесная связь: они действительно помогали друг другу и делились захваченным оружием. Захват оружия, принадлежавшего властям, принимал все более и более широкий размах. Так, рабочие Авдеевки сумели захватить целый вагон с патронами и динамитом, и авдеевцы по-товарищески поделились с дружинниками других станций.

Много взрывчатых веществ захватили для предстоящих боев и рабочие Дебальцево. «На станции Дебальцево во время восстания разграблено 146 пуд. динамита, 8 пуд. пороха. Отняты у всех дебальцевских жандармов шашки и револьверы. Меня пытались арестовать и обезоружить»¹, — доносил подполковник Пахалович.

Наконец, у рабочих появилась даже... артиллерия. Еще в 1896 г. для стрельбы в парадные дни, по заказу властей, в железнодорожных мастерских в Гришине была изготовлена из вагонных осей самодельная пушка. В декабрьские дни рабочая дружина в Гришине приспособила эту пушку для боев с войсками. За отсутствием снарядов рабочие стреляли из этой пушки свинцом. Кроме того рабочими были захвачены десятки бомб, порох, динамит и т. д.

¹ Истпарт Артемовского округа. «Материалы по истории революционных событий 1905 г.». Телеграмма № 648. Артемовск. 1925.

Чтобы обеспечить себя средствами для восстания, рабочие захватили станционные кассы. Как телеграфировал исправник Федоренко, «Станции Дебальцево служащие задержали артельщика деньгами 20 000 рублей, заставили деньги возвратить в станционную кассу, чтобы при дальнейшей забастовке расходовать свои нужды. Кассе приставлена охрана» (от рабочих. — М. К.)².

Так шла подготовка донецких рабочих к вооруженному восстанию и к грандиозному наступлению на царские войска, которое разразилось в середине декабря 1905 года.

5

К началу восстания рабочие боевые дружины целиком вытеснили и изгнали полицию, жандармерию и власти не только по Екатерининской дороге, которая была захвачена еще раньше, но и во многих поселках и станциях, став в них безраздельными хозяевами положения. Краткая телеграмма исправника Федоренко довольно ярко рисует положение в ряде районов к середине декабря:

«Дебальцево, Ясиноватой, Авдеевке, Гришине засели боевые дружины, к которым примкнули крестьяне соседних сел. Войска никак не могут соединиться, чтобы взять дружины. Телефон оборван. Многие чины полиции обезоружены»³.

Первый бой рабочих дружин с царскими войсками произошел в Ясиноватой. Он был спровоцирован самими военными властями, решившими начать разгром боевых дружин с этой станции, как наиболее слабой и мало-подготовленной.

Ясиноватские рабочие действительно были вооружены и организованы хуже других. У здешних рабочих почти не было оружия, и этим решил воспользоваться командир расположенной здесь 12-й роты Балаклавского полка штабс-капитан Карамышев. Утром 13 декабря, собрав рабочих, он

² Истпарт Артемовского округа. «Материалы по истории революционных событий 1905 г.». Телеграмма от 10/XII 1905 года.

³ Там же, телеграмма от 19/XII 1905 года.

объявил им, что станция и весь район отныне находятся на положении усиленной охраны и что им запрещены «всякие собрания». Вокруг него собралась огромная толпа возбужденных рабочих. Штабс-капитан Карамышев бросился на толпу с шашкой и приказал солдатам разогнать ее прикладами.

Через час стачком и боевая дружина Ясиноватой послали ближайшим дружинам телеграмму с призывом о помощи. Вооруженные рабочие дружины соседних станций откликнулись молниеносно. И в тот же день в Ясиноватую прибывают в специальных поездах боевые дружины из Гришина и Авдеевки с тов. Дейнегой во главе. Соединенные силы трех рабочих дружин отправились в наступление на казармы, окружили их и взяли в плен командира Карамышева. Офицер нагло дал команду солдатам открыть огонь по рабочим, за что тут же был расстрелян дружинниками. Солдаты же в большинстве перешли на сторону рабочих, отдав им свои 54 винтовки.

Это была первая и притом действительно крупная военная победа рабочих дружин. Она необычайно подняла боевой дух рабочих, усилила организацию и приток рабочих в боевые дружины. В Гришино дружинники вернулись с триумфом и были торжественно встречены всеми трудящимися как герои.

Первая военная победа рабочих дружин окрылила их на дальнейшее наступление на царские войска. В Авдеевке 14 декабря дружина совершила вооруженное нападение на прибывший сюда отряд драгун, и, спасаясь от преследований, отборные части царской армии с позором ускакали из Авдеевки.

Боевые действия дружин с первого же дня начались бурно. Бахмутский исправник после боя в Ясиноватой в панической телеграмме губернатору требовал присылки войск из Донской области:

«Прошу отозвать 5 рот Донской области, положение уезда самое критическое»¹.

¹ Истпарт Артемовского округа. «Материалы по истории революционных событий в 1905 г.». Артемовск. 1925.

И в Ясиноватую и Гришино были двинуты усиленные казачьи и драгунские части. В ответ гришинцы начали воздвигать баррикады. В самый короткий срок, буквально в несколько часов, появились проволочные заграждения, насыпи. Их делали не только рабочие, но и все жители поселка Гришина. Стаечный комитет разработал план боев с казаками, с тем чтобы вооруженной силой не допустить занятия ими станции.

Тем временем власти готовили удар по другому революционному пункту Донбасса — Горловке. Здесь чарастала особенно опасная для правительства ситуация. В Горловке работала большевистская организация, которой на помощь из Енакиева тамошней большевистской организацией был прислан тов. Ткаченко-Петренко. Благодаря работе большевистской организации в Горловке в большей мере чем в других местах удалось объединить силы рабочих — как металлистов и железнодорожников, так и шахтеров. Политическая стачка была ими объявлена совместно, к боям они тоже готовились сообща.

Это прекрасно знали власти, направившие сюда наибольшее количество войск.

Но несмотря на сильную рабочую организацию в Горловке, крупном рабочем районе, власть почти полностью продолжала оставаться в руках старой администрации. По этой же причине здесь не было достаточно вооруженных рабочих дружин. Еще до начала стачки в Горловке стояла команда из 100 драгун, а с началом забастовки сюда была прислана еще рота пехоты. Полиция ищет удобного случая обезглавить движение рабочих арестом их руководителей. За одним из них, Кузнецовым, организуется настоящая полицейская охота. Рабочие все время охраняют его от налетов полиции специально выделенной дружиной, и куда бы Кузнецов ни пошел, с ним постоянно рабочая охрана в 15—20 вооруженных дружинников.

Одновременно со всеми рабочими бастовали и металлисты Горловского машиностроительного завода. И когда от их имени Кузнецов отправился для предъявления требований к дирек-

тору завода Лоэсту, полиция устроила засаду. Кузнецов с группой рабочих ведет переговоры с Лоэстом; последний вопреки тактике «уступок» других хозяев был непреклонен. Тогда рабочие объявили ему, что он арестован, и стали конвоем у его двери. Но Лоэст уже успел заранее предупредить полицию. Здание мгновенно оцепляется полицией, двор занимается казаками и драгунами. В такой обстановке Кузнецов вместе с делегацией вышел к собравшимся у ворот завода бастующим рабочим. Драгуны останавливают рабочих, пытающихся ворваться во двор завода, и пристав Немировский предлагает им выдать Кузнецова, пытается ворваться в толпу, в которой, окруженный и защищенный людской стеной, находится Кузнецов. Но пристав тут же отбрасывается рабочими назад.

Тогда начинается расстрел рабочих драгунами. Кузнецов ранен в руку и под прикрытием верной рабочей охраны успевает уйти с завода. Полиция все же нашла истекающего кровью Кузнецова в больнице, куда привели его товарищи. Чуть не на глазах полиции Кузнецову отняли руку, после чего его сейчас же арестовывают и уводят в тюрьму.

После расстрела рабочих и ареста вождя ярость и гнев охватили рабочие массы. Единодушно было постановлено дать бой войскам, полиции и изгнать войска из пределов Донбасса. Но Горловка все еще вооружена слабо. И в тот же вечер подобно ясиноватовцам рабочие Горловки отправляют по телеграфу по всей линии призыв горловского стачкома.

Каждый поселок, каждая станция получила такую телеграмму:

«Б о е в о й д р у ж и н е. Мы все без оружия, требуем немедленной помощи со всех сторон. Комитет»¹.

На призыв горловцев откликнулись решительно все рабочие комитеты и боевые дружины. В Енакиеве, Гришине, Юзове, Авдеевке, Веровке, Дружковке, в десятках других мест боевые дружины спешно погружались в специально сформированные поезда. Там,

где не было еще боевой дружины, рабочие спешно вооружались чем попадало: железными прутьями, палками, топорами, ножами, кинжалами — и тоже садились в поезда. Эшелоны дружинников проезжали станцию за станцией, и на каждой садились все новые отряды и группы вооруженных рабочих.

Всего в Горловку было отправлено три поезда, битком набитых по-разному вооруженными рабочими. Два поезда дошли, третий застрял в пути. Это был поезд с вооруженными рабочими того самого Веровского рудника, о боевой работе которого мы говорили выше. Едва получив телеграмму, они отправились в Енакиево, а оттуда — поездом в Горловку, но путь оказался уже разобраным казаками. Зато дружковские горняки сумели проскочить и привезти с собой целый вагон разного оружия, которое тут же было роздано рабочим.

С революционными песнями и красными флагами мчались в поездах дружинники в Горловку на помощь своим товарищам. Два поезда, переполненные рабочими-дружинниками со всех концов Донбасса, прибыли в ночь на 17 декабря в Горловку.

Это был первый вседонецкий «слет» боевых дружин, но «слет» не для совещаний, а для боя с ненавистным самодержавием. Многие приехали безоружными, но их выручили дружковцы, и кроме того в ту же ночь вернулись из Таганрога посланные вторично за оружием уполномоченные, также привезшие винтовки и револьверы. Все это оружие было тут же роздано с'ехавшимся дружинникам.

В одной из станционных комнат состоялось оперативное созвездие командиров с'ехавшихся дружин. Обсуждался план наступления на казармы войск, расположенных в Горловке. Дружины были разбиты на отдельные отряды, были выделены командиры отрядов, общее командование, связь и т. д. Старались предусмотреть каждую мелочь.

К 8 часам утра 17 декабря дружины закончили группировку и расстановку своих сил. Трудно установить точно, сколько же дружинников прибыло в Горловку и приняло участие

¹ «Дело о восстании на Екатерининской ж. д. Истпрофтран. стр. 63. Изд. ЦК. ж.-д. 1926.

Группа арестованных участников восстания в Александровске (теперь Запорожье) в 1905 году.

в знаменитом наступлении на царские войска. По официальным донесениям полиции, на войска наступало до 4000 рабочих-дружинников — это была целая армия, первая революционная рабочая армия. Но из них только около 300 человек были вооружены винтовками и охотничьими ружьями и небольшая часть дружинников имела револьверы, у остальных же было так называемое «холодное оружие», под которым подразумевались не столько шашки и кинжалы, сколько самодельные пики, железные прутья, топоры, ножи и т. д.

Тотчас же после окончания оперативного совещания командиров боевых дружин, в 8 часов утра, три отряда двинулись в наступление на казармы. Один из них, наиболее обеспеченный винтовками, ружьями и револьверами, занял надшахтные сооружения, эстакады и отвалы породы. Два других отряда разместились по дворам, против казарм, за заборами, и первыми открыли огонь, сосредоточив на себе внимание и огонь неприятеля, с тем чтобы дать возможность первому, наиболее сильно вооруженному отряду идти в атаку на войска.

Командир горловского гарнизона капитан Угринович был уже кем-то предупрежден. Войска встретили дружинников также в полной боевой

готовности. Они заняли все окна и выходы.

Было декабрьское морозное утро. Погода явно неблагоприятствовала рабочим: шел частый мелкий снег, скоро перешедший в метель. Когда дружинники открыли огонь по окнам казарм, было еще темно. С трех сторон они упорно обстреливали укрывшиеся там войска, которые отстреливались через окна и заборы казарм.

Бой продолжался около двух часов, после чего войска отступили, не выдержав огня боевых дружин. Их незаметному уходу из казарм способствовала разыгравшаяся метель. Войска спешно покидали Горловку и бежали в Енакиево. Когда рабочие заметили бегство драгун и солдат, было уже поздно, они кинулись преследовать отступавших, но из-за метели ничего не могли разглядеть.

Новая победа, притом огромная, несравненно более крупная, чем это было в Ясиноватой и Авдеевке, была одержана рабочими-дружинниками. Правда, победа эта была очень кратковременной: силы рабочих, даже при таком огромном количестве дружинников, были все же слишком недостаточны и плохо вооружены.

Отступившие войска соединились с идущей из Енакиева сотней казаков, вызванных еще ранее на помощь во-

Герои Горловки: А. Ф. Щербаков, Г. Ф. Ткаченко — казнены; Г. Лебедиченко, Г. Лебедиченко и Д. Гейко осуждены на каторгу за участие в боевой дружине села Новые Кайданы.

енным властям. Спешившись, казаки пошли в обход через хутор Ксеньевку к станции Горловка, в здании которой под командованием Дейнеги в это время находилось около 300—400 дружинников из числа наиболее слабо вооруженных (наиболее вооруженные отряды пошли в наступление на казармы). Часть отрядов еще продолжала обстрел казарм, в которых осталась не успевшая отступить группа солдат с приставом Немировским во главе, другие продвинулись далеко в степь, преследуя отступавшие войска. Из-за метели и большой разбросанности рабочих дружин они уже не могли соединиться вновь. Наиболее вооруженные отряды не могли соединиться с оставшимися на станции для совместного отпора казакам, не могли даже оказать помощь своим товарищам, находившимся в здании станции.

Тем временем казаки и вернувшиеся драгуны и солдаты, окружив станцию, открыли по засевшим там дружинникам жесточайший огонь.

Теперь запертыми оказались дружинники, а осаждали их казаки и

солдаты. Но в то время как солдаты, осажденные в казармах, были прекрасно вооружены, у запертых ими дружинников не было даже этого. Дружинники бесстрашно защищались, но вскоре был тяжело ранен и умер от кровоизлияния командир отряда Дейнега. Казаки вплотную подошли к стенам станции.

Рабочие из отрядов, осаждавших казармы, слыша выстрелы, кинулись к станции на помощь своим осажденным товарищам, но помощи оказать не смогли, так как из-за метели они стреляли большей частью наугад. Из-за метели же никак не могли подойти к станции и находившиеся в поле дружинники другого отряда. Таким образом рабочие оказались изолированными друг от друга. Отсутствие военного опыта и знаний погубило их.

Заметив замешательство среди засевших на станции дружинников, капитан Угринович предложил им сдать оружие и пройти сквозь строй солдат. Дружинники отказались. Отклонили они и более «мягкие» условия сдачи. Тогда капитан Угринович стал грозить поголовным расстрелом всех дружинников. В ответ на угрозы дружинники решили с оружием в руках пробиться к стоявшему недалеко от рудников поезду, совершенно готовому к отправлению.

Вылазка дружинников была столь неожиданной, что войска не смогли помешать их посадке на поезд. Под пулями казаков, на ходу вспрыгивая в вагоны, дружинники покинули Горловку.

В пять часов вечера Горловка сдавалась. Около 300 рабочих-дружинников было убито в этих героических боях, примерно столько же взято в плен. Оставшиеся дружинники сумели уйти из Горловки и разойтись по домам.

Несмотря на «победу» войска поспешили поскорее покинуть Горловку, где, по их выражению, «каждый камень стреляет»: они опасались нового нападения.

Поражение рабочих в горловском бою решило участь всего восстания в Донбассе. Дружинники возвращались по домам частью в поездах, частью пешком, и большинство из них

было уже без оружия. Гришинцы и авдеевцы, вернувшиеся домой организованно, с оружием в руках, попрятали его в надежные места до «следующего боя» с царско-капиталистическим строем.

До 21 декабря станция Горловка была все еще в руках рабочих. Войска не смели вернуться в Горловку. И лишь убедившись, что восстание окончилось, что Горловка опустела, в нее и в другие местности Донбасса начался наплыв войск и карательных отрядов, совершавших кровавые суд и расправу над временно побежденными рабочими.

... Через три года, в декабре 1908 г., судили участников восстания и захвата Екатерининской железной дороги. Состоялся грандиозный процесс, особенность которого заключалась в том, что почти все участники восстания, находившиеся в течение этих лет на свободе, были, по настоянию Столыпина, арестованы и преданы суду. Людей начали арестовывать где попало, прямо с работы их отвозили в тюрьму. Судили сразу 179 человек. Приговор потряс тогда всю Россию: 32 человека были приговорены к смертной казни, 12 — к бессрочной, пожизненной каторге, около 50 человек также были осуждены на каторгу на разные сроки.

Незабываемы те высокие образцы пролетарского героизма, который проявили передовые рабочие, участники

горловского боя. Восемь из осужденных к повешению пролетарских революционеров Донбасса с большевиком Ткаченко-Петренко во главе отказались подписать просьбу к царю о помиловании. Более месяца власти оттягивали выполнение приговора, добиваясь «раскаяния» осужденных.

«Нас 28 человек (в том числе 8 смертников. — М. К.) не присоединились к затее (подписать просьбу к царю. — М. К.) и остались при своем взгляде... Мы предпочитаем лучше быть замученными или быть расстрелянными, чем стать предателями и изменниками нашему рабочему делу. О, нет! Враги наши этого не дождутся», — писал Ткаченко в предсмертном письме.

Так кончилось восстание донецких рабочих. Хотя оно проходило более организованно и дружно чем восстания в других местностях России, тем не менее его постигла та же участь. Изолированное от других очагов восстания, слабо связанное с крестьянским движением, плохо вооруженное, рабочее войско не могло выиграть сражения. Но на уроках восстания в Донбассе, как и других восстаний 1905—1907 гг., революция училась побеждать. И спустя 13—14 лет донецкие рабочие под руководством большевистской партии в гражданской войне показали, что они научились не только сражаться и наступать, но и побеждать.

ВОССТАНИЕ Артиллеристов в Николаевске на Амуре*

1906 г.

1

Это было 10 января 1906 года. Над Амуром уже несколько дней не унималась пурга. Заметенные снегом казармы николаевской крепостной артиллерии на мысе Чныррах¹ по самые крыши утопали в снегу.

Вторая рота артиллерии с утра была в этот день в очередном караульном наряде. Когда она возвратилась в казарму, зимний день уже клонился к концу. Усталых, замерзших солдат казарма встретила обычной грязью, теснотой, холодом: было совершенно не топлено. Казенными дровами пользовались лишь «господа офицеры». Солдатам же дрова не выдавались. Деньги, отпускаявшиеся на заготовку дров, начальник артиллерии забирал себе, заставляя солдат ходить за дровами в тайгу и таскать их на себе за целую версту.

Солдаты были обременены, помимо строевых и учебных занятий, бесчисленным количеством различных тяжелых работ (починка дорог, выгрузка барж и т. д.).

Офицеры обращались с солдатами грубо. Издевательство и мордобитие были обычным явлением.

Среди артиллеристов было немало

* Написано по неопубликованным материалам следственного дела производства Приамурского военно-окружного суда. Дальневосточный краевой архив, д. № 383. 1906 г.

¹ В 12 верстах от Николаевска на Амуре.

выходцев из рабочих. Некоторые из них лишь осенью были переведены сюда из Гродно, где они участвовали в происходивших в Гродненском артиллерийском полку революционных волнениях. Они захватили с собой в Николаевск революционные листовки и прокламации.

Часто по вечерам, после поверки, собравшись тайком от офицеров, солдаты читали принесенные из города газеты и получавшиеся из Центральной России письма и обсуждали события. Этими беседами обычно руководил фейерверкер 2-й роты Решетников, бывший ярославский рабочий.

С особенным интересом солдаты читали начавшую выходить после манифеста 17 октября революционную газету «Владивостокский листок», по которой они следили за событиями во владивостокском гарнизоне. Только вчера, 9 января 1906 г., солдатами был получен свежий номер «Владивостокского листка» с отпечатанными в нем требованиями, предъявленными владивостокским гарнизоном коменданту крепости.

Известие о возмущении солдат владивостокского гарнизона подтолкнуло артиллеристов к выступлению.

В такой мороз, в пургу, идти за дровами в тайгу, когда на дворе у начальника артиллерии стояли поленицы готовых дров!

— Дозволено!..—решили солдаты и тут же гурьбой направились за дровами во двор начальника артиллерии. Через полчаса печи в казарме запылали огнем.

За это «своеволие» начальник артиллерии отдал распоряжение посадить фельдфебеля роты Мухина на 10 суток под арест.

Это вызвало среди артиллеристов взрыв негодования. Чтобы арестовать фельдфебеля, начальству пришлось прибегнуть к помощи помещавшейся по соседству 1-й роты.

В ответ на это артиллеристы потребовали в казарму командира роты капитана Стемпковского.

Было около 6 часов вечера, когда командир роты явился в казарму. Поздоровавшись с солдатами и сбросив доху, он приказал поставить посреди казармы столик. Среди солдат чувст-

С ожесточенными силами прикладами окна управления.

Рис. К. Сахарова.

вовалошь какое-то особенное возбуждение. Не обращая на Стемпковского никакого внимания, они возбужденно ходили по казарме.

Стараясь скрыть свое волнение, Стемпковский спросил, зачем его позвали. Не успел он еще кончить, как воцарившаяся при первых его словах тишина взорвалась шумом сотни разрозненных голосов:

— Освободите фельдфебеля из-под ареста!

— Дрова чтобы выдавали казенные... Чтобы из тайги не таскать... Не носить воду с Амура... Деньги зарбочие¹ выдать...

— Фельдфебеля... Освободить фельдфебеля! — слышалось громче всего.

Такого дружного напора Стемпковский не ожидал. Выждаз, пока шум несколько затих, он начал объяснять, что освободить фельдфебеля он не может, так как арестовал его не он, а начальник артиллерии. Не желая разговаривать со всеми сразу, он предложил выбрать от каждого взвода по одному человеку.

— Не надо выборных. Все будем говорить... Разберетесь. Привыкать надо со всеми говорить! — раздалось со всех сторон.

Солдаты отлично поняли намерение командира выбрать из их среды наиболее активных, с тем чтобы потом с ними расправиться.

Желая как-нибудь успокоить солдат, Стемпковский заявил, что все просьбы их будут записаны и доложены начальнику артиллерии, и так как все они вполне законны, то будут удовлетворены.

— Через час, — сказал он, — я дам вам ответ.

— Через 15 минут чтобы все было сделано... — заявили солдаты.

Он стал их убеждать, что 15 минут слишком мало. Тогда его перебили еще более резкие крики:

— Через 5 минут чтобы был ответ!

Командир, однако, не унимался.

— Да что его слушать?! Ничего нового он нам не скажет.

На командира уже не обращали никакого внимания. Он растерянно силился еще что-то сказать, но его голос тонул в общем шуме.

В это время вниманием артиллери-

¹ «Зарбочими деньгами» называлась в царской армии грошовая плата, выдававшаяся солдатам за выполнение различных хозяйственных работ.

стов завладел появившийся перед ними фейерверкер Решетников.

— Товарищи!—закричал он.—Постоим за себя. Дозвольно нам головы морочили... Не верьте офицерам!

Вслед за тем, перекрывая шум голосов, он подал команду:

— В ружья!

Солдаты только этого и ждали. Сталкиваясь друг с другом, они бросились разбирать винтовки и, на ходу одевая шинели, выбегали на середину казармы.

Несколько артиллеристов отправилось с винтовками в руках к заведующему артиллерийскими складами и заставило его отпереть ротный цейхгауз. Взяв 4 ящика с патронами, они откупорили их штыками и разобрали патроны.

2

Вооружившись, рота гурьбой высыпала на улицу, направившись к казарме учебной команды.

Учебная команда считалась у артиллерийского начальства самой «благонадежной». Это объяснялось главным образом ее социальным составом: в учебные команды набирались преимущественно сыновья зажиточных крестьян. Условия службы в ней были значительно легче чем в других частях.

Еще с месяц назад артиллерийское начальство из опасений, что владивостокские «беспорядки» перекинутся и в Николаевск, выставило по пулемету в учебной команде и в управлении артиллерии. Рассчитывать на поддержку учебной команды не приходилось. Нужно было завладеть пулеметом.

Сделать это было нетрудно: в учебной команде в это время ложились спать. Ворвавшись в казарму, артиллеристы быстро подскочили к пулемету, к пирамидам с винтовками и стали разбирать патроны.

Учебная команда не успела опомниться, как пулемет оказался на улице.

Оттуда 2-я рота направилась прямо к управлению.

Натерпевшиеся мучений и обид солдаты дали выход накопившейся у них ненависти к начальству. С ожесточением били они прикладами окна управления. Очутившийся на свободе

фельдфебель Мухин тащил к управлению банку с керосином, но его вовремя остановили.

Восставшие захватили пулемет и поставили его у входа во 2-ю роту.

Затем, чтобы не дать начальству возможности связаться по телефону и принять меры для подавления восстания, сняли телефонный аппарат и перерезали провода.

Через несколько минут солдаты уже колотили прикладами в дверь комнаты, где спрятался начальник артиллерии. Сорвав дверь, солдаты ворвались в комнату. В темноте начальник был обнаружен под кроватью одним из солдат, ранившим его штыком в лоб.

— Убить!.. Убить его!.. — слышались голоса.

Решетников, взяв винтовку «на руку», готов был воткнуть в него штык.

— Ради бога!.. Пустите!—взмолился Брецинский. — Все сделаю... Все дам. И заработное, и дрова, только пустите...

Солдаты отвели штык Решетникова в сторону. Окружив начальника артиллерии плотным кольцом, они вывели его из управления и повели в казарму 2-й роты.

В казарме Брецинский вновь принялся упрашивать солдат отпустить его.

— Довольно!.. — перебил его Решетников.

Солдаты потащили его из казармы. В дверях ему удалось как-то вырваться. Вслед ему дали несколько выстрелов, но догонять никто не стал.

Решетникова в эту минуту в казарме не было.

Когда он вернулся и узнал, что начальника отпустили, он обрушился на солдат. Те начали было оправдываться, говоря, что Брецинский обещал все сделать.

— Он наобещал вам, а вы и уши развесили.

Тотчас же Решетников и еще человек 5 солдат выбежали догонять начальника и снова привели его в казарму.

Присев на койку, запыхавшийся начальник артиллерии попросил напиться. Солдаты принесли ему воды, обмыли и перевязали ему рану, дали за-

Учебная команда не успела опомниться, как пулемет оказался на улице.

Рис. К. Сахарова.

курить. Отношения приняли мирный характер.

Однако идти на мировую, по мнению Решетникова, было рано. Достав номер «Владивостокского листка» с требованиями владивостокского гарнизона, он стал читать их Брецинскому.

— Все будет выдано. Ей богу!.. — поклялся Брецинский.

— Чего нам надо? Человек божится — отпустить надо... — обратились солдаты к Решетникову. После некоторого обсуждения было решено посадить Брецинского под домашний арест, но, чтобы он не отказался впоследствии от своих слов и не вздумал доносить по начальству, решили взять с него расписку.

Брецинский был согласен на все. Мигом кто-то слетал в канцелярию, принес перо, чернила, бумагу. И под диктовку Решетникова начальник артиллерии написал:

«Десятого сего числа, января 1906 года, в 3 часа дня, пришедши караул со смены. Пурга была неутомимая, и невозможно было человеку терпеть... в казарме было холодно... нижние чины и обратились к ротному командиру; он им помощи никакой не дал. Тогда, собравшись, нижние чины и пошли к начальнику артиллерии за дров-

вами, нижние чины дров не получили и возили на себе, в чем и подписуюсь и заклинаюсь, что я во всем этом виноват.

Подполковник Брецинский»¹.

— Мы малость хотя и пообидели господина начальника, — шутил Решетников, — но он заслужил и не это.

— Ничего, ребята... Я вам все прощу, — отвечал Брецинский.

Придя на квартиру Брецинского, солдаты отобрали у него револьвер и шашку, после чего разрешили ему идти в комнату, сами же расположились на кухне.

Но Брецинскому не сиделось. Сознание, что он арестован своими же солдатами, не давало ему покоя. Не зная, как избавиться от караула, он пустился на хитрость.

Выйдя на кухню, он завел такой разговор:

— Теперь я вам все подписал, все теперь у вас будет, вы сегодня сменились с караула, устали — идите с богом спать...

— Ничего, — отвечали солдаты, — раз пришли, то будем спать посменно, а отсюда никуда не пойдём.

¹ Приамурский военно-окружной суд, д. № 383, л. 86. 1906 г.

Примирившись с положением арестованного, Брецинский занялся писанием донесения коменданту крепости. Из боязни за свою шкуру, он просил не принимать против артиллерии репрессивных мер и умолчал о своем аресте. В довершение всего он просил коменданта уволить его в отставку. Зашедшего вскоре к нему подпоручика Вендт он попросил отвезти рапорт коменданту крепости.

3

После ухода начальника артиллерии из казармы Решетников со своим взводом отправился на поиски командира роты, капитана Стемпковского. Его солдаты особенно ненавидели. Однако несмотря на все старания найти его не удалось.

Было уже около часу ночи. Солдаты вынуждены были ни с чем возвратиться в казарму. Там в это время ложились спать. После дня утомительного караула всех тянуло ко сну.

Но гродненский опыт Решетникову был слишком памятен.

— Не надо раздеваться... Не надо ложиться спать!.. — закричал он товарищам.—А то выйдет как в Гродно: придет пехота и заберет нас.

Раздеваться не стали. Так и легли спать в одежде, с винтовками.

Между тем ускользнувший от артиллеристов Стемпковский направил вестового с запиской к командиру минной роты, расположенной в двух с половиной верстах от артиллерии, с просьбой выслать для усмирения артиллеристов вооруженную силу.

Вскоре разнесся слух, что на Чныррах из города движется пехота. Артиллеристы подняли тревогу. Для встречи пехоты выехала вооруженная застава. Для обстрела дороги были установлены пулеметы.

Но тревога была напрасной: начальство крепости было далеко от мыслей о каких-либо наступлениях на артиллерию. Комендант николаевской крепости генерал-майор Жуков узнал о том, что в артиллерии произошли «какие-то волнения», по телефонному сообщению из инженерного управления, находившегося по соседству с ар-

тиллерийским управлением, на мысе Чныррах. Для выяснения положения он направил туда командира минной роты подполковника Сербиновича, который почти одновременно с этим получил записку капитана Стемпковского.

Командир минной роты, получив приказание коменданта крепости, тотчас же отправился в артиллерию. Однако доехать туда ему не удалось: его кучер, догадываясь о целях поездки, запряг на этот раз старую, еле живую клячу. От дороги из-за пурги не осталось и следа. Лошадь выбивалась из сил, увязая в снегу. В лицо хлестал сильный ветер. Не видно было ни зги. Кучер и не думал искать дороги. Несколько раз, попадая в овраг, сани опрокидывались. Опрокинувшись в последний раз, они совершенно накрыли командира. Еле выбравшись из-под саней, он дальше ехать не захотел. Проблуждав таким образом по сугробам более часу, он вынужден был вернуться обратно.

Между тем артиллеристы успели уже снестись с минерами. Известие о восстании было встречено последними с большим воодушевлением. Делегаты, посланные ими к артиллеристам, заявили о готовности минеров поддерживать восставших.

Расположенные в городе пехотные части были весьма ненадежны, и рассчитывать на них комендант крепости также не мог.

Не зная еще всех обстоятельств происшествия, начальник крепости надеялся восстановить «порядок» в артиллерии мирным путем. С этой целью он почти одновременно с командиром минной роты в качестве «дипломата» послал в артиллерию полкового попа. Поп благополучно доехал, но едва он начал свою проповедь о «святости присяги», «о верности царю и отечеству», солдаты не стали его слушать, пригрозив:

— Брось, батя, говорить нам о бже... Нам этого не нужно. Поезжай себе домой, а если ты еще раз появишься в роте, то тебе живым отсюда не уйти.

И «батя» живехонько уехал восвояси.

Это было около 3 часов ночи.

В невеселом настроении проснулись на следующее утро солдаты.

Что будет? Что ожидает их сегодня? Никто этого не знал. Не унывали лишь Решетников и его ближайшие товарищи.

Решетников был этой ночью в заставе. С его приходом в казарму настроение в роте поднялось. Для обсуждения плана дальнейших действий было созвано созещание. На нем были все фейерверкеры, а также несколько выборных от каждого взвода. Тут же было решено послать к коменданту крепости представителей со следующими требованиями¹:

«1. Чтобы аресты и дознания по поводу происшедших событий не производились. 2. Уменьшить караул. 3. Разрешить в любое время собираться для обсуждения своих нужд. 4. Чтобы отопление и вода были своевременно предоставлены. 5. Чтобы баня была не менее двух раз в месяц. 6. Уволить в запас выслуживших свои сроки. 7. Вменить в обязанность всем офицерам вежливо обращаться с нижними чинами. 8. Разрешить посещать все собрания, как общественного, так и политического характера. 9. В праздники занятий и работ не производить. 10. Выдавать корреспонденцию нераспечатанной. 11. Устроить школу и библиотеку. Выпуску газет и книг производить по выбору рот. 12. Устраивать спектакли, организовать беседы, чайные, читальни. 13. Выдачу жалованья производить своевременно. 14. Заменить солонину свежей рыбой. 15. Выдавать всем, кто не получал заработные деньги, по 75 коп. в день. 16. Командиры частей не должны преследовать выборных от рот и требовать от них каких-либо докладов по поводу собраний».

Если же комендант требований не утвердит и арестует делегатов, то постановили открыть по городу стрельбу из орудий.

Так как в это время в город собрался ехать подпоручик Вендт, было решено поручить отвезти требования

¹ Приамурский военно-окружной суд, д. № 383, л. 347. 1906 г.

И под диктовку Решетникова начальник артиллерии написал...

Рис. К. Сахарова.

ему вместе с двумя выборными артиллеристами.

Подпоручик Вендт был единственным офицером, пользовавшимся доверием артиллеристов.

Он согласился исполнить их просьбу.

Одновременно с этим, по решению совещания, фейерверкеры Соколов и Чебаковский отправились в город, в крепостной пехотный полк и Камчатский батальон, чтобы связаться с ними и заручиться их поддержкой. В тот же день они получили согласие полка не выступать против артиллеристов и поддержать их требования. На другой день было получено согласие на поддержку и от Камчатского батальона.

Вслед за выработкой требований решено было устроить демонстрацию. Кто-то из солдат задал вопрос: с царским портретом идти или без него?

Решетников, а за ним и остальные высказались за то, чтобы идти без портрета.

Канонир Касьянов достал в роте красный флаг и привязал его к штыку. С красным флагом солдаты пошли по поселку. По пути к ним присоединились учебная команда, а затем и 1-я рота.

К вечеру из города вернулся подпоручик Вендт. На привезенном обратном листке с требованиями солдат была резолюция коменданта:

«Об удовлетворении изложенных просьб мною сделано распоряжение.

Генерал-майор Жуков».

Обрадованные артиллеристы принялись качать Вендта. В этот же вечер на совещании выборных, на котором, кроме 2-й роты, были представители и от 1-й роты, учебной команды, а также и от мицной роты, было решено предъявить николаевским купцам требование о снижении цен на предметы первой необходимости. Избранные для этого Решетников и Мазаев об'ехали все торговые фирмы Николаевска. На другой день расценки на товары были снижены на 10%.

13 января, под давлением солдат, комендант крепости издал приказ, разрешающий им участвовать на митингах и собраниях.

Вместо подавшего в отставку Брецинского начальником артиллерии был назначен подпоручик Глушановский. Но поначальствовать ему пришлось всего лишь одну ночь.

В первый вечер своего назначения, встретив группу запоздавших солдат, возвращавшихся с городского митинга, он принялся кричать на них, грозил, что покажет им свою власть, что они узнают его, и т. д.

Однако показать себя ему не удалось: утром, собравшись во 2-й роте, артиллеристы выбрали начальником артиллерии на его место командир 1-й роты штабс-капитана Томсона. Это был отчаянный кутила, не принимавший никакого участия в управлении артиллерией.

Благодаря этому, действительным начальником артиллерии становилась сама солдатская масса в лице своих выборных. Руководящая роль среди них принадлежала Решетникову, Соколову, Касьянову и другим. Совещание выборных стало фактически органом власти — не названным советом солдатских депутатов. С ним вынуждены были считаться не только крепостное начальство, но и городская буржуазия.

Назначенного вместо Стемпковского командиром 2-й роты подпоручика

Зинченко артиллеристы даже не пустили в роту, заявив, что он может явиться лишь тогда, когда его позвуют.

С первого же дня выборные занялись перестройкой существовавших в артиллерии порядков. Денщики у всех офицеров были отменены. Был пересмотрен и сокращен ежедневный караульный наряд, составлено новое расписание занятий, приступлено к организации солдатской лавочки, чайной и библиотеки. Для наблюдения за ротным хозяйством и кухней были выбраны артельщики. Специальная комиссия с участием врача освидетельствовала отпускаящуюся до этого в пищу солонину и забраковала весь запас — 34 бочки — как совершенно негодную, постановив уничтожить его до оттепели для предупреждения заразы.

12 января, вечером, вновь избранный начальник артиллерии штабс-капитан Томсон и командир 2-й роты Зинченко зашли в канцелярию роты. В накуренной, душной комнате сидело человек 20 артиллеристов. Происходило совещание выборных. При входе офицеров все продолжали сидеть.

— У нас, — пояснил им Решетников, — при входе офицеров решено не вставать и их не стесняться, офицеры же входить на собрания могут лишь с разрешения нижних чинов.

Непрошенные гости после такой встречи скоро ушли.

Офицеров в дни восстания на Чныорах почти не было видно: одни из них бежали в город, другие не смели показаться на улицах. Несмотря на это в артиллерии царил строгий порядок. Попытка спровоцировать в городе погром встретила среди артиллеристов жестокий отпор. 1 января двое артиллеристов, явившиеся пьяными в один из городских магазинов и потребовавшие там денег, были, по постановлению общего собрания артиллеристов, посажены на 8 суток под арест.

5

Дни шли. Комендант николаевской крепости, опасаясь быть обвиненным в бездействии, запретил начальнику николаевской почтово-телеграфной конторы пропускать из Николаевска

На каторгу.

Рис. К. Сахарова.

какие бы то ни было сообщения о происшедших событиях.

Не имея возможности действовать против восставших открыто, начальство решило разложить их постепенно, изнутри. Осуществлению этого плана способствовало то обстоятельство, что артиллеристы, совершив переворот, не устранили старого начальства крепости: власть в крепости попрежнему была в руках коменданта, офицерство и прочие начальники продолжали оставаться на своих постах.

Внешне согласившись с установленным в артиллерии новым порядком, офицерство, используя свое влияние на более отсталых солдат, стало вести исподволь агитацию среди артиллеристов. В ход было пущено такое средство, как систематическое спаивание солдат водкой (командир 2-й роты подпоручик Зинченко покупал для своей роты до 6 ведер водки).

Желая подкупить Решетникова, начальство артиллерии стало проявлять к нему исключительное «почтение». Офицеры при встрече с ним подавали ему руку. По распоряжению начальника артиллерии, он вдобавок к своему 2-рублевому жалованью стал получать 7 рублей «приварочных».

Результаты «работы» офицеров не замедлили вскоре сказаться. Среди артиллеристов начались раздоры. Их усилению способствовала полная отор-

ванность Николаевска от революционных центров и отсутствие у восставших поддержки извне. Между тем до них начали доходить слухи о подавлении революции в центре. Настроение революционной части артиллеристов упало. Среди восставших началось разложение. В создавшейся обстановке начальству нетрудно было постепенно удалить из артиллерии наиболее активных участников восстания, а 13 марта (28 февраля), т. е. через полтора месяца после начала восстания, арестовать и Решетникова.

В 10-х числах марта в Николаевск прибыл «для восстановления порядка» генерал-майор Алиев, которому были предоставлены права генерал-губернатора. В тот же день крепость была объявлена на осадном положении. Для выявления участников восстания в срочном порядке была создана следственная комиссия. Несколько десятков артиллеристов вскоре были арестованы и преданы военному суду.

Состоявшийся в июне 1906 г. военный суд приговорил за участие в восстании Решетникова И. и Иванова В. к смертной казни, Мухина П. и Соколова Ф. — к бессрочной каторге, Касьянова М. — к каторге на 20 лет, пятерых человек — к каторге от 15 до 4 лет и четырех — к заключению в арестантские отделения. Впоследствии смертная казнь Решетникову и Ива-

нову была заменена бессрочной каторгой.

Как ни скуны судебные документы, указывавшие на классовую принадлежность осужденных, однако они не могли скрыть того, что главная тяжесть приговора пала на рабочих: из пяти человек, приговоренных к самым жестоким наказаниям, четверо оказались бывшими рабочими.

Восстание артиллеристов в Николаевске на Амуре с исключительной наглядностью подтверждает ленинскую характеристику большинства военных восстаний 1905—1907 годов:

«Широкие массы были еще слишком наивны, слишком мирно, слишком благодушно, слишком по-христиански настроены. Они вспыхивали довольно легко, любой случай несправедливости, слишком грубое обращение офицеров, плохое питание и т. п. могло вызвать возмущение. Но не хватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: не хватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над

всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции.

Широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но также легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали усюкнуть себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших, и затем следовало самое жестокое подавление и казни вождей»¹.

Все эти моменты, ярко выступающие в истории показанного нами восстания, способствовали его поражению. Однако на ошибках этого восстания, как и на ряде других восстаний 1905—1907 гг., пролетарские и крестьянские массы учились и накапливали опыт, на основе которого они успешно решили задачу победоносного вооруженного восстания в октябре 1917 года.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 350—351.

Г. Бич

С О В Е Т Ы Р А Б О Ч И Х Д Е П У Т А Т О В В П О Л Ь Ш Е В 1918—1919 г.г.

Великая пролетарская революция в СССР оказала сильнейшее влияние на развитие революционного движения в Польше, как и в ряде других стран.

Это влияние в первую очередь сказалось на обострении борьбы польского пролетариата против своей буржуазии и против германско-австрийской военной оккупации, а также на росте стачечного движения в 1917 и 1918 годах.

На опыте Великой пролетарской революции в СССР польский пролетариат усвоил, что единственно целесообразной формой диктатуры пролетариата являются советы, без которых пролетарская власть осуществлена быть не может.

Поставив перед собой задачу — пойти по следам своих русских товарищей, завоевавших в октябре 1917 г. под гениальным руководством партии Ленина—Сталина диктатуру пролетариата, передовая часть польского пролетариата в момент, когда польская буржуазия приступила к организации своего государственного аппарата, начала создавать советы рабочих депутатов.

Начавшееся в Польше в конце 1918 г. могучее рабочее движение проходило под лозунгом «Вся власть советам». Но исход этой 8-месячной борьбы (ноябрь 1918—июнь 1919 г.), ознаменовавшейся в Польше сущест-

вованием советов рабочих депутатов, показал, однако, что рабочий класс Польши на деле не был еще готов к завоеванию своей диктатуры. В этот решительный момент ему не доставало теории и практики ленинизма, не доставало большевистской партии и большевистского руководства. Отсутствие этих важнейших факторов помешало ему выйти победителем из этой борьбы. Но опыт, приобретенный польским пролетариатом в эти исторические месяцы 1919 г., вооружил и подготовил его для дальнейших боев за свою диктатуру.

1

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг., подорвавшая основы мировой капиталистической системы, с исключительной разрушительной силой отразилась на хозяйственной жизни Польши. Наиболее развита в промышленном отношении часть Польши, так называемое «Царство Польское», с самого начала объявления войны была превращена в плацдарм величайших битв многомиллионных империалистических армий. Промышленность была разрушена как действиями сражающихся армий, так и оккупантами. Сильно пострадало и сельское хозяйство. В тех местах, на которых происходили бои, от деревень и сел остались одни пепелища.

Хозяйственная жизнь страны приостановилась.

Из всей довольно развитой промышленности «Царства Польского» сохранились и продолжали работать только каменноугольные копи в Домбровском бассейне, некоторые незначительные металлообрабатывающие и деревообрабатывающие предприятия, часть предприятий пищевой промышленности и коммунальные предприятия: трамваи, электрические станции, водопроводы, газовые заводы и т. п., без которых оккупационные власти обойтись не могли.

Рабочий класс находился в чрезвычайно тяжелом положении: часть рабочих была мобилизована в действующие империалистические армии;

часть — эвакуирована вместе с фабрично-заводским оборудованием в Россию во время отхода из Польши русской армии; значительная часть польских рабочих была насильно вывезена германо-австрийскими оккупационными властями в свои страны для замены ими рабочих, мобилизованных на войну (одними только германскими властями из Польши было вывезено в глубь Германии и для сруба леса в Беловежскую пущу 299 749 рабочих). Оставшиеся в Польше рабочие были заняты в мелких предприятиях и мастерских, часть рабочих, прячась от глаз оккупантов, разбрелась по стране, постепенно деклассируясь.

Польская буржуазия, в страхе перед растущим влиянием Великой пролетарской революции в России и революции в Германии и Австрии на трудящиеся массы Польши, накануне ухода оккупантов поспешила закрепить свое положение, выдвинув на авансцену «левое» правительство. Такое правительство было создано 7 ноября 1918 г. в Люблине. Во главе его стал видный вождь ППС—Дашинский.

Но, когда 11 ноября из Германии в Варшаву приехал Пилсудский, бывший вождь ППС и командир польских легионов, сражавшихся во время империалистической войны на стороне Германии и Австрии, польская буржуазия, видя в нем своего спасителя, единодушно выдвигает его как главу своего государства. Правительство Дашинского добровольно подает в отставку. После предварительных переговоров с представителями всех буржуазных и левобуржуазных партий и с их согласия Пилсудский назначает новое правительство уже в столице Польши — Варшаве. Во главе этого нового правительства ставится другой видный вождь ППС — Морачевский.

Первое время после ухода оккупантов польская буржуазия, лишившись штыков, защищавших ее классовые интересы, и не будучи в состоянии сразу же противопоставить нарастающему в стране революционному движению свой собственный аппарат насилия и террора, действует главным образом при помощи социальной демагогии и разжигания нацио-

нальной вражды. Роль главного проводника национализма и социальной демагогии среди трудящихся масс, роль спасителя буржуазии берет на себя ППС. Играя на национальных чувствах широких масс, страдавших от векового национального гнета, ППС отравляла сознание этих масс идеями национализма и антисемитизма и использовала в интересах буржуазии их демократические иллюзии. ППС польская буржуазия обязана спасением своего господства в наиболее грозный для ее судьбы момент. Правительства Дашинского и Морачевского выступали перед широкими трудящимися массами под ширмой «народных» правительств. На деле главной целью этих «народных» правительств было подавление развивающегося в стране революционного движения.

Одновременно с выдвиганием «народных» правительств, задачей которых было обмануть трудящихся, польская буржуазия берет за организацию собственного государственного аппарата насилия и угнетения широких народных масс. В первую очередь она спешит с созданием своей собственной вооруженной силы. Основным стержнем для этой цели служат верные ей военные кадры легионов, кадры, выращенные в империалистических армиях России, Германии и Австрии и ПОВ (польская военная организация). Наряду с армией польская буржуазия организует полицию, жандармерию и суды. Эти силы доорвавшаяся к власти польская буржуазия пускает в ход, с одной стороны, против пролетариата и трудящегося крестьянства своей страны, с другой — для достижения своих возродившихся захватнических планов. Она начинает борьбу за порабощение Западной Украины и Западной Белоруссии и при помощи Антанты готовится к войне против пролетарской власти на востоке, против Советской России. На определенном этапе подготовки нападения на Советскую Россию дальнейшее существование ширмы «народного» правительства становится лишним и после совещания представителей буржуазии у Пилсудского «народное» правительство Морачевского 15 января 1919 г. подает в

отставку и заменяется открытым буржуазным правительством Паде-ревского.

2

Внутреннее положение Польши начиная с момента ухода германско-австрийских войск характеризуется все развивающимися противоречиями и ростом острой классовой борьбы.

После ухода оккупантов в страну начали возвращаться рабочие, насильственно вывезенные из Польши во время войны. Многие из них, изголодавшись и измучившись, возвращались с надеждой, что «воскресшее отечество» займется их нуждами, предоставит им работу и даст им хлеба. В скором времени им пришлось убедиться в обратном. Возвращались также солдаты империалистических армий России, Германии и Австрии в результате стихийно происходившей демобилизации. В одну только Варшаву вернулось 24 000 солдат. Многие из них прошли школу революционной борьбы в России.

Быстро росло число безработных. На 1 февраля 1919 г. в Польше насчитывалось 203 848 зарегистрированных государственным учреждением безработных, причем в одной только Варшаве их было 74 418. Число это быстро увеличивалось. Первого апреля в «Царстве Польском» было уже 334 552 зарегистрированных безработных, из них в Варшаве — 92 391 (цифры эти далеко не полно отражают тогдашнюю безработицу, так как не все безработные шли регистрироваться).

В городах выступления безработных принимали все более угрожающий характер. Движения безработных в накаленной атмосфере того периода легко могли перерасти в открытую борьбу за свержение власти буржуазии. Чуть ли не ежедневно происходили демонстрации безработных, руководимые революционными профсоюзами и союзом бывших солдат. Безработные во многих местах штурмом занимали городские магистраты, а в Варшаве подходили под Бельведер, где жил Пилсудский, и вступали в бой с воинскими оцеплениями, которыми

Пилсудский отгораживался от возбужденной и голодной массы.

В результате быстрого роста дороговизны вспыхивает ряд забастовок, охвативших постепенно все без исключения отрасли промышленности. К забастовкам примыкают учителя начальных училищ, служащие банков, телефонных станций и даже тюремные надзиратели. На фабриках очень часто вспыхивают забастовки из-за того, что владельцы ввиду быстрого обесценения денежных знаков задерживают выплату зарплаты рабочим, стремясь нажить себе, таким образом, добавочный капитал. В ответ на эти мошенничества фабрикантов рабочие занимали фабрики и забирали готовую продукцию взамен задержанной зарплаты.

Экономическая борьба переплеталась с политической, направленной против возрастающей буржуазной реакции. Волна демонстраций и забастовок перекатывалась через всю страну, втягивая в политическую борьбу значительные массы, до сих пор в революционной борьбе не участвовавшие.

С исключительной остротой протекали забастовки сельскохозяйственных рабочих, представлявших в Польше довольно многочисленную силу. Сельскохозяйственный пролетариат боролся за улучшение своего крайне нищенского положения. Очень часто его борьба за повседневные требования превращалась в борьбу с полицией и войсками и кончалась тем, что рабочие, прогнав помещика, сами начинали управлять имением.

На борьбу выступала также и крестьянская беднота, страдавшая от пережитков феодализма и малоземелья. Крестьяне захватывали помещичьи луга и государственные леса. На этой почве в некоторых местах, как например в Козлове, произошли кровавые схватки с войсками и полицией. В Галиции, в Тарнобрестском уезде, густо заселенном крестьянской беднотой, вооруженные крестьяне временно завладели всем уездом, провозгласив там свою крестьянскую Тарнобрестскую республику.

Даже в польской армии, этом слепом орудии в руках контрреволюци-

онной буржуазии, под влиянием углубляющегося и расширяющегося революционного движения в стране начинают наблюдаться характерные черты разложения и революционного брожения: были случаи открытых выступлений солдат на рабочих собраниях и их участия в уличных демонстрациях. В Замостье, Люблинского округа, взбунтовавшиеся солдаты местного гарнизона соединились с рабочими и под руководством совета рабочих депутатов завладели городом и провозгласили в нем власть советов.

Таким образом, на основе кризиса мировой капиталистической системы и глубокого экономического кризиса внутри страны в Польне созревает ситуация, в которой классовая борьба под влиянием победоносной Октябрьской революции в России и революционных битв в Германии и Австрии принимает характер непосредственной борьбы за власть, за диктатуру пролетариата.

Эта борьба в первые месяцы существования буржуазной Польши получила свое наиболее яркое выражение в организации советов рабочих депутатов.

3

Первые подлинные советы рабочих депутатов были организованы пролетариатом Польши в первых числах ноября 1918 г. в так называемом «Царстве Польском», которое по революционной закаленности своего пролетариата и по напряженности революционной борьбы шло впереди всех других частей Польши. По инициативе СДПил и ППС-левицы¹ советы возникали чуть ли не в каждом городе и в каждом промышленном центре.

¹ Обе партии, сознавая важность переживаемого момента и учитывая задачи, стоящие перед ними, постановили объединить свои силы для совместных организационных и политических действий в советах. 10 ноября 1918 г., до окончательного организационного объединения партий, был создан междупартийный совет, который и руководил их действиями в советах. 16 декабря 1918 г. произошло слияние обеих партий в единую коммунистическую Рабочую партию Польши.

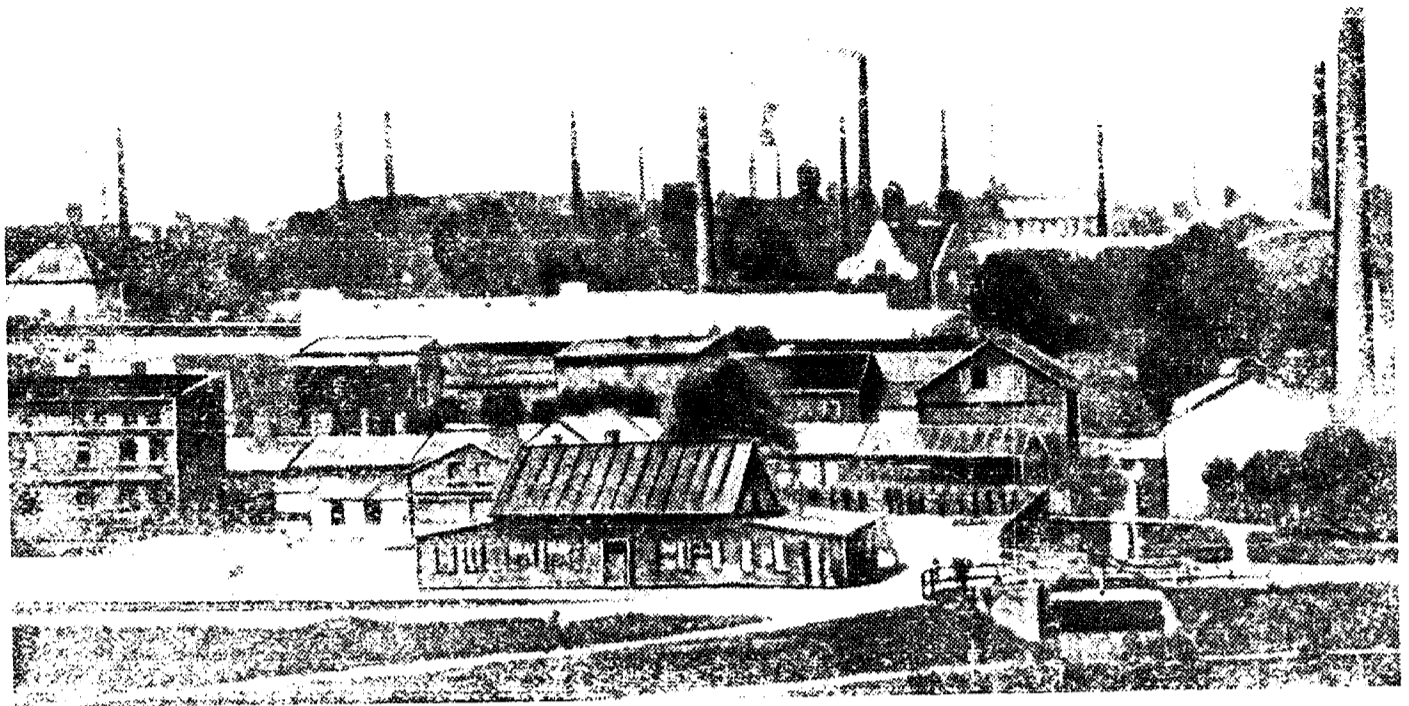
Множество советов было организовано и в относительно мелких рабочих центрах. В отдельных местностях организовались советы даже по деревням. Сельский пролетариат, выступавший впервые в революционной борьбе такой многочисленной массой, организовал в помещичьих имениях тысячи комитетов, занимавшихся прежде всего борьбой за улучшение быта сельхозрабочих. В Люблинском уезде из представителей этих комитетов был создан особый уездный совет депутатов-сельхозрабочих.

В одном только «Царстве Польском» было организовано около 80 советов рабочих депутатов. СДПил и ППС-левица призывали рабочие массы к борьбе за социальную революцию, за свержение капитализма и за власть советов под лозунгом тесной солидарности с русской революцией и с поднимающимся на революцию международным пролетариатом.

В отдельных местностях, например в Домбровском каменноугольном бассейне, где во время мировой войны сохранились старые кадры горняков, рабочие массы разоружили местные германско-австрийские войска и организовали под руководством совета свою собственную рабочую красную гвардию. Последняя заняла часть города Сосношиц и ряд других рабочих пунктов Домбровского бассейна, где и была провозглашена власть советов.

Благодаря неправильной позиции, занятой СДПил и ППС-левицей, а впоследствии и коммунистической рабочей партией Польши, в которой в то время сильны были пережитки люксембургизма и отчасти меньшевистские традиции ППС-левицы, к организации советов и их борьбе за власть не были привлечены широкие массы трудового крестьянства. В некоторых местностях крестьяне сами создавали свои советы. Но эти советы, стихийно возникшие и лишённые пролетарского руководства, не в состоянии были развернуть политическую борьбу и вскоре прекратили свое существование.

Вследствие слабой работы революционных организаций среди польской армии в советы не были также вовлечены и представители от солдат.

Лодзь, один из крупнейших промышленных центров Польши.

Под давлением рабочей массы, организовавшей по призыву СДПиЛ и ППС-левицы свои советы рабочих депутатов и усматривавшей в них свое подлинное представительство, вожди ППС, Бунда, Поалей Цион и даже открыто националистически реакционного Национального рабочего союза постановили включиться в работу по организации советов. Однако цель этих партий сводилась к тому, чтобы, овладев советами, задержать революционную энергию масс и в конечном итоге уничтожить советы как органы широкой мобилизации и революционной борьбы. Особенно приходится здесь подчеркнуть контрреволюционную роль, которую сыграла в этом деле ППС.

Для того чтобы успешнее добиться своей цели, ППС в некоторых городах, в том числе и в Варшаве, создает в первые дни возникновения советов рядом с существующими уже советами свои собственные партийные «советы». Этим маневром вожди ППС стремились, с одной стороны, не допустить к созданию единых, охватывающих всю рабочую массу советов рабочих депутатов, с другой—при помощи своих лжесоветов противодействовать влиянию уже существующих революционных советов. Против этого маневра ППС выступили СДПиЛ и ППС-левица, призывая рабочие массы бороться за создание единых советов рабочих депутатов. В результа-

те проведенной ими кампании и под нажимом рабочих низов вожди ППС были вынуждены отказаться от своей затеи и высказаться за создание единого совета.

Выборы в этот единый совет должны были начаться 12 декабря 1918 г. и закончиться как можно скорее, чтобы совет мог приступить к работе. Под всевозможными предложениями ППС старалась оттянуть окончательное завершение кампании так, что только 5 января 1919 г., и то под натиском масс, Варшавский совет рабочих депутатов мог собраться на свое первое пленарное заседание.

Потерпев поражение в своем стремлении уничтожить советы как единые органы, объединяющие весь пролетариат, ППС, изменив свою тактику, повела борьбу внутри советов, стремясь обкарнать их, уменьшить их значение, притупить их борьбу и сделать их привеском буржуазного государства. Она выдвинула лозунг подчинения советов «народному» правительству. В декларации, провозглашенной 14 января 1919 г. на пленарном заседании Варшавского совета рабочих депутатов, от имени ППС было сказано: «Советы должны стать вспомогательным органом народного правительства, исполнителем его распоряжений, декретов и намерений».

В местностях, где революционная активность рабочих масс с первого момента создания советов была осо-

бенно велика, как например в Домбровском бассейне, ППС не смогла даже приступить к созданию своих лжесоветов. Там сразу создались единые советы рабочих депутатов, объединившие всех рабочих.

4

Соотношение сил в советах рабочих депутатов, особенно первое время, отнюдь не было в пользу коммунистов. Среди рабочей массы сильны были буржуазно-демократические предрассудки. В большинстве единых

советов значительный перевес был на стороне ППС или ППС совместно с Бундом и другими социал-соглашательскими партиями. Только в совете Домбровского бассейна коммунисты с первых же дней существования советов имели большинство.

По мере развития и обострения революционной борьбы позиции коммунистов в советах все усиливались. Приблизительное соотношение сил в советах рабочих депутатов характеризуют следующие данные, относящиеся к девяти советам, за февраль 1919 года.

	Количество рабочих, представленных одним депутатом	Коммунистов	ППС	Бунд	Поалей Цюн	Фейрайниге	СС	Национальный рабочий союз	Общее число депутатов в совете	Общее число представленных в советах рабочих
Варшава	50	299	301	137	131	41	—	56	965	48 000
Домбровский бассейн . . .	100	229	130	5	5	—	—	21	390	39 000
Лодзь	100	156	179	71	68	8	2	35	519	50 000
Люблин	50	41	44	—	—	—	—	—	85	4 000
Радам	50	15	78	30	39	—	—	—	162	8 000
Влоцлавск	50	20	25	—	—	—	—	—	45	2 500
Плоцк	50	15	35	3	1	—	—	—	54	2 700
Жирардов	100	27	30	3	—	—	—	10	70	7 000
Калиш	100	18	46	2	—	—	—	1	67	6 700
Всего . . .	—	820	868	251	244	49	2	123	2 357	167 900

Из этих данных видно, что уже в феврале число коммунистических депутатов в советах начало приближаться к числу депутатов, принадлежащих к ППС.

Ряд постановлений советов, поддержанных и проведенных в жизнь всей рабочей массой, внес значительные улучшения в положение трудящихся. Первым делом, осуществленным советами, было введение 8-часового рабочего дня. И лишь после того, как 8-часовой рабочий день был уже введен советами чуть ли не во всех промышленных центрах Польши, «народное» правительство Морачевского соизволило издать 23 ноября 1918 г. правительственный декрет о введении 8-часового рабочего дня.

На основе постановления советов на всех фабриках и заводах Польши были созданы фабрично-заводские комитеты. Эти комитеты были органами, представлявшими всех рабочих данного предприятия. Они вели борьбу

бу против фабрикантов, защищая интересы рабочих, чем заслужили ненависть всех предпринимателей. Впоследствии буржуазии так и не удалось их устранить полностью. Они сохранились даже теперь, в условиях фашистской диктатуры, в целом ряде отраслей промышленности.

В ряде мест советы вынесли постановление о повышении зарплаты всем без исключения рабочим. Так, в Домбровском бассейне начиная с первых дней существования совета зарплата всем рабочим была повышена на 100%. Предприниматели и владельцы каменноугольных копей, вынужденные считаться с значительным авторитетом и силой, какую представлял собой совет Домбровского бассейна, имеющий коммунистическое большинство и распоряжающийся вооруженной силой красной гвардии, беспрекословно подчинились этому решению.

На заседаниях советов шла острая борьба между коммунистическими

ораторами и ораторами, выступающими от имени остальных партий и в особенности от ППС. Ожесточенные прения вызвали вопросы о борьбе против нарастающей буржуазной реакции и об отношении к «народному» правительству, которое ППС величало «рабоче-крестьянским» и антинародный, контрреволюционный характер которого разоблачали коммунистические ораторы.

Уже с первых дней существования польского государства польская буржуазия делала ряд попыток уничтожить революционные организации пролетариата. При помощи солдат, жандармов и буржуазных сынков она разгромила в Варшаве помещения рабочих организаций, редакции рабочих газет, производила массовые обыски в рабочих кварталах и арестовывала активных революционных работников.

Еще яростнее наступала реакция в провинции. Против рабочих и крестьян там шли единым фронтом помещики, офицеры, жандармы и ксендзы. Порка шомполами и убийства рабочих стали обычным явлением. В Домбровском бассейне в первый же день существования буржуазной Польши во время рабочей демонстрации в честь создавшегося совета рабочих депутатов был убит рабочий.

Там же во время всеобщей стачки наемными солдатами были зверски убиты члены исполкома совета рабочих депутатов Домбровского бассейна Дылонг и Дзекан. В декабре Пилсудский направил в Домбровский бассейн несколько полков пехоты, кавалерии и артиллерию в целях разоружения красной гвардии. Разоружить красную гвардию им не удалось, но она была загнана в подполье.

20 декабря 1918 г. по распоряжению «народного» правительства в Варшаве была арестована советская миссия Красного креста во главе с тов. Веселовским и вывезена по направлению к советской границе. В лесу она была расстреляна жандармами. Только благодаря тому, что один из членов миссии, которого жандармы считали убитым, — тов. Альтер — оказался раненым (его спасли окрестные крестьяне) это преступле-

ние «народного» правительства было вскрыто.

Все эти преследования носили характер плановой, систематической борьбы с революционным движением. «Народное» правительство Морачевского издало 2 января 1919 г. два декрета: 1) о применении войск «в исключительных случаях» и 2) об осадном положении и военно-полевых судах. Действие осадного положения и военно-полевых судов было распространено 6 января на Варшаву и на Домбровский бассейн, причем каждые 3 месяца объявлялось о дальнейшем продолжении этого положения, так что осадное положение и военно-полевые суды в этих местах просуществовали до мая 1921 года. В связи с объявлением осадного положения в некоторых местах «Царства Польского», как например в Жирардове, произошли кровавые схватки между революционными рабочими и войсками.

Пытаясь, по примеру царизма, отвлечь трудящихся от борьбы с эксплуататорами путем разжигания национальной розни, польская буржуазия устраивала еврейские погромы во Львове и других местах. Поддерживая националистический фронт буржуазии, ППС в ряде советов, например в Люблине и Влоцлавске, где она имела большинство депутатов, исключила депутатов-евреев из состава совета.

Таким образом, вопросы борьбы с наступающей буржуазией со всей остротой встали в порядок дня рабочих собраний. Особенно часто занимался ими по инициативе комфракции Варшавский совет рабочих депутатов, получавший сведения о терроре и преследованиях революционного движения со всей страны. Вожди ППС всякий раз противились обсуждению этого вопроса, а когда он вопреки им все же ставился, они выступали против принятия каких-либо решений и прозвали совету расколом.

Характерной для ППС была позиция, занятая ею во время всеобщей забастовки протеста против реакции 12 и 13 марта 1919 года.

5 марта 1919 г. было созвано экстренное совещание представителей наиболее крупных советов для реше-

ния вопроса о мерах борьбы против разрастающейся реакции. Совещание, на котором присутствовало 32 представителя советов рабочих депутатов из Варшавы, Лодзи, Домбровского бассейна, Люблина, Радома, Жирардова, Томашова, Влоцлавска, Петровка, Калиша и Плоцка, приняло единогласно, в том числе и голосами представителей ППС, решение о проведении на 12 и 13 марта двухдневной забастовки-протеста.

Это решение вызвало огромный подъем и энтузиазм в рабочих массах. Везде с большим воодушевлением началась подготовка забастовки. Советами издавались листовки и плакаты, призывающие рабочих к забастовке на 12 и 13 марта. В плакате, изданном советом рабочих депутатов Домбровского бассейна, рабочие призывались бороться под следующими лозунгами: немедленное прекращение всех военных действий, в особенности действий прогнившей революционной России, Литвы и Белоруссии; устранение тайной дипломатии, открытое ведение мирных переговоров при участии представителя советов рабочих депутатов; немедленное освобождение всех политзаключенных; освобождение солдат, арестованных за политическую деятельность; отзыв войск из шахт, заводов и помещичьих имений; устранение осадного положения и военно-полевых судов; полная свобода рабочей печати, рабочих организаций, собраний, митингов и уличных манифестаций; свобода экономических и политических забастовок.

Успешное проведение забастовки-протеста сыграло бы весьма положительную роль в дальнейшем развертывании революционной борьбы в стране.

Но уже 10 марта, именно тогда, когда организационно-подготовительная работа для успешного проведения забастовки была в полном разгаре, представитель ППС выдвинул на пленарном заседании Варшавского совета рабочих депутатов требование отложить забастовку на более поздний срок. Вожди ППС надеялись таким путем сорвать забастовку. Варшавский совет, однако, не согласился на

отсрочку, и фракция ППС демонстративно покинула зал заседания.

На следующий день, 11 марта, ЦК ППС напечатало в своем центральном органе «Работник» воззвание, призывавшее не участвовать в забастовке.

Штрейкбрехерский призыв ЦК ППС был встречен ликованием в среде буржуазии. На поддержку предательской позиции ЦК ППС выступил Национальный рабочий союз, выпустивший воззвание, в котором говорилось, что забастовку устраивают «агенты русских советов и германских спартаковцев», стремящиеся «вызвать в стране беспорядки и анархию».

Постановление ЦК ППС, объявленное за день до забастовки, вызвало сильнейшее замешательство среди рабочих—членов ППС. В Люблине, где о постановлении ЦК ППС узнали из сообщения буржуазной газеты, местные пепеэсовцы готовились даже выпустить специальную листовку, клеймящую «провокацию» буржуазной печати. Убедившись в дальнейшем в правильности этого сообщения, они ему не подчинились. Благодаря этому забастовка в Люблине прошла единодушно.

То же самое произошло в Домбровском бассейне. Здесь постановления ЦК ППС вызвали бурю негодования среди пепеэсовских рабочих, которые до этого уже радовались тому, что их партия «пошла налево и начнет теперь острую борьбу против буржуазии».

Забастовка, руководимая советом, прошла единодушно. Невзирая на запрещение властей, террор и аресты, мобилизацию войск, убийство 4 и ранения 14 рабочих, советом была организована грандиознейшая боевая рабочая демонстрация, которая закончилась многолюдным митингом.

Но в Варшаве, в столице Польши, где забастовка имела наиболее важное политическое значение, благодаря штрейкбрехерству ППС она имела только частичный успех. В Калише буржуазия, видя неудачу забастовки, перешла в контрнаступление, напала на рабочую демонстрацию и устроила в городе погром еврейской бедноты.

Разгромленное полицией помещение профсоюзов в Варшаве. 1918 г.

На примере этой забастовки ясно видны роль ППС и те трудности, с которыми сталкивались коммунисты Польши на пути создания в советах рабочих депутатов единого фронта революционной борьбы против буржуазной реакции.

Наконец, третьим вопросом, вызвавшим исключительно острые столкновения между коммунистами и вождями ППС, был вопрос об отношении к Советской России и борьбе против войны. Коммунистические фракции в советах выступали против нападения польской буржуазии на Республику советов и против порабощения Западной Украины и Западной Белоруссии. Коммунистическая фракция Варшавского совета опубликовала скрытые польским правительством мирные ноты советского правительства, подписанные Чичериним, и ноту Советской Белорусско-Литовской республики, подписанную Мицкевич-Капсукасом, демонстрировавшие мирные намерения Страны советов и безусловное признание ею самоопределения польского народа. Вожди ППС яростно защищали империалистическую политику польской буржуазии и поддерживали разбойничье нападение войск Пилсудского на советские республики и на Западную Украину. Когда в

совете Домбровского бассейна, 5 мая 1919 г., коммунистическая фракция внесла резолюцию, принятую советом, резко критиковавшую империалистическую политику буржуазии и Пилсудского и выступавшую в защиту советских республик, то пепеэсовцы, заявив, что резолюция — провокация коммунистов, покинули зал заседания совета.

Под влиянием критики коммунистов, разоблачавших ППС как представительницу левого крыла польской буржуазии, под влиянием развивающихся революционных событий в стране и на международной арене в рабочих низах ППС началось сильное брожение и недовольство политикой своих вождей. Это недовольство привело к тому, что часть пепеэсовских депутатов начала голосовать за коммунистические предложения, против предложений своих вождей. В дальнейшем этот процесс привел к отколу от ППС части пепеэсовских рабочих и переходу их в ряды компартии.

Много времени и внимания советы уделяли вопросам, касающимся борьбы за повседневные нужды рабочего класса. По всем этим вопросам группы и отдельные рабочие обращались к советам, ища у них защиты своих интересов.

Несомненно, деятельность коммунистических фракций в советах рабочих депутатов была бы гораздо более плодотворной, если бы компартия Польши в то время имела правильные, ленинские установки, по крайней мере, по наиболее важным принципиальным вопросам. К сожалению, этого не было, и ошибочные люксембургские установки партии тормозили общий процесс развития революционной борьбы пролетариата и трудящихся масс Польши.

Революционную работу коммунистических фракций в советах срывал также оппортунизм некоторых коммунистических вождей (Варский, Костшева и др.), которые, ссылаясь на позицию вождей ППС, большей частью плелись в хвосте движения, сдерживая силу и энергию коммунистического актива. Позицию этих оппортунистических вождей ППС использовала неоднократно для срыва политических стачек и назревающей борьбы. Оппортунизмом, корни которого лежат в меньшевистском прошлом ППС-левицы, надо считать и позицию Круликовского, который, выступая на Варшавском совете, затушевывал буржуазный характер «народного» правительства, говорил о нем как о правительстве, занимающем якобы позицию между пролетариатом и буржуазией. К сожалению, за исключением некоторых робких голосов протеста, партия в целом, не занимая большевистских позиций и не считая нужным вести борьбу на два фронта: против оппортунизма и левого сектантства, — не замечала оппортунизма этих вождей и не вела против них борьбы.

5

Усиливающееся влияние коммунистов в советах сильно тревожило буржуазию и вождей ППС. Последних не без основания беспокоило требование комфракций Варшавского, Лодзинского и других советов о перевыборах советов в целом. Тревожил их предстоящий съезд советов всей Польши, который подготовлялся организационной комиссией, выбранной Варшавским советом и работавшей согласно ука-

заниям совещаний представителей наиболее крупных советов. Надежды вождей ППС на то, что предстоящий съезд советов окажется в большинстве своем на их стороне, делались все более иллюзорными и невероятными.

По личному настоянию Пилсудского, который стремился обеспечить себе тыл для войны против Советской России, вожди ППС решаются пойти на раскол советов и их уничтожение, несмотря на то что рабочие массы, шедшие еще за ними, были против такого раскола и выступали на собраниях за сохранение единства советов как представителей всего рабочего класса.

Первый совет, который вождям ППС удалось расколоть, был Люблинский совет рабочих депутатов: 18 мая пепеэсовцы ушли с заседания совета под предлогом «коммунистической травли против ППС» и, собравшись в другом месте, объявили себя «советом рабочих депутатов», в который могут войти «только депутаты, стоящие на позиции независимости польской Речи Посполитой». Этим националистическим лозунгом они стремились расколоть рабочих, идущих за ППС и за коммунистами. Через две недели после того, как был произведен раскол в Люблинском совете, ППС добилась тех же результатов в совете рабочих депутатов в Влоцлавске.

Таким же образом пепеэсовцы обезоружили советы в Страховицах и в ряде других местностей.

Окончательный раскол советов по всей линии был произведен ППС — вопреки протестам многочисленных рабочих собраний — на четвертом совещании представителей наиболее крупных советов, состоявшемся 15 июня 1919 г. в Варшаве. Предупрежденная о расколе польская охранка набросилась при выходе с совещания на коммунистических представителей и арестовала 5 представителей советов Домбровского бассейна, Люблина и других мест. Вожди ППС, разбивая советы, претворили в жизнь лозунг всей польской реакции.

Временно, чтобы загладить неблагоприятное впечатление, произведенное в рабочей среде расколом советов, ППС создает по примеру Любли-

на ширму «независимых социалистических советов», но и они скоро исчезают.

Часть более активных советов после произведенного пепезовцами раскола пытается еще некоторое время собираться, но это становится все более трудным. Полиция гонится по пятам депутатов. Варшавскому совету удалось после раскола собраться всего еще 3 раза. Последнее его заседание состоялось 20 июля, в международный день протеста борьбы против войны, во дворе одной из фабрик при участии многотысячной рабочей массы. Кончилось оно рабочей демонстрацией, на которую напала полиция. Демонстранты оказали полиции сопротивление, некоторые из них были ранены. Демонстрация была разбита, и совету в дальнейшем собираться стало уже невозможно.

В этот же самый день на собрании совета рабочих депутатов Домбровского бассейна был арестован и заключен в тюрьму весь его коммунистический состав.

В Люблине 20 июля коммунистической частью совета была организована многотысячная демонстрация протеста против войны и в защиту Советской России; 21 июля полиция и войска напали на антивоенный митинг трудящихся женщин и, пустив в ход оружие, убили и ранили ряд участников митинга.

Так, объединенными силами буржуазной реакции и ППС были разбиты и уничтожены в Польше советы рабочих депутатов. Тем самым польская империалистическая буржуазия под руководством Пилсудского и при поддержке Антанты получила возможность пойти в наступление против Советской России.

Основной причиной поражения польского пролетариата следует считать предательскую политику вождей ППС, которые в тесном сотрудничестве с буржуазией противодействовали развитию общего процесса революционной борьбы. Без их поддержки польская буржуазия не была бы в состоянии справиться с революционной волной, поднявшейся в стране.

Громадное значение имело и то обстоятельство, что в то время в Поль-

ше не было боевой коммунистической партии с таким гениальным руководством, какую имел рабочий класс России в лице своей большевистской партии, руководимой Лениным и Сталиным.

Только что сложившаяся путем слияния СДПил и ППС-левицы молодая коммунистическая рабочая партия Польши была обременена наследием люксембургских и меньшевистских пережитков. В ней были широко распространены взгляды на революцию как на процесс стихийный. «Все придет само собой», — говорилось тогда в партии. Исходя из этого, партия пренебрегла оружием, которое оказалось в руках рабочих после разоружения оккупантских войск, не выбросила лозунга вооруженного восстания и не организовала пролетариат для вооруженной борьбы. Пример и опыт создания вооруженной красной гвардии в Домбровском бассейне был недооценен руководством партии и не распространен на другие участки революционного фронта Польши. Партия не понимала той большевистской истины, что «победа революции никогда не приходит сама», что эту победу «надо подготовить и завоевать» (Сталин).

Совершив кроме того еще целый ряд тактических лево-сектантских ошибок по профсоюзным вопросам, по вопросу выборов в сейм и т. п., партия несмотря на героическую, самоотверженную борьбу своих рядовых членов не была в состоянии создать единый фронт всех революционных сил в стране и бросить их в решительный бой против буржуазии и помещиков во имя победы пролетарской революции и торжества диктатуры пролетариата в Польше.

Рабочий класс Польши и его боевой коммунистический авангард учли уроки, вытекающие из революционных боев 1918 — 1919 годов. Партия под руководством Коминтерна прошла долгий и трудный путь большевизации. Руководствуясь марксистско-ленинско-сталинским учением, имея во главе большевистское руководство, она сумеет в предстоящей классовой схватке повести рабочий класс Польши к его окончательной победе.

К ИСТОРИИ ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЫ

В. Невлер

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА* (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Борьба за Тунис

Итало-абиссинская война не является чем-то неожиданным в истории колониальной политики Италии. Это лишь новый этап в борьбе итальянского империализма за колонии, начатой более чем полвека назад.

На африканском материке итальянскую буржуазию прежде всего привлекала весьма выгодная для наживы страна, прозванная ею «древней римской провинцией». Этой страной был Тунис со своими богатыми залежами железной руды, фосфоритов и пр., который после открытия Суэцкого канала (1869 г.) приобрел мировое значение как важный стратегический пункт по пути из Атлантического в Индийский океан.

Во второй половине 70-х годов начинается усиленная отправка из Италии в Тунис специальных экспедиций: осевшие там итальянские купцы открывают фактории, туда вывозятся капитал и люди. Эмигрировавшие итальянские рабочие, будучи бесправными и получая нищенскую заработную плату, превращались в колониальных рабов своей буржуазии.

Но, как известно, за захват африканских территорий раньше Италии принялась Франция.

* Сокращенная глава из подготавливаемой к печати книги по истории Италии.

Между этими странами возникает на этой почве соперничество. Обострению взаимоотношений между ними способствовали Восточная война и последовавший за нею Берлинский конгресс 1878 года.

Во время этой войны русский посол в Константинополе граф Игнатьев, чтобы облегчить России возможность нажиться за счет турецких владений на Балканах, обратился к итальянской дипломатии с предложением занять Тунис. Аналогичное предложение получил в кулуарах Берлинского конгресса итальянский делегат граф Корти от «самого» председателя конгресса Бисмарка, причем последний обещал Италии поддержку в случае занятия Туниса ее войсками.

Итальянская буржуазия, однако, в тот момент не сочла для себя возможным пойти на эти предложения России и Германии. Но все же заигрывание Италии с врагом Франции — Бисмарком — пришлось не по вкусу французской буржуазии.

Франция порвала свой торговый договор с Италией. Между Италией и Францией началась таможенная война, которая принесла много ущерба обеим странам, в особенности Италии.

Англия со своей стороны также не желала укрепления Италии в Тунисе, так как это ослабило бы ее позиции на Средиземном море. В том же, 1878 г. она заключила тайное соглашение с Францией, согласно которому последняя должна была захватить Тунис.

В 1881 г., когда Франция приступила к осуществлению этого плана, Тунис почти уже находился в руках Италии. Из 18 900 европейцев в Тунисе итальянцев насчитывалось более 11 000, а французов — всего несколько сот человек.

Тем не менее в 1881 г. Франция заключает договор с Тунисом, означавший фактически установление французского протектората над этой страной. Итальянской буржуазии этим был нанесен сильный удар. Этот «вызов» Франции толкнул Италию в объятия Бисмарка и германо-австрийско-

го союза. В 1882 г. Италия присоединяется к союзу Германии и Австро-Венгрии и таким образом оформляется Тройственный союз. Этим итальянская буржуазия окончательно встала на путь империализма, на путь войны за передел мира, войны, которую она ведет сегодня в Восточной Африке¹.

Борьба за Восточную Африку

После того как Италия потерпела поражение в своей первой колониальной аванюре в Северной Африке, она кинулась в Восточную Африку. Захваченная еще в 1870 г. пароходным обществом Рубаттини, бухта Ассаб в 1882 г. приобретает итальянским правительством и таким образом формально осуществляется аннексия этого порта.

Но итальянские колонизаторы стремились овладеть всем восточным побережьем Африки и для осуществления своих захватнических планов начали в Восточной Африке войну.

На помощь им пришли англичане. В начале 1885 г. Англия, желая получить поддержку Италии в подавлении вспыхнувшего в Судане восстания махдистов, заключает соглашение с Италией и разрешает итальянцам занять

¹ Вступление Италии в Тройственный союз вызвало усиление буржуазно-патриотического движения ирредентистов, возникшего еще в 70-х годах прошлого столетия. Ирредентисты (от слов Italia irredenta—неосвобожденная Италия) требовали освобождения от Австрии и присоединения к Италии Южного Тироля и Триеста, население которых говорит по-итальянски.

Без этого они считали объединение Италии незавершенным. Со вступлением Италии в Союз с «наследственным врагом» — Австрией — они обострили свою борьбу за освобождение этих областей и повели энергичную кампанию против Союза. Но ирредентистское движение носило республиканский характер и было направлено также и против монархического порядка в самой Италии. Поэтому итальянские правительства в 80-х и 90-х годах, начиная от правого Депретиса и кончая «левым» Криспи, самым беспощадным образом подавляют это движение. Это в свою очередь вызывает со стороны ирредентистов ряд террористических покушений против правительственных деятелей и против австрийского императора и императрицы.

порт Массауа, на побережье Красного моря. После захвата этого порта Италия начинает систематически продвигаться в глубь Восточной Африки. Это встречает противодействие со стороны абиссинского негуса Иоанна, который в 1887—1888 годах наносит итальянцам ряд поражений.

В это время в Абиссинии происходила междоусобная война негуса Иоанна с отдельными его вассалами (расами). Итальянская буржуазия не замедлила воспользоваться этой междоусобицей и привлекла на свою сторону раса Менелика, который, после того как Иоанн был убит в сражении, сделался в 1889 г. негусом Абиссинии под именем Менелика II. Но итальянская «помощь» негусу дорого обошлась Абиссинии. 2 мая 1889 г. Менелик вынужден был заключить в Учалли договор с Италией, согласно которому Абиссиния признавала протекторат Италии.

В этом же году итальянское правительство договором с султаном Сомали устанавливает свой протекторат над обширной областью африканского побережья Индийского океана. В свои африканские колонии Италия начинает ввозить вино, макароны, фрукты, мануфактуру и пр. Вывозит же она из своих колоний шкуры, кожи, кофе, воск и т. д.

Необходимо отметить, что в 80-х же годах Италия приступает к своей колониальной политике также и в Европе. Здесь Италия стремилась укрепиться на Балканах — у берегов Эгейского и Адриатического морей. С этой целью она в 1887 г. заключает союз с Германией и Англией по балканским делам. Но, будучи сравнительно маловооруженной, Италия в этом деле не имела успеха, и она вновь концентрирует свое внимание на Африке.

В 1890 г. все колониальные захваты Италии на восточном побережье Африки были объединены в единую колонию Эритрею². Этим был подготов-

² Это название было принято по предложению тогдашнего премьера Италии Криспи: оно было дано в память древнеримского названия Красного моря, напоминавшего буржуазии былую славу и величие Рима.

лён плацдарм для дальнейшего продвижения Италии в Абиссинию.

В 1891 г. Англия, поощрявшая в тот период итальянскую экспансию на Востоке Африки, заключает с Италией договор, по которому вся Абиссиния признается зоной итальянского влияния.

В конце 80-х и в первой половине 90-х годов итальянское правительство, чтобы получить возможность полностью овладеть Восточной и Северо-восточной Африкой, предпринимает решительные шаги по усилению вооружений. Это приводит к сильному расстройству финансов и к колоссальному дефициту в государственном бюджете. Лихорадочное вооружение Италии диктовалось также требованием Тройственного союза, который стремился сделать Италию сильным оружием против Франции.

Увеличение военных расходов для колониальных войн и возобновление Тройственного союза в 1892 г. с «наследственным врагом» Италии — Австрией — вызывают в первой половине 90-х годов сильное народное возмущение, выразившееся в ряде восстаний.

Эти народные движения против захватнических войн наряду с противодействием итальянской колониальной политике со стороны Англии и Франции являются основными причинами поражений Италии в ее колонизаторской деятельности в течение почти всей последней четверти XIX века.

Однако итальянская буржуазия не отказывается от своей милитаристской и колонизаторской политики. В 1894 г. Италия снова заключает договор с Англией по размежеванию сферы своего влияния в Абиссинии. Согласно этому договору, Англия получает Голубой Нил, а Италия — всю нагорную Абиссинию. Этот же договор размежевывает границы между британским и итальянским Сомали, к захвату которого Италия приступила в конце 80-х годов.

На эту новую сделку между империалистами Италии и Англии негус ответил расторгжением Учаллийского договора 1889 года.

В ответ Италия вновь начала военные действия против Абиссинии. В

1895 г. итальянцы овладевают городом Адуа, а затем и целой провинцией Тигре (на эту провинцию фашисты особенно претендуют в сегодняшней войне). Однако в начале марта 1896 г. в том же городе Адуа, который итальянские империалисты захватили теперь в свои руки и громят из мести, негус Менелик II наголову разбил двадцатитысячную итальянскую армию, находившуюся под командованием генерала Баратьеры. Этот провал новой колониальной авантюры правительства Криспи, стоивший итальянскому народу тысяч человеческих жертв, вызвал взрыв возмущения народных масс. Правительство Криспи вынуждено было подать в отставку.

26 мая 1896 г. был заключен итало-абиссинский договор, по которому Италия признавала независимость Абиссинии и обязывалась уплатить ей 10 млн. лир за содержание итальянских пленных.

В этот же период Италия вмешивается в греко-турецкую войну 1896—1897 годов. Вместе с другими европейскими державами она блокирует своим флотом остров Крит и расстреливает восставших против абсолютистского порядка Османской империи.

Участие Италии в греко-турецкой войне было, так сказать, «вступлением» к триполитанской войне, которая должна была покончить с «турецким наследством» на африканском побережье Средиземного моря.

Триполитанская война

В феврале 1887 г. было заключено соглашение, по которому Италия заручилась поддержкой Англии в своей экспансии в Северной Африке. На первый взгляд может показаться странным, что всего через 6 лет после того, как Англия помогла Франции ударить по итальянской экспансии в Тунисе, английский кабинет обещает Италии поддержку в Триполитании и Киренаике — тоже Северной Африке и еще ближе к британской колонии Судан.

Дело заключается в том, что в этот период Англия старалась отвлечь внимание Италии в сторону Африки, чтобы ослабить притязание итальянцев

на Ближний Восток, где Англия на-мечала расширить сферу своего влия-ния. Однако итальянская буржуазия, строя свои захватнические планы в отношении Триполитании и Киренаики, совсем не предполагала, отказы-ваться от своей экспансивной полити-ки на Ближнем Востоке. Итальянцы понимали политику «дальнего прице-ла» англичан и не хотели дать себя провести.

20 февраля 1887 г., т. е. всего через 8 дней после заключения англо-итальянского соглашения, между Ита-лией и Австро-Венгрией был заключен тайный договор о «сохранении терри-ториального status quo на Востоке». Как это почти всегда бывает в дипло-матических сделках между капитали-стическими странами, подготовка ан-нексии в этом договоре делается под видом охранения существующего по-рядка вещей от нарушения его какой-либо «третьей стороной». Вот главный пункт этого договора:

«...Если в результате событий со-хранение status quo в балканских ме-стностях или на Оттоманском побе-режье и островах в Адриатике и в Эгейском море оказалось бы невоз-можным,—и если бы—в результате выступления какой-либо третьей дер-жавы... Австро-Венгрия или Италия оказались бы вынужденными заменить это status quo временной или постоян-ной с их стороны оккупацией, то оккупация эта последует лишь после предварительного соглашения между обеими названными державами (Ита-лией и Австро-Венгрией. — В. Н.), основанного на принципе взаимной компенсации за всякое территориаль-ное или иное приобретение»¹.

В этом договоре со всей четкостью намечены контуры империалистиче-ской политики итальянской буржуа-зии.

В том же, 1887 г. Италия заклю-чает договор с Испанией о «взаимной консультации по Восточному вопро-су».

Однако несмотря на приведенный нами выше договор между Италией и Австро-Венгрией о взаимной поддерж-

¹ Ключников и Сабанин «Между-народная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. 1-я, стр. 254. М. 1925.

Итало-абиссинская война 1935 г. Абиссинский сторожевой пост на южном фронте в провинции Огаден.

ке на Ближнем Востоке австро-вен-герская монархия, так же как и ан-глийская, была заинтересована в том, чтобы отвлечь внимание Италии в сто-рону Африки. Заключая тайный дого-вор с Италией, Австро-Венгрия одно-временно интриговала с Англией про-тив Италии и «надувала» свою союз-ницу. Характерна в этом отношении нота Австро-Венгрии, врученная Ан-глии 24 марта 1887 г., уже после за-ключения тайного австро-итальянско-го договора. В этой ноте подчерки-валась общность интересов Велико-британии и Австро-Венгрии на Ближ-нем Востоке и поддерживалась ан-глийская политика отвлечения внима-ния Италии в сторону Африки.

Эти австро-итальянские противоре-чия на Ближнем Востоке, породившие систему «перестраховок», обусловили непрочность Тройственного союза и, как мы увидим ниже, переход Италии на сторону Антанты.

Уже к началу XX в. франко-италь-янские противоречия ослабли. Фран-ция укрепилась в Марокко и Тунисе, Италия же более не претендовала на эти колонии, имея в виду захват Три-политании и Киренаики. Для осуще-ствления этого Италия должна была

добиться хотя бы сочувственного нейтралитета Франции. Кроме того Италия надеялась на поддержку Франции на Ближнем Востоке, где Италия имела против себя и Англию, и Германию, и Австро-Венгрию.

На этой почве произошло франко-итальянское сближение, формальным выражением которого явилось тайное соглашение о разделе сферы влияния в Северной Африке, заключенное между Францией и Италией в Риме 16 декабря 1900 года. В этом соглашении Италия признает сферой французского влияния Марокко, а Франция признает сферой итальянского влияния Триполитанию и Киренаику.

В сближении обеих стран Франция была заинтересована не меньше чем Италия, так как она искала союзников в войне против Германии, которая раньше или позже должна была вспыхнуть.

В 1902 г. между Италией и Францией — на этот раз по инициативе последней — было заключено новое соглашение о нейтралитете обеих стран в случае войны с третьей державой из-за Марокко и Триполитании.

Важно отметить, что Италия стремилась подчеркнуть искренность своего сближения с Францией (также и с Англией), лавируя все время между Союзом и странами, вошедшими впоследствии в Антанту, и подготавливая этим шаг за шагом свой переход в лагерь последней. В связи с возобновлением Тройственного союза в 1902 г. итальянский посол в Париже Торнелли 4 июня вручает французскому министру иностранных дел Делькассе секретную декларацию, в которой указывалось, что со стороны Италии «в возобновлении Тройственного союза нет ничего прямо или косвенно враждебного Франции» и что в союзном договоре нет «никакого постановления, угрожающего безопасности и спокойствию Франции».

Необходимо также отметить, что ослаблению австро-итальянской «дружбы» способствовал не только антагонизм, существующий между Италией и Австро-Венгрией в их экспансии на Балканах, но и антиавстрийское ирре-

дентистское движение, вновь возродившееся в начале XX в. и приобретавшее теперь значительное количество сторонников среди правящего лагеря буржуазии, стремившегося использовать национальное движение для завоевания колоний.

Тем временем сближение Италии с Францией настолько усилилось, что это позволило президенту французской республики Лубэ в 1903 г. приехать с визитом в Рим, где он был встречен с королевскими почестями.

Приблизительно к этому же периоду относится заключение сделки между тремя империалистическими хищниками: Англией, Италией и Францией — о разделе сферы влияния в Абиссинии. По инициативе Италии в Лондоне в 1906 г. была созвана конференция этих трех держав, на которой был решен вопрос о разделе сферы влияния в Абиссинии. По этому договору Англия и Италия признают за Францией исключительное право на получение концессии на постройку и эксплуатацию железной дороги из Аддис-Абебы в Джибути, к чему Франция приступила еще в 1898 г., а зоной французского влияния признаются районы, прилегающие к этой дороге. За Англией закрепляется ее влияние в районе озера Тана (регулирование притоков Нила); к тому же она получает руководство и контроль финансами Абиссинии. А Италии достаются почта и телеграф и концессия на постройку железной дороги из Эритреи в итальянское Сомали, к западу от Аддис-Абебы, т. е. линию, перерезывающую всю Абиссинию с севера на юг.

Но Абиссиния не признала этот договор. Особо подозрительно она относилась к алчным притязаниям Италии и не допустила постройки железной дороги из Эритреи в итальянское Сомали, что означало бы полное подчинение Абиссинии итальянскому империализму.

Вновь потерпев неудачу в своих планах захвата Абиссинии, итальянская буржуазия возвращается к облюбованному ею Триполитании и Киренаике.

Поводом для новой завоевательной кампании послужила аннексия Боснии

и Герцеговины в 1908 г. австрийским императором Францем-Иосифом.

Итальянская буржуазия решила выступить в роли «защитника» «бедных славян» от австрийской агрессии. По всей стране началась разнузданная шовинистическая агитация с требованием «компенсации». Создалась даже парламентская оппозиция, требовавшая решительных действий со стороны правительства.

В ответ на эту шумную кампанию «компенсации» австрийская дипломатия кивнула Италии на Триполитанию и Киренаику. Чтобы отвлечь внимание Италии от Балканского полуострова, Австро-Венгрия уже давно подталкивала Италию на войну за завоевание этих стран. Так например еще в 1902 г. (30 июня) австрийский посол в Риме вручил итальянскому правительству секретную ноту, в которой указывалось, что австро-венгерское правительство «решило не предпринимать ничего такого, что могло бы помешать выступлению Италии в Триполитании и Киренаике»¹.

Таким образом, теперь Италия заручилась поддержкой не только со стороны Англии и Франции, но и со стороны Австро-Венгрии. Германия также благожелательно отнеслась к этому делу. Оставалось договориться только с Россией. 24 октября 1909 г. был произведен обмен нотами между Извольским и Титтони — министрами иностранных дел России и Италии — и достигнуто соглашение, по которому Италия обязуется относиться благожелательно «к русским интересам в вопросе о проливах», Россия же будет относиться благосклонно «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике».

Итальянская буржуазия теперь тщательно готовилась к триполитанской войне (подготовка велась почти десять лет), памятуя абиссинскую авантюру 1896 г., кончившуюся для нее таким позором.

Кроме удовлетворения алчных аппетитов буржуазии правительство Джиолитти преследовало этой войной еще

¹ Ключников и Сабанин «Международные отношения новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. 1-я, стр. 304. М. 1925.

одну цель: преодоление внутреннего политического кризиса, всколыхнувшего широкие народные массы Италии. Массовые стачки рабочих в 1907 — 1911 гг., недовольство разоряемой мелкой буржуазии и безработной интеллигенции, сильные движения крестьян, стихийно поднимающихся на восстания, — все это предшествовало триполитанской войне. И Джиолитти, этот представитель монополистических капиталистов, объединенных вокруг «Banca romana», надеялся все это прекратить при помощи удачной колониальной экспедиции. Шовинистический угар, охвативший мелкобуржуазные массы после аннексии Боснии и Герцеговины, был ловко использован для усиления милитаризма.

«Сильную политику Италия сможет вести лишь тогда, когда она будет иметь сильную армию», — вопил Джиолитти в ответ на требования решительных действий со стороны правительства против австрийской агрессии на Балканах. Именно с этого периода начинается активизация колониальной политики Италии, вступившей уже в фазис империалистического развития. Для завоевания рынков сырья, сбыта и приложения капитала итальянская буржуазия готова теперь пойти на любую авантюру и с любой коалицией.

Необходимо отметить, что во время подготовки к триполитанской войне итальянское правительство своими демагогическими махинациями сумело привлечь на свою сторону даже некоторые группы рабочих. Так например правительство сдавало заказы на военные поставки некоторым рабочим кооперативам и этим добивалось их поддержки войны.

Описывая Триполитанию как «землю обетованную» с широкой ареной для рабочей эмиграции и обещая там рабочим «золотые горы», итальянская буржуазия пыталась также втянуть в триполитанскую кампанию и безработных.

Здесь в помощь правительству в его идеологической подготовке войны пришла националистическая партия, организованная осенью 1909 года. Одним из главных пунктов программы этой

партии, именованной Национальной ассоциацией, был пункт об укреплении старых и завоевании новых колоний. Вождь итальянских националистов Коррадини объявлял Италию «бедной нацией», которая не может существовать без колоний.

Таким образом, когда все уже было готово к войне — и с военно-технической стороны и с идеологической, — итальянское правительство предъявило турецкому султану ультиматум с протестом против «противодействия турецкими властями экономической деятельности итальянцев в Триполитании и Киренаике».

После отказа Турции выполнить ультиматум о признании итальянской оккупации Триполитании и Киренаики Италия объявила Турции войну (27 сентября 1911 года).

Перевес в силах и тщательная подготовка к войне сразу дали преимущества итальянцам. Триполитания и Киренаика были захвачены. Кроме того Италия захватила у Турции группу островов в Эгейском море, так называемый Додеканез (13 островов с островом Родосом во главе). Однако мир Турция подписала (в Лозанне—Уш) лишь после того, как началась первая балканская война (в декабре 1912 года) и когда она должна была оттянуть свои войска на этот новый фронт¹.

Победу в триполитанской войне итальянская буржуазия считала первым триумфом своей колониальной политики. Империалистическая Италия теперь мечтала о создании в Африке крупной итальянской колониальной империи. А пока вновь захваченные Триполитания и Киренаика были объединены в единую колонию под названием Ливия.

Сразу же после захвата Ливии между Италией и Францией было заключено в Париже соглашение, по которому Франция обязалась «не учинять Италии препятствий в Ливии при осуществлении всех тех мероприятий, которые она сочтет уместными».

¹ Права Италии на Триполитанию, Киренаику и Додеканез Турция формально признала лишь на Лозаннской конференции в 1923 году.

Следующим этапом колониальной экспансии Италии было участие ее в мировой империалистической войне. Мы уже указали, что Италия давно начала приближаться к Антанте. Но вместе с тем она также не порывала и с Тройственным союзом.

Однако к началу войны 1914 г. позиция Италии уже вырисовывалась более четко, хотя она все еще продолжала вести торг с обеими коалициями. Можно было видеть, что на стороне Тройственного союза Италия воевать не будет и что она во всяком случае сохранит сочувственный нейтралитет по отношению к Антанте. А когда началась война и Италия заявила о своей «нейтральности», то одной этой нейтральностью она поставила себя в положение войны с Австро-Венгрией. Свои переговоры с Австро-Венгрией уже после начала войны Италия использовала лишь для того, чтобы выиграть время в подготовке к вступлению в войну.

Решающим фактором в определении позиции Италии в этой войне было то, что в Африке — вначале, при помощи Англии, затем, при помощи Франции — итальянская буржуазия, жаждавшая рынка сбыта и сырья, более или менее уже удовлетворила свои аппетиты, в то время как на Балканах — в Адриатике — она еще ничего не получила и здесь главным препятствием итальянской экспансии была Австро-Венгрия.

«Простой переход провинций, завоевания которых мы ищем, — писал Альберти, известный итальянский публицист, — увеличит национальное богатство Италии на несколько миллиардов. Один Триест дает 100 млн. крон чистой ренты в год. Около Фиуме имеются каменоломни и рудоносные жилы. Вместе с Фиуме Италия приобретает не менее одного с половиной миллиарда капитала. Далмация — это настоящая страна будущего, стоит только обратить внимание на ее богатство текучими водами. Трентин когда-то считался европейской Калифорнией. Около Трента находится гора Арджентарио, стоимость которой не ниже 3 млрд. крон. И это еще не все.

Италия уже владеет Генуей и Венецией. Овладев также Триестом и Фиуме, она делается госпожой ввоза и вывоза в Швейцарии, Югозападной Германии и Венгрии. Простой угрозой заткнуть выход через наши порты для государств этого типа — заставит их принять какой угодно торговый договор с нашей стороны»¹.

Из этих откровенных рассуждений Альберти ясно, что Италия, желающая поживиться за счет Австро-Венгрии и Германии, не может воевать на стороне этих своих «союзников».

Вторым, очень значительным фактором вмешательства Италии в войну было желание итальянской буржуазии, так же как и буржуазии других стран, войной удушить революционное движение. Накануне войны, в июне—июле 1914 г., в Италии происходят грандиозные демонстрации и массовые политические стачки, вылившиеся в ряде городов в восстания (Парма, Мантуя, Равенна и др.). В некоторых местностях дело дошло до захвата власти рабочими.

Единственный выход из этого политического кризиса итальянская буржуазия видела в войне.

Однако если Италия до мая 1915 г. оставалась нейтральной, то это лишь потому, что она еще окончательно не сторговалась с Антантой о цене своего участия в войне. Это было достигнуто 26 апреля 1915 г. лондонским пактом, подписанным итальянским послом в Лондоне и империалистическими державами Антанты².

В этом пакте Англия и Франция в случае победы над Германией и Австро-Венгрией соглашались на условия Италии об «исправлении» ее европейской границы (Южный Тироль, Триест, Фиуме и др.), границ в Африке (в смысле создания единой колониальной империи) и удовлетворении ее интересов в Адриатике.

¹ Цит. по книге А. Луначарского «Италия и война», стр. 87—88. 1917.

² Германские фашисты мечтают пром и молнии против Италии, указывая, что она никогда не была верной Тройственному союзу, и называют ее «предателем», «интервентом» и тому подобными эпитетами. См. брошюру W. Petzold «Italiens Eitritt in den Weltkrieg» (Leipzig. 1934), автору которой за брань Италии присуждена докторская степень.

Вскоре после подписания пакта, 24 мая 1915 г., Италия объявила Австро-Венгрии войну.

Анализируя развитие Италии в своей статье «Империализм и социализм в Италии», Ленин писал по вопросу об ее вступлении в войну:

«...Италия—революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, стврательно реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»³.

Нечего и говорить, что империалистическая война 1914—1918 гг. не оправдала надежд итальянской буржуазии. Версальским (и Сен-Жерменским) договором итальянская буржуазия осталась недовольна. Надежда нажить за счет германских колоний в Африке осталась обманутой. Не были «исправлены» границы и старых итальянских колоний в Африке; мечта итальянской буржуазии о создании колониальной империи с крупным рынком сырья и сбыта осталась неосуществленной. Присоединение же к Италии некоторых городов и областей развалившейся «лоскутной» Австро-Венгерской империи (Южный Тироль, Триест, Истрия, Фиуме и др.) не могло удовлетворить алчные аппетиты итальянской буржуазии, так как эти области, собственно говоря, никакого рынка собой не представляют и имеют для Италии лишь «символическое» значение⁴.

По окончании империалистической войны итальянская буржуазия вместо получения новых колоний очутилась перед невиданным еще экономическим и политическим кризисом. Итальянский пролетариат и народные массы

³ Ленин. Т. XVIII, стр. 289—290.

⁴ Важно отметить, что этим присоединением не был разрешен и национальный вопрос, так как в присоединенных областях проживает много немцев, а также значительное количество представителей славянских национальностей. Итальянскому фашизму приходится непрерывно вести войну, чтобы усмирять недовольные национальные меньшинства этих областей.

Италии, следуя примеру русского пролетариата, установившего свою диктатуру, видели единственный выход из нищеты, голода и вырождения в свержении буржуазии и захвате власти в свои руки. Это движение, начавшееся сразу после окончания войны, достигло своего кульминационного пункта в 1920 г., когда фабричные комитеты рабочих и «красные лиги» крестьян начинают захватывать власть в городах и деревнях Италии. Для удушения этого движения буржуазия создает фашистские банды, убивающие тысячи рабочих и крестьян. А в октябре 1922 г. буржуазия вручает власть главарю этих банд Муссолини и этим устанавливает свою кровавую, фашистскую диктатуру.

Важно отметить, что как германский фашизм крался к власти под лозунгом борьбы с версальской системой, так и итальянский фашизм при приходе к власти одним из своих лозунгов выставлял лозунг изменения «несправедливого» (по отношению к Италии) Версальского договора.

Колониальная политика итальянского фашизма

С установлением фашистской диктатуры начинается новый период колониальной политики империалистической Италии. Итальянская буржуазия, претерпевшая в 1919—1922 гг. невиданный еще политический кризис, стала теперь смотреть на завоевание колоний как на главное средство к удержанию своей диктатуры. После прихода фашистов к власти не было ни одного года, чтобы Италия не вела войны с народами своих колоний, не предпринимала ту или иную авантюру, не участвовала в той или иной сделке по завоеванию или разделу колоний.

Как и до войны колониальную экспансию фашистская Италия предпринимает главным образом в Африке и на Балканах.

Сразу после прихода к власти, в 1922 г., фашистское правительство Италии вынуждено было снарядить экспедицию в свою старую колонию Ливию для усмирения восставших туземцев. Восставшие массы еще во время мировой войны вынудили итальянское

правительство очистить от своих войск Триполитанию (за исключением портов Триполи и Хомса). Когда итальянские фашисты в 1922 г. снова предприняли завоевание Триполитании, они встретили упорное и часто успешное сопротивление туземцев. С 1927 г. военные операции Италии в Триполитании приняли регулярный характер, и лишь к 1930 г. итальянцам удалось заново покорить себе эту страну путем физического истребления тысяч туземцев.

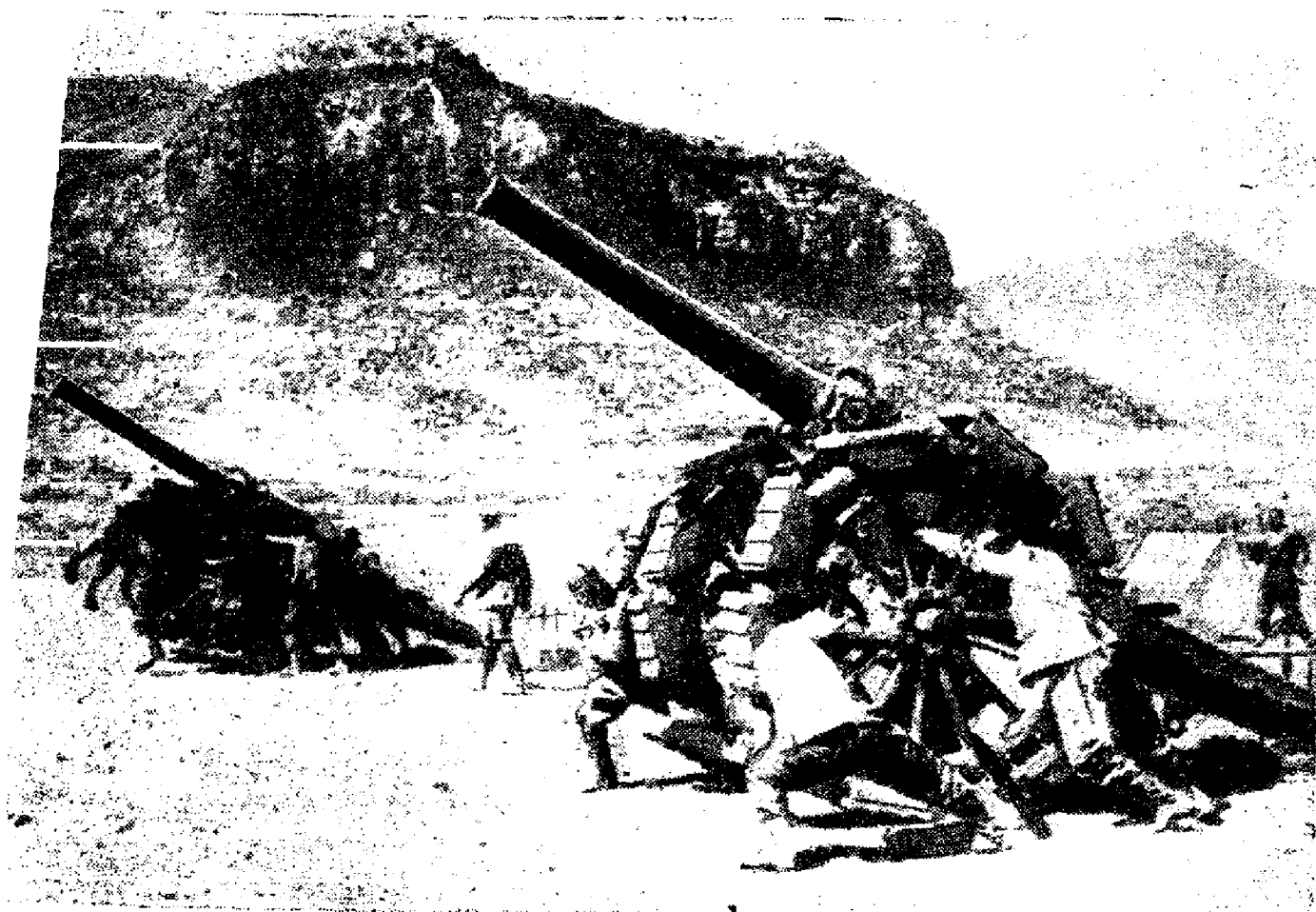
Таким же кровавым способом было покорено восстание туземцев в Сомали. Окончательно оно было ликвидировано лишь к середине 1926 г. ценой жизни тысяч колониальных рабов.

Но итальянский фашизм, не ограничиваясь покорением старых колоний, вел все новые грабительские войны. В 1923 г. Италия предпринимает авантюру на острове Корфу (Средиземное море), принадлежащем Греции. Но благодаря сильному противодействию Англии, не желавшей укрепления Италии в Средиземном море, это предприятие окончилось для итальянцев провалом.

Италия не отказалась и от Балкан. В послевоенный период здесь у нее главным противником выступает Франция, под гегемонией которой находятся Малая и Балканская Антанты. Но несмотря на все сопротивления Франции Италии удается путем неоднократных «внутренних переворотов» в Албании и заключения ряда договоров с ней в 1925—1927 гг. подчинить себе эту страну. Создание в 1931 г. так называемой смешанной итало-албанской «экономической комиссии» означает уничтожение последних остатков независимости Албании.

Такую же борьбу Италия ведет за подчинение себе Греции, непрерывно подготавливая в ней такие же «внутренние перевороты». Итальянский фашизм старается привлечь на свою сторону Румынию, санкционируя захват ею Бессарабии и подстрекая ее к захвату территорий, принадлежащих Греции.

Но главной заботой итальянского империализма является объединение всех своих африканских колоний—создание крупной колониальной импе-

Итало-абиссинская война 1935 г. Итальянские тяжелые орудия на северном фронте, южнее Макале.

рии. По этому вопросу Италии приходится выдержать борьбу двух сильных соперников—Англии и Франции. Борьба эта глухо велась уже в 1923 г., когда все эти страны по-разному голосовали по вопросу о приеме Абиссинии в Лигу наций. Италия возражала против приема, так как... в Абиссинии существует рабство (как будто в итальянских колониях: Ливии, Сомали и Эритрее—не существует рабство, не существуют самые варварские формы труда!). Но все же Абиссиния была принята в Лигу наций.

Тогда Италия делает новую попытку договориться с Англией—за спиной абиссинского народа—о разделе сфер влияния в этой стране. В 1925 г. между Италией и Англией было заключено соглашение, по которому Англия должна была получить концессию на возведение плотины на озере Тана и на постройку автомобильной дороги, соединяющей это озеро с Суданом; Италия же, согласно этому договору, должна получить концессию на постройку железной дороги, которая соединила бы итальянское Сомали с Эритреей и проходила бы через центр Абиссинии. Таким образом,

Италия снова добивалась того, что она хотела получить своим договором с Францией и Англией еще в 1906 г. Но благодаря борьбе народных масс Абиссинии и на этот раз сделка между империалистическими хищниками осталась лишь на бумаге. Абиссиния разоблачила эту сделку Англии и Италии и заявила протест по этому поводу Лиге наций. Франция, против которой этот договор в значительной степени был направлен и которая в то время была главным колониальным соперником Италии, поддержала Абиссинию, и сделка между Англией и Италией не была проведена в жизнь.

Однако в августе 1930 г. империалистические хищники делают новую попытку подчинить себе Абиссинию. На этот раз к Италии и Англии присоединилась Франция. Абиссинии был навязан договор, поставивший под контроль империалистических держав ее вооружение. Согласно этому договору, негус обязывался ежегодно сообщать Италии, Франции и Англии сумму военных ассигнований Абиссинии, причем создавать тяжелую артиллерию Абиссинии вовсе запрещалось. Этим неравномерным договором импе-

риалистические хищники отняли у абиссинского народа возможность самозащиты от их агрессии.

После фашистского переворота в Германии в 1933 г. во взаимоотношениях Италии и Франции происходит перелом в сторону сближения. Франции нужны были союзники против планов реванша, лелеемых фашистской Германией. Угроза «аншлюса» — присоединения Австрии к Германии — направлена также против интересов итальянского империализма. Присоединение Австрии к Германии означало бы установление преграды против распространения итальянской экспансии в Дунайские страны.

Сближение Франции с Италией было оформлено франко-итальянским пактом, подписанным в Риме 7 января 1935 года. По этому соглашению за обязательство Италии поддержать Францию против натиска Германии в Центральной Европе Франция уступила Италии малозначащую в экономическом отношении полосу на границе Ливии, небольшой клочок земли французского Сомали и 20% акций железной дороги Аддис-Абеба — Джибути. Фашистская Италия рассматривала также соглашение 7 января как молчаливую поддержку Францией итальянской экспансии в Абиссинии.

Именно после этого соглашения особенно обострились отношения Италии с Англией. Английский империализм не хочет иметь в соседстве со своими колониями крупную итальянскую колониальную империю, что могло бы осуществиться при захвате Италией Абиссинии. И как только английские империалисты почувствовали военные приготовления Италии, немедленно началась военная подготовка Англии. В дальнейшем своем развитии итало-абиссинский конфликт перестал быть делом Италии и Абиссинии и превратился в борьбу между империалистическими Италией и Англией за господство в Восточной Африке.

Римское соглашение произошло уже после того, как Италия непосредственно начала готовиться к войне с Абиссинией. А подготовка эта началась уже в 1933 году. Поездка итальянского короля Виктора-Эммануила и министра колоний де-Боно в 1933 и в

1934 гг. в Эритрею и Сомали была не что иное, как смотр вооруженных сил Италии в подготовке к войне. И сейчас же после последней поездки короля в ноябре 1934 г. «пограничные инциденты» на границе Абиссинии и итальянского Сомали, начавшиеся еще гораздо раньше, приняли угрожающий характер. Инициатором «инцидента» у пограничного пункта Уалуале, оказавшегося роковым в развитии итало-абиссинских отношений, как и всегда явились итальянские колонизаторы. 5 декабря итальянские пограничники, «заблудившись»¹, перешли из итальянского Сомали на абиссинскую территорию и ни с того ни с сего напали на абиссинский пограничный отряд. В итоге в этом «инциденте» с итальянской стороны участвовали эскадрилья самолетов и танки; абиссинцы потеряли более 100 человек убитыми. А когда Абиссиния заявила протест, итальянские самолеты через пару дней вновь бомбардировали абиссинские пограничные пункты.

Военные приготовления Италии, начавшиеся еще в конце 1934 г., с начала 1935 г. приняли грандиозный размах. В Сомали и Эритрее, граничащих с Абиссинией, Италия приступила к сооружению шоссейных дорог, казарм, мостов, колодцев и т. д. В начале февраля были мобилизованы две дивизии и отправлены в Восточную Африку. Началась лихорадочная отправка снаряжений в колонии, а в самой Италии закипела работа военной промышленности. В итоге своих военных приготовлений Италия к 1 октября 1935 г. сосредоточила в Восточной Африке следующие вооруженные силы: 7 регулярных дивизий, 6 дивизий чернорубашечников, 7 отдельных батальонов чернорубашечников и 2 корпуса туземных войск. Численность всех этих войск достигает 400 тыс. человек. Авиационные силы Италии, сосредоточенные в Восточной Африке, исчисляются в 500 самолетов всех типов. Военно-морские силы Италии в Красном море, находящиеся под командованием адмирала Бароне, со-

¹ Так же, как и японские поджигатели войны, которым часто случается «заблудиться» на советско-маньчжурской границе.

Итало-абиссинская война 1935 г. Пулеметчики обстреливают итальянские самолеты в момент воздушного нападения на абиссинский лагерь в провинции Огаден.

стоят из 5 эсминцев, 4 крейсеров и 8 подводных лодок. Ввиду возможной войны между Англией и Италией главные военно-морские силы Италии сосредоточены в Средиземном море (135 единиц всех видов военного флота).

Эти военные приготовления потребовали огромного увеличения государственных расходов. Уже до 1 сентября 1935 г. подготовка Италии к войне обошлась в 2 млрд. лир, а в начале октября было ассигновано еще 2 млрд. лир на «военные нужды». Для покрытия этих колоссальных расходов итальянское правительство вынуждено было выпустить новые государственные займы, причем не указывается даже сумма выпуска.

Итальянский фашизм приступил к военизации всего населения. Во всех городах Италии создано множество «гражданских военных» школ, где насильно втянутые итальянские граждане обоего пола вынуждены обучаться всем «правилам» колониальной войны. Кроме того допризывной подготовкой военнообязанных охвачено около 650 тыс. человек.

Одновременно с военно-технической подготовкой происходила и идеологическая подготовка. Итальянские фашисты «возмущаются» существованием в Абиссинии рабства, а их «дуче» Муссолини провозглашает, что Италия несет абиссинцам «духовное освобождение», что итальянцы отправляются в Абиссинию для «творческого сотрудничества» с абиссинским народом, и т. д.

Одновременно фашисты вопят, что Италия лишь «обороняется» от агрессии Абиссинии в Эритрее и Сомали.

Война Италии против Абиссинии показывает не только зверское, грабительское лицо итальянского империализма: она также показывает и слабость фашистского режима, который итальянские капиталисты хотят спасти войной.

«Конфликт с Абиссинией, — говорит тов. Эрколи, — является также последним этапом эволюции националистической и шовинистической демагогии фашизма, итогом так называемых народных кампаний, с помощью которых фашизм старался обмануть мас-

сы. При каждом затруднении, при каждом ухудшении положения страны фашизм развертывал демагогические кампании... Война является последней мудростью любого фашистского режима»¹.

Несмотря на сосредоточение столь крупных военных сил в Восточной Африке итальянские войска пока еще не одержали решительных побед. Абиссинский народ героически борется с фашистскими разбойниками. И только решительное сопротивление против колонизаторов приведет абиссинский народ к освобождению и от своих «домашних» угнетателей и от всех видов рабства.

Трудящиеся массы Италии не поддерживают эту грабительскую войну итальянского империализма. Они на стороне абиссинского народа. Во многих городах Италии были попытки устроить антивоенные демонстрации; известны случаи дезертирства солдат, которые при переходе границы скрывались в пограничных с Италией странах; начались революционные выступления итальянских солдат на полях битв в Восточной Африке. Фашистские палачи на это ответили расстрелами революционных солдат. Но героическая коммунистическая партия Италии—на своем посту. Она призывает итальянский народ раз навсегда покончить с варварским фашистским режимом, чтобы избавиться от войн, истребления и эксплуатации.

Война итальянского империализма в Абиссинии разбудила не только

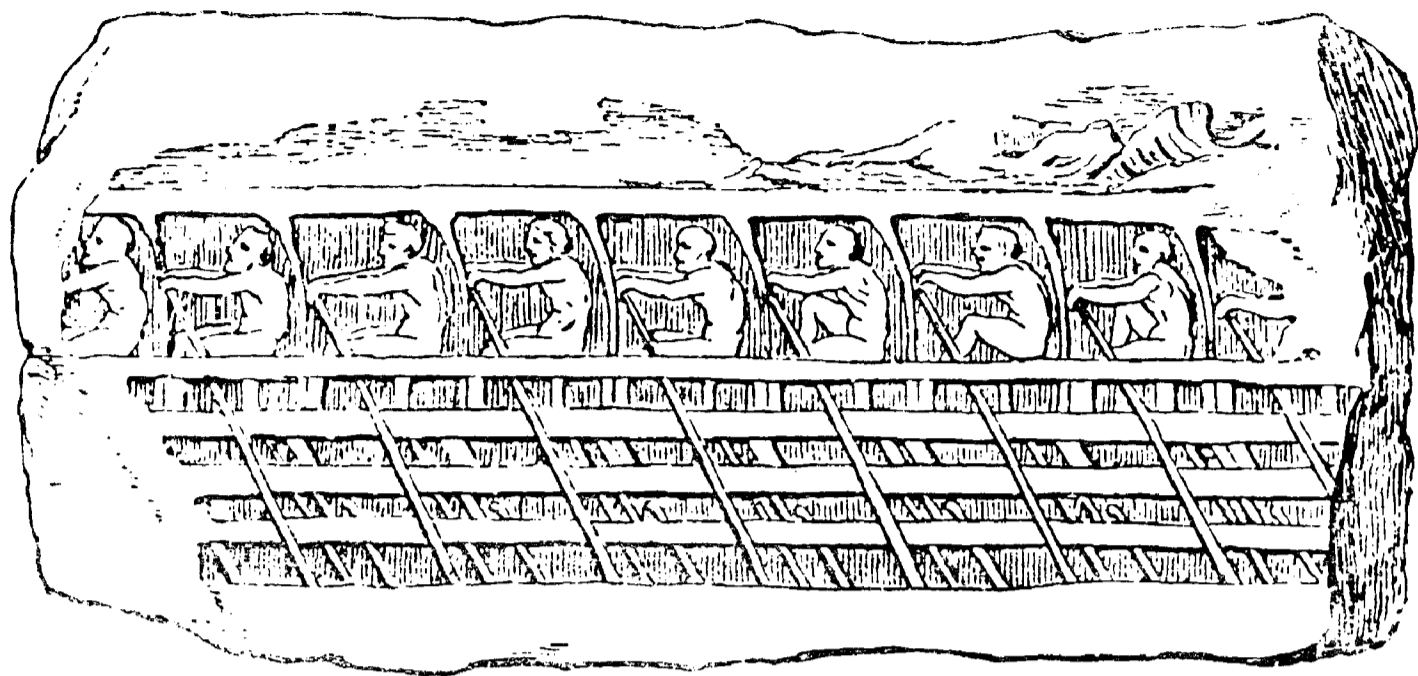
абиссинский народ. Начинается пробуждение негритянских народов других стран Африки (Тунис, Судан, Кения и др.), и это пробуждение будет нарастать. Буржуазия всего мира в тревоге, опасаясь войны всех народов Африки против империалистических колонизаторов. И именно последнее обстоятельство снова побуждает империалистические Италию и Англию договориться между собой о «мире» за счет абиссинского народа. Франция, в интересах которой сохранить установившееся положение в Восточной Африке и главным образом в Европе, выступает здесь в роли посредника.

Но как бы ни кончилась итало-абиссинская война, можно с уверенностью сказать, что она пошатнет господство империалистических держав на Африканском материке и поднимет колониальные народы на новую, высшую ступень в борьбе за свое освобождение.

Политика СССР в итало-абиссинской войне четко сформулирована тов. Литвиновым в его выступлении на пленуме Лиги наций 14 сентября 1935 года. «Советское правительство, — заявил тов. Литвинов, — относится принципиально отрицательно к системе колоний, к политике сфер влияния, к мандатам и ко всему тому, что имеет отношение к империалистическим целям»². Советский союз, руководимый своим мудрым вождем товарищем Сталиным, неизменно стоит на страже мира и приложит все усилия, чтобы не дать итало-абиссинской войне разгореться в новую мировую империалистическую бойню.

² «Правда» от 15 сентября 1935 года.

¹ Эрколи «О задачах Коммунистического интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны», стр. 40. Партиздат. 1935.

С. Сингалевич

ДВИЖЕНИЕ РАБОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1

Характеризуя античное рабство, основоположники марксизма-ленинизма вскрывали не только экономическую природу последнего, но и его социальную сущность, устанавливая, что античное рабство—средство классового угнетения основных производительных классов античного мира. «В азиатской и классической древности,— писал Энгельс,— преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько экспроприация их личностей»¹.

«Античное государство,— писал он в другом месте,— было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов»². Основным антагонизмом античного мира был антагонизм рабов и рабовладельцев, который в процессе его развития становился антагонизмом между рабами и

свободными. В греческих общинах этот антагонизм рос параллельно со-сту рабства, параллельно все увеличивающейся эксплуатации рабского труда. Наличие его в Афинах в VI—V вв. достаточно ясно констатировал Энгельс: «Противоположность классов, лежавшая теперь в основе общественных и политических учреждений, проходила уже не между благородными и простым народом, а между рабами и свободными, между неполноправными и гражданами»³.

Развитие этого основного антагонизма проявлялось в различных формах классовой борьбы между рабами и рабовладельцами — борьбы особенно острой в V и последующих веках. В этой борьбе уже были черты, характеризовавшие ее как протест против рабовладельческой системы, но в Греции они проявлялись довольно слабо. Борьба здесь велась неорганизованно и в большинстве случаев носила характер отдельных вспышек: убийство рабовладельца, поджог его имущества, поломка инструментов и пр.

¹ Энгельс «Положение рабочего класса в Англии, стр. 48. Госиздат. 1928.

² Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 202. Партиздат. Москва. 1933.

* Вверху на фото: внутренность греческой триеры (аттический рельеф).

³ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 144. Партиздат. Москва. 1933.

Коллективные выступления рабов, массовая организованная борьба еще не получили в Греции широкого размаха.

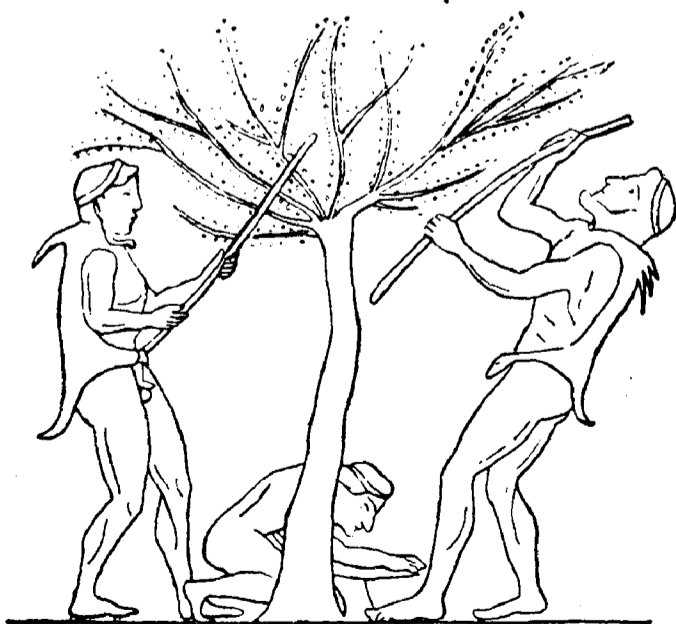
Одной из форм протеста рабов против гнета эксплуатации являлись довольно частые побеги рабов. Рабы убегали от своих господ в одиночку и целыми группами. Чаще всего побеги рабов происходили во время войн. Не только потому, что война, вносящая известную дезорганизацию во внутреннюю жизнь страны, облегчала побег, но и потому, что война создавала большую угрозу судьбе рабов: если враги брали какой-нибудь город, то, как правило, они в первую очередь расправлялись с рабами, защищавшими его; если рабы не принимали участия в военных действиях, их продавали как добычу; если осада города затягивалась и не хватало продовольствия, рабов убивали как лишних едоков. Вот почему войны в Греции обычно сопровождались побегами рабов. Это было настолько обычным явлением, что воюющие стороны, например афиняне и спартанцы во время перемирия в Пелопоннесскую войну (423 г.), включили в договор специальную оговорку, которая обязывала стороны не принимать бежавших во время войны рабов¹. Но несмотря на это позже, в ходе Пелопоннесской войны, побеги рабов совершались неоднократно. Так, Никий жаловался, что в 414 г. с кораблей афинского флота, действовавшего у Сиракуз, сбежали рабы-гребцы, лишив флот возможности продолжать военные дей-

ствия². В 413 г., во время разгрома афинской армии при Декалее, «вся территория была отнята у афинян, более двадцати тысяч рабов перебежало к неприятелю, в том числе многие ремесленники»³, что было тяжелым ударом для афинской промышленности, требовавшей в условиях войны напряженной работы. Фукидид сообщает еще об одном факте побега рабов в ту же, Пелопоннесскую войну: в 412 г., когда Хиос перешел в руки афинян, рабы, подвергавшиеся жестоким притеснениям, перешли на сторону афинян и дали им ряд сведений о местности, в которой велась война, «причинив хиосцам величайший вред»⁴.

Побеги рабов происходили и в мирное время и вызывали конфликты между отдельными греческими государствами. Так, в 433—432 гг. конфликт между афинянами и мегарянами, возникший из-за того, что мегаряне дали приют у себя беглым афинским рабам, был одним из поводов к Пелопоннесской войне⁵.

Одна из надписей начала III в. рассказывает о том, что рабы острова Иос пытались бежать и спрятались на стоящем у берегов беспалубном судне, но были обнаружены. Командир судна Зенон, который в это время являлся руководителем союза Кикладских островов, куда входил остров Иос, собрал начальников кораблей, так называемых триерархов, разобрал этот инцидент и беглых рабов вернул обратно. За это «совет и народ постановили благодарить Зенона»⁶.

Известны случаи, когда рабы убегали и скрывались, похитив у господ имущество. Один из документов эллинистического Египта (III в.) сообщает о побеге раба-повара, который захватил с собой 80 медных драхм, данных ему на покупку корма для лошадей; раб скрывался в лагере каппадокийских солдат, и хозяин раба организовал розыски его⁷. Об аналогичных

Сбор оливок. С рисунка на греческой вазе.

¹ Фукидид. Кн. IV. Гл. 118, 7.

² Там же. Кн. VII. Гл. 13, 2.

³ Там же. Гл. 27.

⁴ Там же. Кн. VIII. Гл. 40, 2.

⁵ Там же. Кн. I. Гл. 139, 2.

⁶ Античный способ производства в источниках (АСПИ), № 69. Издание ГАИМК. Лгд. 1933.

⁷ АСПИ, № 71.

фактах рассказывает другой документ эллинистического Египта (II в.): некий раб Гермон, принадлежавший алабандскому послу в Александрии, «сбежал с монетами чеканного золота в три мины и с 10 жемчужинами»; тут же сообщается, что вместе с Гермоном сбежал и другой раб, Бион, принадлежавший одному из придворных, Калликрату; раб «сбежал с пелеринкой, рабским плащом и женским флаконом, стоящим 6 талантов, и с 5 тысячами медных драхм»¹.

Поскольку побег рабов наносил материальный ущерб рабовладельцам и дезорганизовывал их хозяйство, рабовладельческое государство силой закона защищало и ограждало свои интересы. Так, афинское законодательство допускало в отношении беглого раба применение так называемого апагоге, состоявшего в том, что беглого раба как тяжкого преступника любой гражданин мог задержать без соблюдения каких бы то ни было формальностей и доставить на место рабства. На основании этого права организовывались розыски беглых рабов. Это активное вмешательство государства в дело защиты интересов рабовладельцев является чертой, вытекающей в первую очередь из специфических особенностей самого античного государства. Античное государство выступало на защиту интересов рабовладельцев не только потому, что оно являлось их классовой организацией, но и потому, что рабы, бывшие частной собственностью каждого отдельного рабовладельца, были также собственностью античной общины государства.

Природу античной собственности, в том числе и собственности на рабов, основоположники марксизма определяли так: «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»². Полноправные

Торгующий раб. Античная статуэтка из терракоты.

граждане античной Греции—это прежде всего община рабовладельцев; политическим выражением ее является полис (государство-город), представляющий собой коллектив рабовладельцев, совместно эксплуатирующих рабов и обнищавших свободных. В этих условиях «наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма»³.

¹ АСПИ, № 72.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 12. Партиздат. 1933.

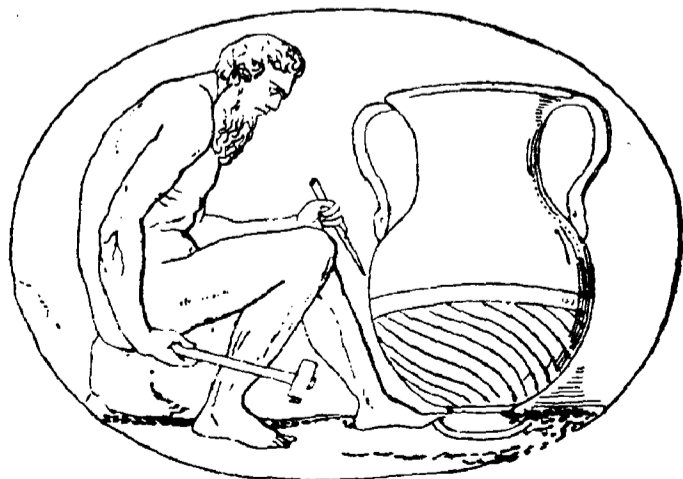
³ Там же.

Существование частной собственности, в том числе частной собственности на рабов, в рамках общинной, государственной собственности по существу обозначало, что в условиях античности интересы рабовладельцев как класса господствуют над частными интересами. Эта точка зрения очень четко сформулирована Платоном: «Вы (граждане) не принадлежите сами себе, и это имущество не принадлежит вам; все нынешнее поколение и его собственность принадлежит всей совокупности ваших предшественников и имеющих последовать поколений, а еще больше — государству»¹. И дальше Платон подчеркивает, что законодательство должно подчинять интересы каждого отдельного гражданина совокупности всех граждан, интересы которых выражает государство.

2

Рабов поставляли воины, обслуживавшие рабовладельцев. Основное назначение рабовладельческой армии в греческих государствах, в частности в Афинах, заключалось в том, что «народное войско афинской демократии являлось аристократической вооруженной силой против рабов и держало их в узде»².

Рабовладельческая община-государство, этот коллективный хозяин рабов, всегда энергично боролся против всяких попыток рабов подорвать или расшатать мощь рабовладельческого общества. И эту роль государства как силы, удерживавшей рабов в повиновении, ясно понимал Платон; именно он

Выделка вазы. Античный резной камень.

указал, что рабовладелец, обладающий значительным количеством рабов, может чувствовать себя в безопасности исключительно потому, что ему оказывает защиту государство, что, не будь этой защиты, он должен был бы жить в вечном страхе перед рабами»³.

И действительно, каждый рабовладелец в его борьбе с рабами мог рассчитывать не только на помощь со стороны других рабовладельцев, но и со стороны всего коллектива свободных граждан, со стороны общины-государства.

Поэтому заботы о розыске рабов, как правило, являлись не только делом самих рабовладельцев: к розыскам бежавших рабов привлекалась местная администрация. В розыске упоминавшихся выше рабов Гермона и Биона принимала участие греческая администрация; розыском рабов руководил местный чиновник Стратон.

Организация розыска бежавших рабов обычно была такова: рассылались письма с сообщением о бегстве раба, указывались его внешние признаки и обещалась награда тому, кто разыщет и вернет бежавшего или по крайней мере укажет его местонахождение. В письме о побеге раба Гермона сообщается, что он «родом сириец из Бамбики, 18 лет, роста среднего, безбородый, с крепкими икрами, с ямочкой на подбородке, с родинкой налево от носа и с рубцом кверху от левого угла рта, клейменный на левом запястье двумя варварскими буквами»⁴. Раба выдавало клеймо на его теле, а иногда и охватывавший шею ошейник, который почти невозможно было снять самому.

Розыски раба и возвращение его хозяину требовали от последнего известных издержек: за доставку беглого раба, как правило, полагалось уплатить вознаграждение сыщику, а также тем, кто указывал убежище раба. У Ксенофонта имеется следующий характерный диалог:

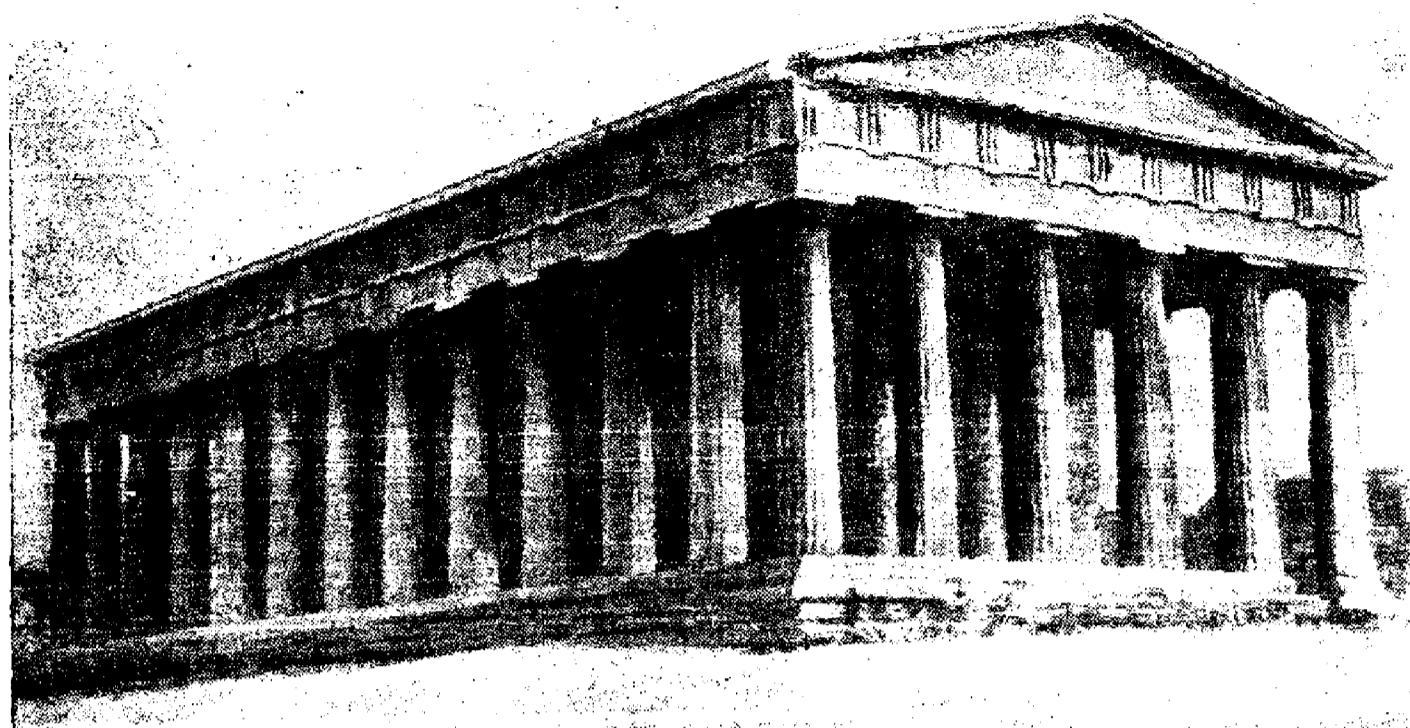
«— Скажи, Диодор, если у тебя

¹ Платон «Законы». Гл. 11, 923.

² Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 201. 1933.

³ Платон «Государство». Гл. 9, 578.

⁴ АСПИ, № 72.

Храм Тезея в Афинах.

убежит кто-нибудь из рабов, ты примешь меры к тому, чтобы его вернуть?

— И других прошу, клянусь Зевсом, объявляя о том, что выдам награду»¹.

За розыск упоминавшихся двух рабов, Гермона и Биона, рабовладельцы обещали выдать вознаграждение: «Кто его (Гермона) вернет, получит 3 медных таланта, кто покажет, что он находится в храме,—2 таланта, кто покажет, что он находится у человека платежеспособного и доступного суду,—5 талантов»². Такое же вознаграждение устанавливалось за розыск раба Биона.

В связи с тем, что практика получения вознаграждения за доставку хозяину бежавшего раба стала обычной в жизни рабовладельческого общества, появились специальные лица, которые занимались ловлей беглых рабов и этим добывали себе средства к существованию. Из донесения чиновника эллинистической эпохи (III в.) видно, что два брата, Коллохут и Заидил, задержали беглых рабов и требуют за их выдачу 100 драхм серебра³. Из дальнейшего текста этого же документа видно, что указанные лица являлись вместе с тем и работоторговцами, прак-

тиковавшими следующие приемы спекуляции рабами: Заидил продавал рабов, они убегали, а Коллохут скрывал у себя беглых рабов, чтобы в дальнейшем получить за них выкуп. Особые специалисты по ловле рабов в Греции назывались драпетогогами, т. е. приводящими беглого раба. Среди них были такие, которые смотрели на ловлю беглых рабов как на почетную обязанность, как на дело, направленное на укрепление устоев рабовладельческого строя; заслуги таких лиц отмечались особыми правительственными грамотами. Так, в Афинах в IV в. была воздвигнута на каменной стеле⁴ почетная грамота в честь некоего гражданина с острова Иоса, занимавшегося ловлей беглых афинских рабов и доставлявшего их рабовладельцам⁵. Рабовладельцы острова Иоса вынесли благодарность командиру корабля Зенону (III в.) за то, что он возвратил им пытавшихся укрыться на его корабле беглых рабов; постановление правительства об этом было вырезано тоже на каменной стеле⁶.

Беглый раб, спасавшийся от пре-

¹ Ксенофонт «Воспоминания о Сократе». Кн. II. Гл. 10, 1—2. Киев. 1883.

² АСПИ, № 72.

³ Там же.

⁴ Каменная плита-колонна, на которой в древности вырезывались постановления правительства.

⁵ «Известия ГАИМК» № 101, стр. 135—136. 1934.

⁶ АСПИ, № 69.

следований, мог найти временное пристанище в некоторых храмах, являвшихся, так сказать, условным убежищем для скрывшегося раба. Правом убежища, правом так называемой осилии, пользовались многие храмы: храм в Гортине, на Крите; храм Тезея в Афинах; храм Аполлона в Дельфах; храм в Канопе, в Нижнем Египте, и в других местах. В некоторых храмах были устроены даже специальные помещения для беглых рабов, в которых они жили, пока их оттуда не выгонял голод или пока жрец не решал судьбы беглого раба.

Храмовое убежище фактически не защищало раба от преследований. Оно и не открывало перед ним возможности освобождения от рабства. Законодательный памятник острова Крита, так называемая Гортинская правда, брал беглого раба лишь под временную защиту; он запрещал продажу раба в то время, когда он скрывался в убежище при храме, и в течение года после бегства. В других случаях раб, находивший временное пристанище в храме, не получал от храма защиты; здесь судьба раба зависела от жреца: он решал, выдать ли раба его господину или передать его другому лицу. Беглый раб, пытавшийся скрыться в храме, снова обрекался на рабскую жизнь.

Побеги рабов являлись одной из пассивных форм борьбы с рабовладельцами, показателем неорганизован-

ности рабов. Но побеги рабов в истории античной Греции сыграли важную роль в том отношении, что они внесли дезорганизацию в рабовладельческое хозяйство, а в периоды войны представляли для греческих государств серьезную политическую опасность.

Более действенной формой классовой борьбы являлись восстания рабов. Правда, в Греции они не получили такого широкого размаха, как это было в Риме во II—I веках. Восстания рабов как коллективная форма массового протеста против рабовладельческой системы хозяйства и рабовладельческого строя в Греции не развились, не поднялись до уровня римских восстаний. В чем причина этого?

Один из советских исследователей вопроса, проф. Крюгер, находил основное объяснение слабости движений рабов в Греции в особенностях греческой промышленности. Он считал, что состояние античного производства, по существу мелкого, с небольшим количеством рабов, без концентрации в предприятиях значительных масс рабов, не создавало необходимых предпосылок для развития движения рабов; с другой стороны, и для сельского хозяйства Греции не характерны крупные рабские латифундии: там господствовало мелкое землевладение¹.

Но эти соображения Крюгера резко расходятся с фактами, а стало быть, ничего не объясняют в рассматриваемом вопросе. Неверно то, что в V—IV вв. не было значительного скопления рабов в промышленности передовых государств Греции. Известно, что еще до IV в., в досолонову эпоху, рабство за долги уже получало массовый характер²; известно, что в Аттике, в рудниках Лавриона, работали тысячи рабов³; в греческих государствах были мастерские, в которых работало более сотни рабов (мастерская шитов Лисия в V в. в Афинах со 120 рабами⁴; тысячи рабов, работавших у фокейца Мнасона, и др.). Известно, что

Сапожник. С рисунка на греческой вазе.

¹ «Известия ГАИМК» № 101, стр. 122 и сл. 1934.

² Плутарх «Солон». Гл. 8, 4. СПб. 1891.

³ Ксенофонт «О доходах». Кн. IV. Гл. 14.

⁴ Лисий «Речи». Речь XII, ст. 19.

Служанка и госпожа.

С рисунка ва греческой вазе.

в Пелопоннесскую войну, в 413 г., 20 тысяч афинских рабов перешли на сторону Спарты¹; такое массовое явление было бы немислимо, если бы в Аттике не было большого скопления рабов.

Недостаточно убедительны рассуждения Крюгера и о том, что сравнительно сносный жизненный уровень афинских рабов определял их недостаточно активную борьбу с рабовладельцами. Утверждая это, Крюгер полностью отразил позиции буржуазной исторической науки по поводу рабства (Летурно и др.), которые, на основании одного места псевдоксенофоновой «Афинской Политии» (сочинение, приписываемое греческому писателю Ксенофону) об афинских рабах², доказывали, что в Афинах «благодаря мягкости нравов положение рабов было не особенно печально», что «гуманность афинян по отношению к своим рабам» делала вполне сносным положение рабов, и т. д.³ Общеизвестны факты жесточайшей эксплуатации рабов в аттических рудниках Лавриона, суровость

и жестокость афинских рабовладельцев в отношении к рабам; Валлон показал, что рабов заставляли работать с цепями на руках, с кандалами на ногах, часто с железным ошейником на шее. После попытки к бегству рабов клеймили раскаленным железом⁴. Известны факты жестоких пыток рабов в афинском суде и т. д.

По поводу причин неорганизованности восстаний рабов в Греции можно отметить следующее: антагонизм между рабами и рабовладельцами еще находился в процессе созревания, он не достиг в Греции такой высоты и такой силы, чтобы вылиться в бурную массовую борьбу рабов с рабовладельцами. Огоньки восстаний рабов вспыхивали в отдельных местах Греции начиная с V в., но они не сливались в единый пожар общего восстания рабов, как это было в Риме.

Одно из ранних восстаний рабов в Греции произошло в Аргосе в 494 году. Это восстание было связано с поражением аргосского войска в борьбе со Спартой. Спартанцы разгромили

¹ Фукидид. Кн. IV. Гл. 118, 7.

² Псевдоксенофонтова «Афинская Политика». Кн. 1, ст. 10—11.

³ Летурно «Эволюция рабства», стр. 236—238. М. 1898.

⁴ Wallon «Histoire de l'esclavage dans l'antiquité». V. 1, p. 415.

аргосцев, уничтожили не только их войско, но и массу населения (свободных граждан), и рабы воспользовались этим моментом для восстания. Это было одно из успешных восстаний рабов: они захватили город, сбросили правительство рабовладельцев, организовали свое управление. Геродот прямо говорит, что в связи с войной «Аргос обезлюдел до такой степени, что все дела поступали в ведение рабов, всем управлявших и распоряжавшихся»¹. Рабы захватили также город Тиринф. Но восстание было разгромлено.

Однако и после свержения власти рабов в Аргосе угроза движения рабов не была ликвидирована. Через некоторое время снова вспыхнуло восстание; восставшие рабы напали на господ: «...возникла между ними весьма продолжительная война, из которой лишь с трудом вышли победителями аргивяне»².

Довольно значительное движение рабов имело место в крупнейшем рабовладельческом центре античного мира — Сицилии — еще в V веке. О

большом количестве рабов в Сицилии V в. мы имеем свидетельство Диодора, который отметил значительное увеличение рабов в греческих колониях Сицилии в связи с удачной для греков греко-карфагенской войной, когда масса пленных была обращена в рабство и захвачена частными лицами. Восстания сицилийских рабов в V в. были предвестниками грандиозных движений рабов в Сицилии во II веке³.

— Первое документально засвидетельствованное восстание рабов произошло в греческой колонии Сиракузах в 414 году. Во главе восставших рабов стал некий Сосистрат. Когда стало известно о предстоящем выступлении рабов, к ним был направлен для переговоров начальник сиракузской конницы Диамач, находившийся в близких отношениях с Сосистратом. По поручению правительства Диамач вместе с полководцем Гермократом начал переговоры с Сосистратом в присутствии 20 рабов. Гермократ в сопровождении 600 гоплитов

¹ Геродот. Кн. VI. Гл. 83.

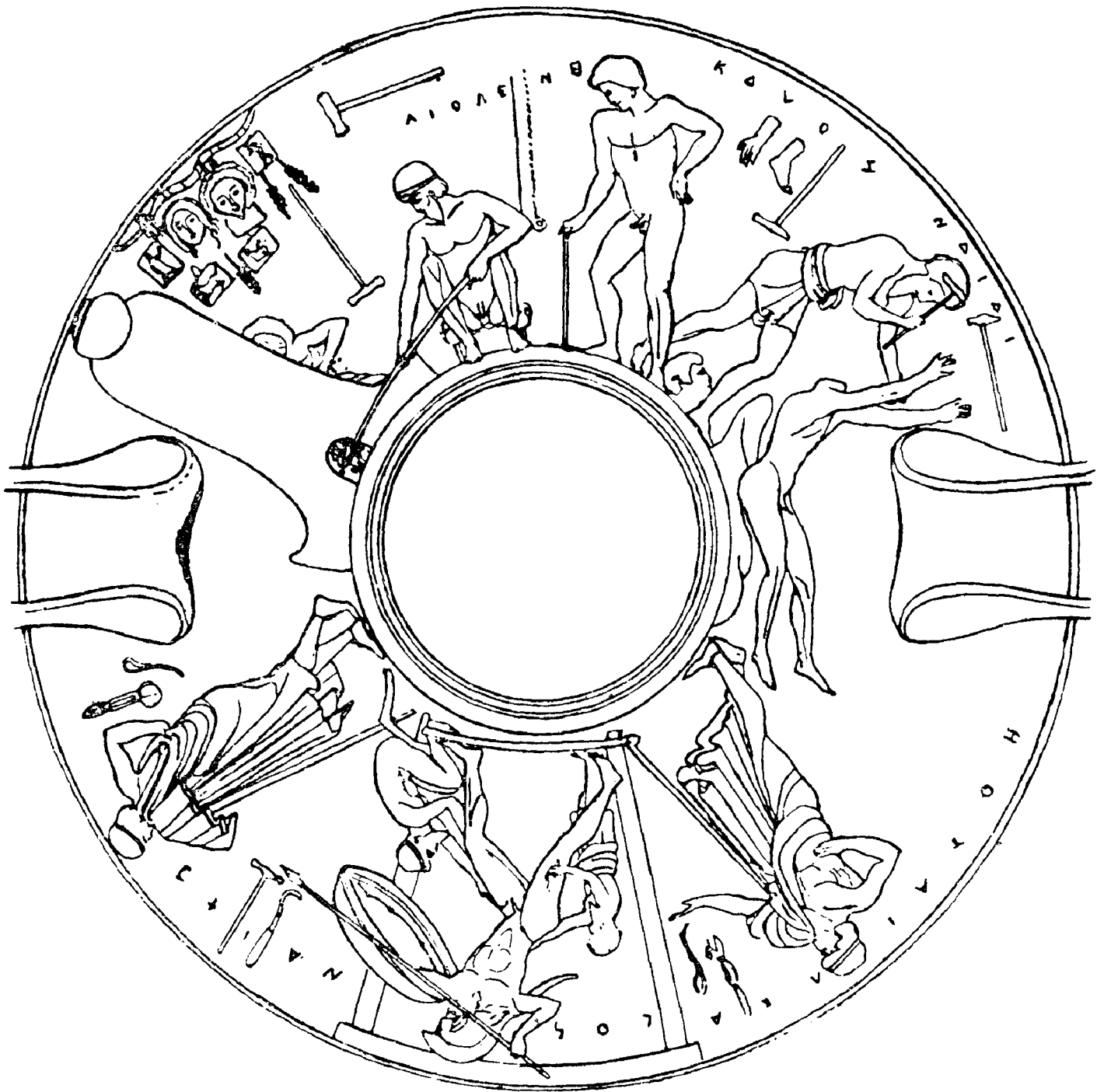
² Диодор. Кн. XI. Гл. 20.

³ О движениях рабов в Сицилии во II в. см. ст. Сергеева («Борьба классов» № 6 за 1935 г., стр. 86).

Греческие воины.

с рисунка на вазе.

Литейное дело.

С рисунка на аттической вазе.

выступил перед рабами и дал им обещание отпустить восставших рабов на волю, а Сосистрата сделать соправителем Сиракуз. Рабы поверили этим обещаниям, но были жестоко обмануты: руководители движения были схвачены и казнены, остальные возвращены их господам; часть рабов перебежала к афинянам, флот которых вел в это время военные действия у берегов Сицилии¹.

Массовые движения рабов имели место во II в. на острове Хиосе, крупнейшем центре работорговли. Рассказ об этом движении рабов пе-

редан неким Нимфодором Сиракузским, сочинение которого подвергалось значительным интерполяциям² и содержит вследствие этого много недостоверного. Однако в основе источника, безусловно, лежит сообщение об историческом факте. «Рабы хиосцев,—пишет Нимфодор,—убегают от своих господ и скрываются в горах; оттуда они толпами набрасываются на частные владения и грабят их»³. Этих беглых рабов объединил выделившийся среди них вождь Дримак. Под его руководством рабы всту-

¹ Материал о восстании рабов в Сиракузах см. в ст. Крюгера («Известия ГАИМК» № 101, стр. 126—127. 1934).

² Интерполяция—вставка переписчиком в текст рукописного сочинения не принадлежащих автору слов и целых фраз.

³ АСПИ, № 609.

пили в борьбу с рабовладельцами, причем рабовладельцы вынуждены были вступить в переговоры с Дримаком. Рабы дали обещание прекратить грабежи и набеги на имущества рабовладельцев, а Дримак организовал специальный суд для рассмотрения причин бегства рабов. Дримак, таким образом, выступал арбитром между рабами и рабовладельцами. Он говорил, обращаясь к рабовладельцам: «Когда у вас сбегут рабы, я расследую дело, и если окажется, что они бежали от невыносимых условий жизни, я оставлю их у себя; если же жалобы будут признаны неосновательными, я отошлю их обратно к господину»¹. Затем Нимфодор сообщает, что после этого между хиосскими рабами и рабовладельцами установились мирные отношения: в одной части Хиоса существовало государство рабов, возглавляемое Дримакон, в другой его части — зависимое от Дримакон государство рабовладельцев. Но государство Дримакон в классово-политическом смысле ничем не отличалось от государства рабовладельцев: оно было организовано по типу последнего: Дримакон являлся неограниченным правителем этого государства. «В отношении рабов власть Дримакон была

деспотической властью; беглые же рабы, бывшие с ним, боялись его гораздо больше, чем раньше боялись своих господ, и делали все, что ему было угодно, повинаясь Дримакону как начальнику»².

После смерти Дримакон созданное им государство распалось; беглые рабы снова возобновили нападения на рабовладельцев Хиоса.

Второй век в истории античного мира является периодом бурных восстаний рабов, восстаний, происходивших в разных местах римской державы, в состав которой в это время вошла Греция. Под влиянием вышеупомянутой революции сицилийских рабов во II в. происходит вспышка движений рабов в Аттике, в рудниках Лавриона, затем на острове Делосе, в этом крупнейшем центре работорговли³. Движения эти были подавлены. Под влиянием второй сицилийской революции рабов (104—101 гг.) произошло снова восстание рабов в рудниках Лавриона, принявшее довольно значительные размеры. «Многие мириады (десятки тысяч) аттических рабов работали в рудниках в оковах... Восставши, они перебили приставленную к рудникам стражу, овладели Сунийским акрополем и долгое время опу-

¹ АСПИ, № 609.

² АСПИ, № 609.

³ Орозий. Кн. V. Гл. 9, 5.

Греческие всадники.

О рисунка на вазе.

стошали Аттику. Это происходило в эпоху второго восстания рабов в Сицилии»¹.

Политическая активность греческих рабов выражалась не только в их революционных выступлениях против рабовладельцев: в Греции имели место неоднократные факты связи движений рабов с классовой борьбой, происходившей в среде свободных. Еще в конце VI в., когда в Аттике шла борьба демократических масс с родовой знатью, в эту борьбу были втянуты рабы.

Позднейшая история Греции дает нам также ряд фактов участия рабов в демократических движениях. Боровшиеся в V в. в Платее политические партии втягивали в борьбу рабов: «...в Платее рабы на стороне демократии»². Когда в 427 г. разыгралась гражданская война в Коркире, «...обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы; большинство рабов примкнуло к народу»³.

Но эти факты связи демократических движений с движениями рабов не дают основания для вывода о существовании в древней Греции единого антирабовладельческого фронта: рабы в этих движениях являлись не более как пешками в руках господствующих классов, ибо движения демократических слоев свободных не были направлены против рабовладельческого строя.

Однако выступления рабов против рабовладельцев, независимо от того, в какие формы они выливались, не могли не внушать рабовладельцам страха за свою судьбу. Тревога рабовладельцев в связи с угрозой восстаний рабов очень ярко выражена во многих высказываниях Платона. «Раб—собственность такого рода, обладание которым несет много затруднений, и опыт показывал это не раз»,—писал Платон, ссылаясь на факты частых восстаний рабов и те бедствия, которые постигали государство в результате этих восстаний⁴.

Эту же мысль Платон выразил и в тезисе: «Ведь рабы никогда не станут друзьями господ так же, как люди негодные не станут друзьями людей порядочных»⁵. В другой связи Платон писал, что богачи, обладающие множеством рабов, могут жить без страха перед рабами, потому что их защищает государство; не будь этого, «в каком бы большом страхе он (богач) был за себя, за детей и за жену, как бы рабы не погубили всех»⁶.

Этот страх перед рабами заставлял рабовладельцев и рабовладельческое государство прибегать к самым различным приемам предотвращения восстаний рабов. Так, в качестве меры борьбы с движениями рабов в IV в. выдвигалось даже предложение ограничить число рабов и не допускать развития рабства путем обращения в рабство греков. Влияние этой тенденции сильно переоценивалось буржуазными исследователями, которые считали, что в практике греческой жизни в силу этого было очень ограниченное количество рабов-греков. Платон и Аристотель действительно развивали теорию о том, что грек—это прирожденный рабовладелец, что ему принадлежит право владеть рабами-варварами, что нельзя обращать в рабство греков. Платон прямо высказал пожелание, чтобы греки не обращали в рабство взятых во время войны в плен соплеменников.

Но в практике греческой жизни эта точка зрения находила весьма слабое отражение. Известно, что в период греко-персидских войн Гелон Сиракузский продал в рабство мегарян и эвбейцев⁷; в Пелопоннесскую войну, после сицилийского разгрома 413 г., тысячи афинян и их союзников были обращены в рабство⁸; Филипп Македонский продал в рабство олинфян, и т. д. Если во время войны имели место отдельные факты оставления захваченных в плен греков на свободе, то это вызывалось отнюдь не соображениями гуманного или нацио-

¹ Афиней. Кн. VI, ст. 104.

² Диодор. Кн. XIII, ст. 41.

³ Фукидид. Кн. III. Гл. 73.

⁴ Платон «Законы». Кн. VI, ст. 777.

⁵ Там же, стр. 757-а.

⁶ Платон «Государство». Кн. IX, ст. 578-а.

⁷ Геродот. Кн. VII. Гл. 156.

⁸ Фукидид. Кн. VII. Гл. 85, ст. 3—4.

нального характера, а сообщениями военно-политическими: это являлось маневром с целью привлечения на свою сторону противника. Так надо расценивать тот факт, что в Пелопоннесскую войну, после разгрома спартанцами лесбосцев у Мемимны (остров Лесбос), полководец Калликратид с целью привлечения на свою сторону лесбосских греков заявил, что никто из греков не будет обращен в рабство, и в то же время тот же Калликратид продал в рабство захваченный им здесь афинский гарнизон¹.

Но бесспорно то, что рассуждения Платона о том, что греки не должны быть рабами, и указания Аристотеля, что раб — это прежде всего варвар, обусловлены были учетом той угрозы, какую представляли движения рабов в Греции в V—IV веках. Чтобы не иметь внутренних врагов в лице греков-рабов, которые могли представлять большую социальную опасность чем рабы-варвары, идеологи рабовладельческого общества предостерегали рабовладельцев от обращения в рабство греков.

Для предотвращения возможности сплочения и совместных выступлений рабов-варваров предлагалось не содержать в одном месте рабов одной национальности. Платон прямо рекомендует «... не иметь рабов одной и той же национальности, но, насколько это возможно, иметь рабов, говорящих на разных языках, если только желательно, чтобы они лучше переносили раб-

¹ Ксенофонт «Hellenika». Кн. I. Гл. 6, ст. 14—16.

ство»². Эти советы, повидимому, действительно осуществлялись в практике греческого рабовладения. В одной из греческих надписей V в. перечисляется 16 рабов, принадлежавших некоему Кефисодору, и среди них рабы десяти различных национальностей³.

Рассмотрение важнейших этапов в развитии движений рабов в древней Греции позволяет сделать вывод, что хотя они не получили там широкого размаха и не вылились в форму бурных мятежей против рабовладельцев, значение их в истории классовой борьбы античного мира бесспорно. Движение рабов в Греции являлось показателем начинавшего развиваться кризиса античного способа производства. Борясь с рабовладельческим строем, поднимая знамя восстания против него, рабы ускорили процесс разложения этого строя. Таким образом, движение рабов объективно расчищали дорогу новому, более прогрессивному способу производства, который должен был прийти на смену рабовладельческому. В этом огромная прогрессивная роль движений рабов; они являлись исторически необходимым звеном того революционного процесса, который был сформулирован товарищем Сталиным в его тезисе:

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»⁴.

² Платон «Законы». Кн. VI, ст. 777-с.

³ С. I. A. (Corpus Inscript. Atticon). T. I, № 277.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 527. Партиздат. 1934.

Греческая монета периода второго восстания рабов в Сицилии.

В. Семенов

ЛЕВЕЛЛЕРЫ В АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII В.

1

В ходе развития английской революции отчетливо выявлялась черта, характерная для всех буржуазных революций: по мере углубления революции и победы над старым режимом новых классов все больше обнаруживались противоречия между буржуазией (и новым дворянством) и народными массами — мелкой городской буржуазией, крестьянством, зарождавшимся пролетариатом. «Буржуазия уже с самого начала носила в себе будущего противника, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — капиталисты не могли существовать без наемных рабочих, и те самые условия, в которых средневековый цеховой мастер развивался в современного капиталиста, заставили цехового подмастерья и не принадлежащего к цеху поденщика превратиться в пролетария. И хотя требования, которые защищало третье сословие в своей борьбе с дворянством, в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени, тем не менее при каждом крупном восстании горожан вспыхивало самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров — во время англий-

ской революции, Бабефа — во время французской»¹.

Партия левеллеров сформировалась в 1645—1647 гг., в один из сложнейших периодов английской революции.

Гражданская война парламента с королем затянулась на ряд лет. Парламентские войска нанесли роялистам решительные поражения (битвы при Марстон-Муре 2 июля 1644 г. и при Нэсби 14 июня 1645 г.), но враг еще не был окончательно побежден.

Длительная гражданская война привела хозяйство страны в состояние глубокого кризиса. Положение народных низов становилось все тяжелее.

«Долгий парламент», находившийся в руках партии крупной буржуазии — пресвитериан, изобретал всякие способы переложить всю тяжесть войны на трудящиеся массы.

Парламентом были введены так называемые акцизы, т. е. ряд косвенных налогов почти на все предметы широкого потребления. Сбор акцизов сдавался особым откупщикам-капиталистам, извлекавшим из этих операций для себя громадные прибыли.

Большие барыши также получала лондонская буржуазия от правительственных займов. Займы эти обычно обеспечивались громадными земельными имуществами в виде конфискованных королевских имений, епископских земель и земель «делинквентов»². От этих конфискаций сильно наживались и члены пресвитерианского правительства: они захватывали для себя громадные имения, получали взятки от роялистов за смягчение их участи, не брезговали прямым казнокрадством и всякого рода спекуляциями с землей.

Такого же характера была политика пресвитериан и в других областях. Парламент отменил лишь часть тех монополий, которые были введены Карлом I. Крупнейшие же торговые компании, в первую очередь в области внешней торговли, были оставлены в силе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

² Делинквенты — контрреволюционеры, сторонники короля.

В интересах нового дворянства парламент в 1646 г. отменил ленную систему и объявил дворянскую собственность не связанной ни с какими феодальными платежами или повинностями по отношению к государству и свободно отчуждаемой. Но при этом парламент оставил неизменными все крестьянские повинности (платежи копигольдеров), категорически высказавшись за полную неприкосновенность помещичьей ренты. Боясь задеть помещичьи интересы, пресвитериане сохранили и церковную десятину, которая взималась с крестьян и поступала отчасти в пользу пресвитерианской церкви, отчасти в пользу землевладельцев!

Против господства пресвитериан назревало широкое недовольство, ибо их политика была враждебна трудящимся массам и не удовлетворяла даже более широкие круги буржуазии и буржуазного дворянства.

В результате всего этого парламент с 1645 г. начал подвергаться ожесточенной критике со стороны наиболее радикальных элементов. Самым ярким представителем этой демократической оппозиции был знаменитый Джон Лильберн (1618 — 1657), организатор партии левеллеров.

Сын небогатого провинциального сквайра¹, Лильберн в молодости был учеником у одного лондонского сукно-торговца. Его имя было поэтому хорошо известно в среде лондонских подмастерьев. За принадлежность к запрещенной индепендентской секте и попытку распространять пуританскую литературу Джон Лильберн в 1637 г. был арестован, а в 1638 подвергся публичной экзекуции (бичевание и стояние у позорного столба). Начавшаяся революция в 1641 г. освободила Лильберна из тюрьмы. Первые годы гражданской войны Лильберн сражался против короля, был в плену у роялистов, где едва не погиб. По освобождении из плена (путем обмена пленных) Лильберн некоторое время продолжал службу в парламентской армии, где дослужился до чина подполковника. Не поладив с пре-

¹ Сквайр — мелкий помещик-джентри в отличие от нобилити — аристократического дворянства.

свитерианским начальством (апрель 1645 г.), он ушел из армии.

Со всем пылом своей горячей натуры он отдался религиозным спорам между индепендентами-сепаратистами² и пресвитерианами.

От критики религиозных воззрений пресвитериан Лильберн быстро перешел к критике их политической деятельности, в частности, деятельности пресвитерианского парламента. Его памфлеты на эту тему вызвали против него репрессии правительства. Лильберн был два раза подряд снова посажен в тюрьму. Первый раз в июле — октябре 1645 г., второй раз в июне 1646 года. В 1646 г. палата лордов приговорила Лильберна к громадному штрафу в 4000 фунтов стерлингов, заключению в Тоузере на 7 лет и лишению права занимать в течение всей жизни какую-либо гражданскую или военную должность. Но Лильберн и из тюрьмы продолжал свои выступления против пресвитерианского правительства. В том же духе писали его друзья — памфлетисты Вильям Уольвин, Ричард Овертон, Томас Принс и другие.

2

С какой программой выступали организаторы новой партии? Лильберн считал, что источником всякой власти является народ и что власть должна быть ограничена основными законами в интересах всего народа. В памфлете «Письмо другу» (1645 г.) Лильберн писал: «Я смотрю на палату общин как на верховную власть в Англии, которая покоится в руках представителей, но сама по себе присуща народу»³. Народ должен быть на страже, чтобы парламент подобно королю не совершил какого-либо нарушения его свободы, каковой он пользуется в силу «природы, разума и вольностей основных законов Англии»⁴.

² Индепенденты - сепаратисты — крайняя индепендентская секта, отрицавшая господствующую церковь (будь то епископальная или пресвитерианская) и требовавшая независимости для каждой религиозной общины.

³ John Lilburne «The Letter to a Friend», p. 10. 1645.

⁴ John Lilburne «Englands Birth-Right», p. 44—45. 1645.

Таким образом, уже в этот период Лильберн был сторонником демократической республики, решительно высказывавшимся против палаты лордов и королевской власти. «Вы, пэры, как вас именуют, созданы только в силу (королевской) прерогативы; вы никогда не были облечены властью и доверием со стороны общин Англии, которые являются началом и источником всякой власти», — писал Лильберн, протестуя против вмешательства в судебные дела палаты лордов (памфлет «Оправдание правого человека» 1646 г.)¹.

Считая парламент «верховой властью нации», Лильберн резко критиковал деятельность «Долгого парламента», «обманувшего надежды нации», и требовал немедленных реформ: отделения исполнительной власти от законодательной, запрещения членам палаты занимать прибыльные государственные должности, назначения ежегодных выборов парламента.

Лильберн настаивал также на проведении следующих мероприятий: уничтожении епископата, отмене цензуры, свободе проповеди, ликвидации торговых монополий и замене акциза прямым налогом. Большое внимание уделял Лильберн судебному делу. Лильберн требовал издания всех законов на английском языке², реформы самых судов, строгого соблюдения старинного права каждого гражданина Англии обращаться с петицией непосредственно к самому парламенту.

Весной 1647 г. сторонники Лильберна сделали ряд попыток повлиять на палату общин путем подачи петиций. Встречая все больше сочувствия в широких слоях лондонского населения («людей среднего и мелкого сорта»³), левеллеры организовали ми-

Джон Лильберн. Со старинной английской гравюры.

тинги для сбора подписей. Подача петиций все больше превращалась в массовые демонстрации, начинавшие внушать парламенту серьезные опасения. Повторяя пункты политической программы Лильберна, эти петиции развивали дальше его социально-экономическую программу. Так, петиция от 15 марта 1647 г. требовала отмены десятины, освобождения из тюрем неплатежеспособных должников, принятия мер к борьбе против дороговизны, немедленного роспуска всех монопольных компаний.

Парламент постановил публично сжечь петицию. На многих подписавших петицию посыпались правительственные репрессии.

Безрезультатны были и две следующие петиции, поданные левеллерами в мае и июне 1647 года. За свои выступления в интересах бедноты Лильберн и его последователи получили от своих противников прозвище «левеллеры» (уравнители), как еще в начале XVII века называли английские помещики крестьян, боровшихся против огораживаний.

¹ John Lilburne «The Just Man's Justification», p. 12. 1646.

² Английское законодательство вплоть до основания республики велось на латинском языке и было непонятно широким массам.

³ Выражение «люди среднего и мелкого сорта» (иногда «бедного сорта») часто встречается в памфлетах Лильберна и других левеллеров; кроме городской демократии: ремесленников, мелких торговцев, подмастерьев и мануфактурных рабочих — в это понятие ими включалась и крестьянская масса — иомены, а также деревенская беднота — коттеры.

В феврале — марте 1647 г., в связи с прекращением военных действий между королем и парламентом и захватом в плен короля, парламент провел ряд постановлений о демобилизации «армии нового образца». Пресвитериане предполагали этим мероприятием не только сократить свой бюджет, но и вырвать у индпендентов руководство военными силами. Большую часть пехоты предполагалось совсем распустить, конницу и остальную пехоту частью отправить в Ирландию, частью оставить для гарнизонов в Англии. На должности генералов реорганизованной армии имелось в виду назначать одних пресвитериан. Однако демобилизация встретила решительное сопротивление как со стороны офицеров, так и особенно солдатской массы. Парламент был должен армии 331 000 фунтов стерлингов неуплаченного жалования. Предполагалось при роспуске армии уплатить часть денег наличными, на остальное же дать долговые обязательства. Это было, конечно, явно невыгодно армейцам. Но низы армии, группировавшиеся вокруг левеллеров, протестовали против роспуска революционной армии главным образом из политических соображений: перед выработкой новой конституции солдаты считали себя вправе подать голос за реформы.

Когда от имени армии была сделана попытка представить парламенту петицию о нуждах армии, обе палаты ответили декларацией, что подобные выступления будут рассматриваться как враждебные государству и нарушающие общественный порядок. «Нас презирают, — жаловался по этому поводу один из представителей солдат, — отвергая наши самые почтительные петиции. Чего же нам тогда еще ждать? Мы, которые сражались, чтобы сделать себя и королевство свободными, находимся теперь в большем рабстве чем прежде, не имея даже настолько свободы, чтобы подать петицию о своих нуждах?»¹

Вскоре парламент начал получать сообщения, что солдаты стали отзы-

ваться о членах парламента как о «новых тиранах», зато памфлеты Джона Лильберна пользовались у них все большей популярностью. К концу апреля 1647 г. движение в армии приняло уже вполне организованный характер. Отдельные армейские части выбрали из своей среды уполномоченных «агентов», или «агитаторов». Агитаторы сносились с командованием, а также установили связь с Лондоном: с левеллерами — друзьями Джона Лильберна, с лондонскими ремесленными учениками и мануфактурными рабочими из окрестностей столицы. Собрание представителей от агитаторов всех полков (по два человека от полка) положило начало общеармейской организации — Всеобщему совету армии. Индпендентские генералы, конечно, недовольные таким положением дел, все же вынуждены были признать солдатскую организацию, тем более, что и индпенденты были в оппозиции к пресвитерианскому парламенту. Однако генералам удалось извратить идею советов солдатских депутатов: к представителям от солдат в Совет армии были дополнительно включены представители и от офицеров.

Организованная солдатская масса начала разговаривать с пресвитерианским парламентом боевым тоном. Попытки парламентских комиссаров приступить к расформированию отдельных частей вызвали открытое возмущение и угрозу бунта со стороны солдат. 4 и 5 июня, по предложению агитаторов, были проведены общие собрания армии близ Нью-Маркета (в графстве Кембриджшир), где был принят манифест, в котором было сказано, что солдаты армии являются не наемниками, завербованными для того, чтобы служить произволу власти, а «свободными людьми английского народа, собравшимися и оставшимися под ружьем в сознании необходимости и защиты основных прав и вольностей народа»².

И офицеры и солдаты в этот момент объединились в протесте против роспуска армии. Они дали письменное обязательство, что армия не позволит

¹ Письмо агитаторов в Уэльс от 12 июля 1647 г. «Clarke Papers». Vol. I, p. 158 — 159.

² Gardiner, L. «History of the Great Civil War». Vol. III, p. 280—281.

себя распустить, пока не получит удовлетворения своих требований и надежной гарантии, что в будущем как бывшие солдаты армии, так и все прочие «свободнорожденные члены английского народа» не подвергнутся гнету, насилиям и злоупотреблениям, имевшим место до сих пор.

В это же время агитаторам удалось провести другое важное мероприятие: увезти пленного короля, с которым пресвитериане пытались было уже вступить в переговоры, из замка Хольмби в место расположения армии — Нью-Маркет. Через месяц (16 июля) агитаторы внесли в Военный совет¹ предложение, в котором побуждали командование идти на Лондон, изгнать из парламента 11 наиболее ненавистных армии пресвитерианских лидеров, изъять у пресвитериан руководство лондонской милицией², освободить из заключения и вознаградить «подполковника Джона Лильберна, г-на Овертоша и других, которые были незаконно посажены в тюрьму»³. 6 августа армия уже входила в Лондон, а 18 августа, опять-таки под давлением агитаторов, была произведена первая чистка парламента: 11 пресвитерианских лидеров были исключены из состава палаты.

Однако такая активность агитаторов вовсе не входила в расчет индипендентских генералов. Индипенденты были не прочь использовать солдатскую демократию в своей борьбе против пресвитериан. Зять Кромвеля Айртон (генерал-квартирмейстер армии) выдвинул проект монархической конституции, известный под именем «Главы предложений», и надеялся им заинтересовать агитаторов. С этой целью в «Главы предложений» были включены некоторые требования, давно уже выдвигавшиеся левеллерами: отмена акцизов, установление свободы торговли, уравнение земельных рент, отмена десятины, улучшение за-

конов и реформа судов, право петиций, но в то же самое время, опасаясь растущего «двоевластия» в армии и разрушительного влияния на солдатские массы идей «общего права», генералы вступили в переговоры с королем, сделав ему ряд существенных уступок. Это вызвало глубокое недовольство в среде солдат-левеллеров, обвинявших «грандов армии» в измене.

4

Недовольные политикой верхов армии, солдаты переизбрали агитаторов.

Новые агитаторы оказались еще радикальнее. Это были в большинстве своем последователи Лильберна. Между вновь избранными агитаторами были левеллеры, неармейцы. Среди них особенно активную роль играл Джон Уайльдман (1621 — 1693), молодой юрист, близко знакомый с Джоном Лильберном. 28 октября 1647 г. новыми агитаторами были представлены в Военный совет два документа: «Дело армии, правдиво изложенное» и «Народное соглашение» (агримент), — которые содержали принципы всеобщего избирательного права и основы конституции. Предложенная левеллерами конституция являлась республиканской конституцией. В «Народном соглашении» совершенно не упоминалось ни о короле, ни о лордах. Было указано, что выборы новых народных представителей должны производиться на основе всеобщего избирательного права и пропорционально «числу жителей», избирательных прав лишались только делинквенты.

В левеллерском проекте конституции в качестве основных прав английских граждан были перечислены религиозная свобода, отделение церкви от государства, непринудительность военной службы, равенство всех перед законом. Левеллеры отражали и интересы крестьянской массы: вместе с предложением об отмене монополии, удешевлении и упрощении суда, упразднении десятины и т. д. они в «деле армии» требовали уничтожения произведенных огораживаний и возвращения крестьянам отнятых у них общинных земель.

В конце октября — в начале ноября (28 октября — 12 ноября 1647 г.) в

¹ Военный совет — совещательный орган из высших офицеров при главнокомандующем.

² Ополчение, собранное городом Лондоном во время гражданской войны и состоявшее преимущественно из ремесленной молодежи (подмастерья и ученики) и отчасти мануфактурных рабочих предместий Лондона.

³ «Clarke Papers». Vol. I, p. 171.

предместье Лондона Петни происходила общеармейская конференция, на которой были широко представлены как индепенденты, так и левеллеры, не только армейские, но и приехавшие из Лондона.

При обсуждении «Народного соглашения» развернулись бурные прения, особенно по вопросу о всеобщем избирательном праве.

Индепенденты, в первую очередь Айртон, утверждали, что политические права должны иметь только представители имущих классов. Левеллеры—Рейнсборо, Сексби и другие—выступили яркими сторонниками всеобщего избирательного права.

Индепенденты и левеллеры на этой конференции не пришли к соглашению. На дальнейших совещаниях выступления агитаторов становились все более и более резкими. 5 ноября левеллеры потребовали созыва общеармейского собрания, чтобы на нем предложить солдатской массе принять «Народное соглашение». На следующий день агитаторы предложили Кромвелю обсудить в Армейском совете вопрос об «отнятии всякой власти у короля».

Раздавались голоса о назначении суда над королем.

В ответ на это Кромвель выступил с предложением распустить делегатов, чтобы не допустить созыва общеармейского собрания. Его предложение было принято. В связи с бегством короля из места расположения армии¹ агитаторы начали обвинять индепендентских генералов в том, что они вступили в заговор с роялистами.

Из тех же соображений срыва общеармейского съезда Ферфакс назначил несколько собраний армейских полков в различных местах, обещая в то же время некоторые реформы.

На этот маневр индепендентов левеллеры ответили попыткой вооруженного восстания. 15 ноября 1647 г. на первое, созванное Ферфаксом близ Уэра (графство Герфорд) собрание пяти наиболее дисциплинированных и послушных командованию полков самовольно явились еще два мятежных

полка. Прогнав всех своих офицеров с чином выше поручика, солдаты этих полков явились на митинг с лозунгом «Свободу народу, права солдатам!» и экземплярами «Народного соглашения», приколотыми к шляпам. Лильберн, временно освобожденный из тюрьмы, вместе с другими гражданскими левеллерами также прибыл на митинг с целью поддержать и воодушевить солдат.

Но это выступление не было поддержано другими полками. Кромвель решительно потребовал от солдат категорического и немедленного подчинения, и мятежники сдались.

Один из зачинщиков — левеллер Ричард Арнольд — был расстрелян. Офицеры-левеллеры были смещены с должностей. Командование приняло меры к прекращению доступа в армию гражданским левеллерам. Совет агитаторов был распущен. На некоторое время движение левеллеров в армии затихло.

5

Лондонские левеллеры продолжали свою пропаганду не только в самом городе и его ближайших окрестностях, но и в соседних графствах. Здесь по образцу солдатских советов ими были также созданы особые «советы агентов» (агитаторов).

Вскоре возобновили свою деятельность и армейские левеллеры.

В связи с подготовкой новых роялистских восстаний и необходимостью решительного отпора им индепенденты начали делать шаги к примирению с левеллерами. 22 декабря 1647 г. в главной военной квартире в Виндзоре состоялось совещание военных руководителей индепендентов, на котором было решено вернуть на прежние должности всех арестованных офицеров и прочих участников уэрского выступления.

11 января 1648 г. снова было созвано заседание Армейского совета с участием агитаторов. К этому времени Карл I, находившийся на острове Уайте, уже мобилизовал силы для новой гражданской войны, отказываясь выслушивать какие-либо предложения парламента. Только тогда, 3 января 1648 г., парламент постановил прекратить с королем всякие дальнейшие

¹ Король бежал 11 ноября 1647 г. на юг Англии (остров Уайт), но был задержан парламентским комендантом острова.

переговоры. Собрание 11 января одобрило это постановление парламента.

Однако несмотря на известное примирение индепендентов с левеллерами, когда 19 января 1648 г. Лильберн и Уайльдман были, по постановлению палаты лордов, снова арестованы, индепендентский Военный совет ничего не сделал для их освобождения.

На митинге в Виндзоре 24 апреля агитаторы потребовали принятия «Народного соглашения», но уступили, согласившись с мотивами Военного совета, что ввиду опасного военного положения целесообразнее отложить голосование его. 29 апреля, после нескольких дней, проведенных в обсуждении и молитве, индепенденты и левеллеры пришли к единогласному решению покончить навсегда с роялистами и привлечь к ответственности Карла Стюарта.

Открытые выступления левеллеров против индепендентов начались снова лишь в конце 1648 г., после того как роялисты были окончательно разбиты.

Разногласия между индепендентами и левеллерами обострились опять-таки в связи с обсуждением «Народного соглашения» при следующих обстоятельствах.

В августе 1648 г. Лильберн был постановлением обеих палат освобожден из тюрьмы. Пресвитерианские лидеры рассчитывали, что Лильберн немедленно начнет нападки на индепендентов, и, освобождая его, предполагали сорвать совершившееся соглашение. Но Лильберн по выходе из тюрьмы сделал несколько настойчивых попыток договориться с Кромвелем в интересах «окончательного освобождения Англии».

Однако, когда в ноябре 1648 г. начались действительные переговоры между представителями обеих партий, вожди левеллеров прямо заявляли, что они вовсе не намерены стать орудием в руках грандов. Лильберн откровенно сказал, что он опасается установления генеральской диктатуры. Левеллеры требовали, чтобы индепенденты, прежде чем решать судьбу короля или распускать парламент, дали твердую гарантию свободы народа. Этой гарантией левеллеры считали принятие в качестве новой конституции «Народного соглашения». Индепенденты, де-

лая вид, что они в принципе не возражают против принятия новой конституции, старались затянуть переговоры, чтобы выиграть время и, захватив власть в свои руки, поставить противников перед совершившимся фактом. «Чистка» парламента Прайдом 6 декабря 1648 г. была первым шагом выполнения новой индепендентской программы, следующими были назначение суда над Карлом I и казнь его 30 января 1649 года.

Покончив с пресвитерианами, согласившись под давлением масс и требований левеллеров на такой шаг, как установление республики, Кромвель после захвата власти повернул немедленно фронт против самих левеллеров. Индепенденты нисколько не думали выполнять свои обещания относительно введения в жизнь «Народного соглашения». В конце концов переговоры левеллеров с индепендентами оказались совершенно бесплодными. Индепенденты, вместо того чтобы передать «Народное соглашение» на народный референдум (как этого требовали левеллеры), перенесли его на новое обсуждение в офицерский Военный совет. Здесь оно подверглось столь сильным изменениям, что стало больше похоже на «Главы предложений», чем на первоначальный проект левеллеров. В таком виде «Народное соглашение» было представлено 20 января 1649 г. в парламент, вызвав резкие протесты со стороны левеллеров.

События декабря — января 1648—1649 гг. создали в рядах левеллеров глубокий разлад: часть их лидеров еще в середине 1648 г. перешла в лагерь индепендентов и теперь безоговорочно поддерживала Кромвеля; другие видные левеллеры, хотя формально и не присоединились к индепендентам, все же не выступали против них, так как были лично заинтересованы в результатах переворота 6 декабря 1648 года. Предстоящая с устранением короля усиленная распродажа церковных земель (епископских, а также деканских и капитульских) и новые секвестры имущества делинквентов обещали сторонникам индепендентского правительства громадные выгоды. Уайльдман и Сексби, передовые агитаторы в движении 1647 г., обвинялись теперь своими старыми то-

варищами в том, что они продались грандам за поместья и парки¹. Лильберн, поняв, что ему не договориться с индепендентами, не скрывал своего недовольства, но первое время придерживался выжидательной тактики: он даже на время покинул Лондон, отправившись на свою родину, в графство Дергем, чтобы заняться хозяйственными делами в своем новом имении².

Экономическое положение Англии в 1649 г. было весьма тяжелым. Индепендентское правительство ничем не облегчило положение трудящихся масс, как и прежде страдавших от тяжести налогов, экономических затруднений и безработицы; солдаты не получали жалованья, крестьянство «приобрело» при новых землевладельцах новые огораживания, повышение рент и сокращение сроков земельных держаний. Индепенденты, — окончательно оформившиеся теперь как партия средней буржуазии и нового дворянства, — взяли явный курс на защиту интересов имущих классов: дельцам Сити предоставляли торговые монополии и выгодные займы. Положение же трудящихся масс становилось все тяжелее. Глубокое недовольство охватило и армию, где левеллеры снова приобрели большую популярность.

Лильберн и его сторонники при таких обстоятельствах повели яростную агитацию против индепендентской власти.

Бичуя узко классовую политику грандов, левеллеры популяризировали свою программу реформ, изложенную в «Народном соглашении» (изданном в новой редакции 1 мая 1649 г.). Как и в 1647 г., они снова пытались поднять восстание в армии, расширив также агитацию и вне ее как в Лондоне, среди беднейших ремесленников, подмастерьев и мануфактурных рабочих, так и в графствах, в среде крестьян.

26 февраля 1649 г. Лильберном был опубликован памфлет «Новые цепи Англии», в котором он резко крити-

ковал индепендентов. Через месяц (24 марта) появилась «Вторая часть новых цепей». Тон этого памфлета был еще резче. В нем указывалось, что парламент превратился в орудие генералов, потерял право на дальнейшее существование и должен уступить место новому представительству, избранному на основе подлинного «Народного соглашения». Лильберн резко осуждал в памфлете такие акты индепендентов, как «чистку» Прайда, казнь короля и даже самое установление республики, на что, по его мнению, «долгий парламент» не имел полномочий от своих избирателей.

Кромвель ответил на эти памфлеты Лильберна заключением его в тюрьму.

В ответ на агитацию Лильберна Военный совет вынес постановление о запрещении всяких тайных собраний в армии; в полках разрешали подавать петиции только через офицеров. Кроме того Совет поручал Кромвелю и Айртону срочно провести через парламент закон о строгом наказании гражданских лиц, пытающихся создать недовольство в армии.

В конце апреля — начале мая 1649 г., в связи с началом отправки войск в Ирландию на подавление восстания, в армии произошла попытка нового солдатского восстания: число солдат, не желавших отправляться в Ирландию, оказалось довольно значительным (в некоторых полках по 300 человек). Командование поспешило вывести из Лондона наиболее оппозиционно настроенные части. 24 апреля солдаты полка Уолли³ отказались выступить на маневры за город, ссылаясь на невыплату жалованья. Ферфакс и Кромвель явились в полк с отрядом преданных им солдат и заставили недовольных выполнить приказ. Пятнадцать человек, не подчинившихся приказу, были арестованы, шестеро были приговорены к смерти, из них левеллер Роберт Локайер был казнен.

Брожение в армии продолжалось. Волнения начались и в отправлявшемся в Ирландию полку Скрупа, к которому присоединились почти весь полк Рейнольдса и несколько полков, расположенных на севере, в Бекин-

³ Полки парламентской армии назывались по фамилиям их командиров.

¹ Pease «The Leveller Movement», p. 271. 1916.

² По освобождении Лильберна из тюрьмы парламент предоставил ему одно из секвестрированных имений в качестве возмещения за штрафы, незаконно взятые с него ранее.

гемшире. Восставшие полки решили соединиться в графстве Оксфордшир. Там, в городе Бенбери, восстал гарнизон во главе с капитаном Томпсоном, прозванным «военным Лильберном», горячим сторонником «Народного соглашения».

Правительство приняло ряд чрезвычайных мер: оно укрепило Тоуэр; к заключенному Лильберну был совершенно прекращен доступ посетителей. На купцов Сити был наложен экстренный налог, который должен был пойти на выплату долга солдатам и нужды армии, с той же целью были выделены суммы от продажи церковных земель. 10 мая, отобрав наиболее верные части из кавалерийских полков, Кромвель и Ферфакс выступили против «мятежников» и 14 мая разбили при Берфорде (на границе Оксфордшира и Глостершира) наиболее крупный отряд восставших. Руководители мятежников были расстреляны. 17 мая погиб капитан Томпсон. Оставшиеся без вождей, остальные группы повстанцев были легко рассеяны или взяты в плен.

Но пропаганда левеллеров сказались на настроениях крестьян соседних с Лондоном графств.

В Бекингемшире 10 мая 1649 г. благонамеренные жители¹ трех сел выпустили от своего имени печатную декларацию, в которой в соответствии с другими, более ранними памфлетами левеллеров развивали программу крестьянской революции: «Мы протестуем против всех произвольных судов, законников, судебных пошлин, лордов маноров, патентов, привилегий, пошлин, монополистов, спекулянтов и т. д.; мы против всякой партии корыстного интереса...»².

¹ «Благонамеренными» на языке английской революции называли революционеров в противоположность «делинквентам» — контрреволюционерам — и колеблющимися, пассивным элементам.

² Бекингемширская декларация развивает мысль одного левеллерского памфлета конца 1648 г. под заглавием «Новое обязательство», памфлета, в котором левеллеры требовали полной отмены феодализма, «чтобы были отменены все древние архаические признаки рабства, как то: держание по копии, клятвы в верности, плата за допуск во владение

Еще раньше, в апреле 1649 г., в графствах Серрей, Бекингемшир, Норсемптоншир и некоторых других выступили диггеры («копатели»), или, как их иначе называли, «истинные» левеллеры. Начав свою пропаганду также под влиянием лильбернцев, они пошли дальше их. Диггеры пытались захватить свободные общинные земли и организовать обработку их общественным способом.

Вожди этого левого коммунистического крыла левеллеров Эверард и Уинстенли в конце 1648—начале 1649 гг. выпустили несколько памфлетов, развивавших идеи аграрного «грубо уравнительного коммунизма» (И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 13. Партиздат. 1933 г.). Все зло на свете, по мнению диггеров, происходит от частной собственности на землю. Необходимо прекратить покупку и продажу земли и земных плодов. «Пусть будет общая сокровищница (земля.— В. С.), никем и ничем не огражденная и не закрытая, и никто не скажет: «Это мое...» Пусть все действуют сообразно словам господина: «Работайте вместе и вместе вкушайте хлеб»³.

Попытка «истинных» левеллеров захватить «мирным путем» пустующую землю была утопией и потерпела полное крушение. Против «копателей» ополчались зажиточные крестьяне-собственники, и диггерские поселения в основном были ликвидированы воинскими отрядами уже в 1649 году. Однако диггерство ярко отразило классовую борьбу в английской деревне и показало, как понимали лозунг «левеллерства» низы крестьянской массы.

Летом 1649 г. движение под знаменем левеллеров имело место также и в городах, например в портовом городе Ярмуте (Норфольк), и среди горнорабочих Дербишира и Сомерсетшира, выступавших против низкой зара-

(fines) по произволу лорда и т. д.». Margaret James «Social Problems and Policy during the Puritan Revolution 1640—1660», p. 94. London. 1930.

³ Памфлет «Новый закон справедливости, открывшийся для того, чтобы освободить всю вселенную от рабства и проклятия (1649). Отрывок из памфлета дан в хрестоматии «Новая история в документах и материалах». 1934. Вып. I, стр. 41.

ботной платы и также высказывавшихся за «Народное соглашение». В Лондоне большое брожение шло между цеховыми учениками и подмастерьями, требовавшими освобождения Лильберна. 8 сентября 1649 г. в Оксфорде произошло новое выступление солдат, которое должны были поддержать лондонские массы. Но солдатское движение и на этот раз было быстро подавлено. Правительство привлекло Лильберна к суду, обвиняя его в «подстрекательстве» оксфордского восстания, но присяжные оправдали при всеобщем одобрении присутствовавших Лильберна и его друзей (24—25 октября 1649 г.). 8 ноября Лильберн, Уольвин, Овертон и Принс были освобождены.

6

В 1649 г. движение левеллеров достигло наивысшего подъема.

Но и после того, в 50-е годы, снова и снова отдельные левеллеры и группы их поднимались на борьбу против независимой республики и протектората. Попрежнему продолжали, правда, уже реже, выходить памфлеты левеллеров. Митинги левеллеров продолжались в Лондоне еще в 1652 и 1653 годах. Но чем дальше, тем очевиднее было поражение демократической партии. Партия левеллеров была блоком разнородных социальных элементов. Часть бывших защитников «Народного соглашения» занялась спекуляцией. Яркий пример этого... дал бывший агитатор Уайльдман. Купленные им за время революции многочисленные имения, парки и дома были разбросаны не меньше чем в 20 графствах. Став членом парламента (с 1654 г.), он снова начал вести борьбу против Кромвеля в качестве буржуазного республиканца, принимая участие в заговорах совместно с роялистами¹. Сам Лильберн, с 1652 г. опять попавший в тюрьму и приговоренный затем к изгнанию, пытался в 1653 г. самовольно вернуться на ро-

¹ Впоследствии при реставрации Уайльдман выступал в ряде заговоров против Карла II и Якова II. После «Славной» революции 1688 г. был награжден Вильгельмом III дворянским титулом и состоял олдерменом лондонского городского совета.

дину (после разгона «Долгого парламента»), но был, по приказанию Кромвеля, заточен в крепость на острове Джерси, где и умер (в 1657 г.). Разочарованный неудачами «борьбы мечом», Лильберн незадолго перед смертью ушел в мистическую секту квакеров². Многие из левеллеров присоединились к другой мистической, но не отвергавшей метода насилия секте миллениариев, или «людей пятой монархии»³.

Предпочитая кромвелевской диктатуре реставрацию Карла II, часть левеллеров пыталась войти в соглашения с роялистами. В 1656 г. был заключен формальный договор между левеллерами и умеренной партией роялистов. Бывший агитатор Сексби возлагал надежды на получение помощи даже от римского папы, вступив по этому вопросу в переговоры с ирландскими католиками. Тот же Сексби организовал ряд террористических актов против Кромвеля⁴. Его заговор был раскрыт, и Сексби заключили в Тоуэр, где он вскоре погиб.

* * *

Чем объяснить поражение партии левеллеров несмотря на ее широкую популярность, крупные успехи, одержанные ею в ходе революции, и ее громадную роль в революции, ибо ведь под давлением левеллеров в первую очередь задачи английской буржуазной революции были решены плебейским способом?

Движение левеллеров выросло в условиях обострения классовых противоречий, когда все сильнее становилось недовольство демократических

² Квакеры («трясущиеся»), или «друзья внутреннего света», мелкобуржуазная секта, отвергавшая методы насилия; в дальнейшем выродилась в буржуазно-филантропическое течение и дала ряд крупнейших английских капиталистов-промышленников.

³ Религиозно-коммунистическая секта, отражавшая настроение пролетаризированных ремесленников и прочих плебейских элементов; пользовалась значительным влиянием в «Малом парламенте» 1653 г.; в дальнейшем организовала ряд неудачных вооруженных попыток к свержению Кромвеля.

⁴ В защиту террористических актов Сексби выпустил очень яркий памфлет «Умерщвление не есть убийство».

слоев населения политикой новой буржуазной власти, сначала пресвитериан, а затем индепендентов. С установлением республики особенно обострилась борьба между индепендентами — партией сначала средней, а затем крупной буржуазии и нового дворянства — и левеллерами — демократической партией, представлявшей мелкую буржуазию и известные слои крестьянства, городской бедноты и зарождавшегося рабочего класса. Экономическая и политическая мощь буржуазии и нового дворянства, тесно связанных между собой общностью экономических интересов в условиях бурно развивавшегося капитализма, намного превосходила силы выступавшей против них мелкой буржуазии, крестьянства и предпролетариата.

Наряду с целым рядом объективных причин, определивших поражение левеллеров, значительную роль играли и тактические ошибки, совершенные левеллерами.

Приписывая «Народному соглашению» чудодейственную силу, Лильберн и левеллеры все свое внимание уделяли агитации за «Народное соглашение» и в декабре—январе 1648—1649 гг., как уже сказано было выше, упустили инициативу из своих рук и дали возможность индепендентам захватить власть. Крестьянские требования хотя и находили отражение в памфлетах левеллеров, но в основном вопросе крестьянской демократической революции — уничтожении помещичьей собственности — у левеллеров не было достаточной ясности. В 1649 г., когда лидеры левеллеров пытались уточнить свое отношение к частной собственности, они высказались за сохранение всякой собственности вообще. Защищаясь от нападков индепендентов, обвинявших левеллеров в коммунизме, Лильберн и его друзья о своем последнем «Народном соглашении» 1 мая 1649 г. писали: «Мы объявляем, что власть будущего представительства (парламента) не обладает правом нарушения, искажения, изменения какой-либо части настоящего акримента, а равно права уравнивания состояний (имущества), разрушения собственности или обобществления всех вещей. Нарушители должны будут отвечать как за государственную

измену»¹. Когда весной и летом 1649 г. выявилось новое течение «истинных» левеллеров (диггеры), левеллеры-лильбернцы публично отrekliлись от своей связи с ними.

Наконец, громадное значение в поражении левеллеров сыграл ирландский вопрос. «Английская республика при Кромвеле разбилась об Ирландию», — писал Маркс в 1869 г., призывая английских рабочих к борьбе против национально-колониального порабощения Ирландии². Именно под предлогом завоевания, а в дальнейшем защиты «порядка» в Ирландии Кромвель мог сохранить постоянную армию, превратившуюся в конце концов из революционной армии в профессиональную, ставшую оплотом военной диктатуры протектората. Конфискация ирландских земель увеличила земельную мощь английских помещиков и способствовала разращению солдатско-крестьянской массы, которая также получала (хотя и в несравненно меньшем количестве) участки из отнятых у ирландцев земель.

Левеллеры не представляли себе всей важности ирландского национального вопроса. Хотя они и протестовали в 1647 и 1649 гг. против отправки солдат в Ирландию, но это они делали лишь по тактическим соображениям, опасаясь оставить Англию без революционной армии в момент, когда страна еще не получила новой конституции («Народное соглашение»). Фактически же левеллеры — офицеры и солдаты — принимали участие в завоевании и порабощении Ирландии. В памфлетах Лильберна и его ближайших друзей Овертона, Принса и Уольвина мы напрасно стали бы искать протеста против ирландских походов. Такая позиция демократической партии в одном из важнейших вопросов буржуазной революции не могла не повлечь за собой краха республики, а вместе с ней поражения самой «крайней» партии, пытавшейся под своим знаменем объединить низы городской и деревенской массы.

¹ Agreement of the free People of England, Art. XXX. 1649.

² «Маркс — Кугельману от 29 ноября 1869 г.». Маркс и Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 34.

Ф. Фрумкина

ПАМЯТНИК ПРЕКРАСНОЙ ЖИЗНИ

ПРОЛЕТАРСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

(Статьи и речи С. М. Кирова за 1912—1921 гг., с предисловием Б. Позерна. Партиздат. 1935)

1

Сборник статей и речей С. М. Кирова за 1912—1921 гг., изданный к годовщине его смерти и сопровождаемый обстоятельным предисловием Б. Позерна,—богатейший вклад в сокровищницу марксистско-ленинской литературы.

Это памятник прекрасной жизни пламенного пролетарского борца, лучшего ученика Ленина и Сталина, блестяще усвоившего их учение о пролетарской революции и мастерски претворявшего его в жизнь в труднейших условиях классовой борьбы.

В сборник входят (кроме одной статьи 1912 г.—«Простота нравов») статьи и речи С. М. Кирова за первые годы Великой пролетарской революции.

В стране первой в мире пролетарской диктатуры бушевала гражданская война, широкие массы рабочих и крестьян с величайшим героизмом отражали нашествие белогвардейских полчищ.

С. М. Кирову пришлось в этот период работать в сложнейших условиях многонационального Северного Кавказа. Он проявил там всю свою мудрость замечательного пролетарского стратега и тактика, умевшего не перепрыгивать через добросовестные заблуждения масс, а вести эти массы вперед, терпеливо, через промежуточные ступени, подводя их к активному и сознательному приятию пролетарской революции.

С. М. Киров с необычайной глубиной и прозорливостью понял учение Ленина и Сталина о путях завоевания большинства трудящихся.

Вся его тактика на Северном Кавказе в 1917—1921 гг.—это осуществление ленинско-сталинской национальной политики.

Особый интерес с этой точки зрения представляют выступления С. М. Кирова в 1918 г. на многонациональных съездах народов Терской области и та линия, которую он проводил на этих съездах и в практической работе органов, избравшихся этими съездами.

В. И. Ленин в письме к «Товарищам—коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Терской республики» в 1921 г., т. е. спустя 3 года, писал:

«Кавказские республики—страны еще более крестьянские, чем Россия».—Поэтому особенно важно, чтобы коммунисты, работающие там,—поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий Р. С. Ф. С. Р., поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменить ее применительно к различию конкретных условий»¹.

Как же видоизменить?

«Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству»².

С. М. Киров, прекрасно знавший Кавказ (он жил там с 1909 г.), великолепно учитывал своеобразные условия этого края.

Он хорошо изучил национальности, населяющие Северный Кавказ, взаимоотношения между ними и казачеством, политику самодержавия, натравливавшего отдельные национальности друг на друга.

Он понимал, что исключительно сильное обострение национальной розни на Северном Кавказе, его отсталость диктуют особую осторожность и тактичность по отношению к широким трудящимся массам Северного Кавказа. Вместе с тем для него совершенно ясны были процессы классового расслоения внутри каждой национальности и внутри казачества и перспективы завоевания национального мира между трудящимися различных национальностей на основе высвобождения их от влияния дворянско-буржуазной идеологии.

Контрреволюция использовала отсталые настроения масс для провокационного натравливания одной национальности на другую и еще большего разжигания национальной розни.

Чтобы вскрыть перед горцами суть контрреволюционной провокации, С. М. Киров сам отправлялся в аулы, устанавливал непосредственные личные связи с трудящимися горцами, особое внимание уделяя росту осетинской революционной партии «Кермен», названной так по имени легендарного осетинского героя, борющегося с помещиками.

Особый интерес представляет тактика, проводившаяся С. М. Кировым на областном съезде народов Терской области, в Моздоке.

Полковник Рымарь и есаул Пятирублев надеялись использовать этот съезд, на который не были приглашены ингуши и

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 191.

² Там же, стр. 192.

чеченцы, для того чтобы утвердить на нем предложение о вооруженной борьбе против последних.

Киров, находившийся тогда в Пятигорске, настоял на том, чтобы большевики приняли участие в съезде, и сумел превратить его в нечто противоположное тому, что замыслили Рымари и Пятирублевы, а именно—в оплот национального мира, в орудие воспитания трудящихся масс.

Под талантливейшим руководством Сергея Мироновича на съезде были приняты огромной, исторической важности решения об отказе от похода на ингушей и чеченцев и о приглашении их на съезд.

В наказе, принятом народным съездом Терской области в Моздоке, было сказано следующее: «Для прекращения начавшейся гражданской войны и спасения области от разрастающейся анархии съезд считает необходимым объединить все национальности и группы, населяющие Терскую область, в один равноправный в своих частях Союз»¹.

Считаясь с тем, что массы крестьян, казаков и горцев Терской области были еще не готовы к признанию пролетарской социалистической революции, к признанию власти Совнаркома, Киров не выдвигал на съезде предложения о немедленном признании власти Советов.

Более того, он выступил против внесенного под влиянием агитации некоторых «лево»-настроенных большевиков 132 делегатами съезда предложения о немедленном признании власти Совнаркома.

Тов. Киров выступил таким образом, учитывая уровень сознания трудящихся масс Терской области, понимая, что поспешная постановка вопроса о формальном признании советской власти может бросить трудящиеся массы в объятия контрреволюции. Он применил тактику объединения всех трудящихся против наступления контрреволюции, тактику, которую сейчас можно было бы назвать тактикой единого народного фронта и которая имеет большое актуальное значение для наших братских компартий. Для отпора силам контрреволюции Киров выдвинул лозунг создания «республики солдат, крестьян и рабочих»². Но все его выступления по существу были пропагандой диктатуры пролетариата: они подготавливали массы к признанию Великой пролетарской революции и власти Совета народных комиссаров.

Эту тактику подведения широких трудящихся масс к признанию пролетарской революции тов. Киров также мастерски осуществлял и на съезде народов Терской области в Пятигорске, который собственно являлся продолжением Моздокского съезда.

Сергей Миронович в первую очередь

выдвигал на этом съезде коренные вопросы революции опять-таки для того, чтобы постепенно сделать ясной для трудящихся масс Терской области связь этих вопросов с вопросом о власти, возможность действительного решения этих вопросов только в условиях диктатуры пролетариата.

Тов. Киров подчеркивал, что надо сначала решить такие важнейшие вопросы, как вопрос о земле, о рабочем контроле, он говорил о том, что «...всякий говорящий, что эти вопросы не надо решать, играет на-руку тем господам, которые не хотят расставаться со своими землями и экономиями при помощи каких угодно средств»³.

«Было бы глупо, товарищи, — продолжал он, — непроходимо глупо, если бы на рабочем съезде не говорили об устройении условий труда и рабочего быта. И вот здесь съехались люди от сохи, сельчане, и вы хотите, чтобы они не решали вопроса о земле, те вопросы, без решения которых они не могут вернуться обратно»⁴.

В речи от 27 февраля С. М. Киров опять-таки подчеркивал: «...на население не такое сильное впечатление произведет самый факт признания власти Совета народных комиссаров, как разрешение всех вопросов, стоящих у нас в программе, — земельного и др... сейчас нам надо разрешить вопрос о местной власти, а власть народных комиссаров признать или не признать после решения всех остальных вопросов. После того, как вы на практике испробуете твердость вашего решения, признание власти народных комиссаров будет гораздо внушительнее. Вы должны начать действовать по советской программе, которой вы аплодировали. Вы должны показать всей области, как вы понимаете признание Советской власти»⁵.

Так постепенно подошел С. М. Киров к голосованию на съезде вопроса о признании власти Совета народных комиссаров.

И 4 марта 1918 г. съезд проголосовал за власть Совнаркома, о чем немедленно было послано сообщение Ленину.

В статье «На берегах Терека» 2 июля 1918 г. С. М. Киров подчеркивал успехи политики, которую осуществили на Тереке большевики. Он писал о том, что малоимущее казачество идет за советской властью, что на Тереке началась усиленная мобилизация сил для отпора планам закавказских контрреволюционеров, возглавлявшихся грузинскими меньшевиками, что в «горских аулах уже посеяна мысль о том, что угнетение одинаково тягостно для населения, откуда бы это угнетение ни исходило... Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода, равенство и братство, порядок Кавказа, а в его собственных ру-

¹ Рецензируемый сборник, стр. 22. (Подчеркнуто мною. — Ф. Ф.).

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 39.

ках, поднимающих знамя Советской России»¹.

Глубокая политическая мудрость Кирова сказалась во всей тактике, которую он провел на Северном Кавказе в 1918 году.

Широкие трудящиеся массы Терской области пошли за большевиками.

«Сила Октябрьской революции,—писал Сталин,—состоит, между прочим, в том, что она, в отличие от революций Запада, сплотила вокруг русского пролетариата многомиллионную мелкую буржуазию и, прежде всего, наиболее мощные и многочисленные ее слои—крестьянство... Мир, аграрный переворот и свобода национальностей—таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России»².

Если бы Киров не осуществил этой мудрой, истинно большевистской тактики, революционное движение на Тереке было бы надолго отброшено назад. Правильно подчеркивает в своей статье тов. Позерн, что немедленная и несвоевременная постановка вопроса о признании власти Советов в условиях Терской области толкнула бы массы горцев и казачества в объятия казачьих контрреволюционных и горских феодалов и прокулачников. Правильная политика большевиков на Северном Кавказе привела к тому, что в период временной победы Деникина широкие массы горцев и трудового казачества храбро и самоотверженно сражались против деникинских банд.

Прав был Киров, когда писал в статье «Деникин на Кавказе» (от 9 сентября 1919 г.), что «...первые же звуки марша Красной армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...»³.

И после возвращения советской власти на Северный Кавказ и в Закавказье Киров, как и тов. Орджоникидзе, работая в качестве члена Кавказского бюро ЦК ВКП(б), был талантливейшим проводником ленинско-сталинской национальной политики.

Замечательно, исключительно поучительно для широких масс членов компартии различных стран речи Кирова на съезде Советов Горской советской социалистической республики в апреле 1921 года.

Тов. Киров всегда рассматривал вопрос о победе Октябрьской социалистической революции на Северном Кавказе и в Закавказье с точки зрения путей мировой революции, с точки зрения революции на Востоке.

Вот эту-то мысль он и выразил на съезде Советов Горской социалистической республики, сказав: «Да здравствует молодая нарождающаяся

Горская республика, авангард грядущей на огромном Востоке гигантской Восточной Советской Республики»⁴.

Речь тов. Кирова на этом съезде о шариате—это классический пример исключительно умелого подхода к широким массам угнетенных национальностей на основе учета их предрассудков и беспощадной борьбы с использованием этих предрассудков контрреволюционными элементами.

Беспощадно борясь против «левацких» заскоков в осуществлении национальной политики, Сергей Миронович не менее беспощадно боролся против национал-уклонизма.

С. М. Киров, как и тов. Орджоникидзе, был одним из активнейших проводников того, что большевики Закавказья, коммунистическая партия (большевиков) Грузии, вооруженные национальной программой Ленина и Сталина, разбили и разгромили национал-уклонистов, воздвигли нерушимое здание братского сотрудничества народов Закавказья, создали и укрепили Закавказскую федерацию—этот образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» (Ленин)⁵.

2

Наряду со статьями и речами С. М. Кирова, посвященными вопросам национальной политики и борьбы за победу Октябрьской революции на Северном Кавказе и в Закавказье, в сборник входят статьи и речи, приказы и переговоры С. М. Кирова по прямому проводу во время пребывания его в Астрахани, окруженной кольцом белогвардейцев.

В борьбе за оборону Астрахани Киров встал во весь свой рост талантливейшего вождя широких народных масс, пламенного трибуна, военного стратега и тактика.

Вопреки капитулянтским приказам Троцкого об эвакуации Астрахани Киров выполнял директиву Ленина «Астрахань защищать до конца», опираясь исключительно на местные силы. Он организовал широкие массы, парторганизации и трудящихся на оборону Астрахани.

Киров сам руководил военными операциями, проявляя исключительно высокую культуру в приемах военной работы, придавая уже тогда огромное значение авиации и умело используя незначительное количество аэропланов, получивших прозвище «гробов». Героическими усилиями добывался из Баку бензин, доставлявшийся в Астрахань революционными рабочими на лодках по бурному Каспийскому морю. Киров превратил разбитые части XI армии в крепкие регулярные военные формирования, проведя огромную

¹ Рецензируемый сборник, стр. 49—50.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 87. Партиздат. 1934.

³ Рецензируемый сборник, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 123.

работу по борьбе с пережитками партизанщины. Он был также талантливым руководителем хозяйственной жизни Астрахани. Благодаря своей неукротимой инициативе он организовал местными силами производство ряда необходимых для армии предметов, установив и железной рукой добиваясь осуществления беспощадного режима экономии, используя решительно все ресурсы самых разнообразных видов топлива.

Киров являлся вождем и подлинным воспитателем астраханской партийной организации, в известных своих звеньях зараженной элементами местничества, склоки. Под его руководством из астраханских коммунистов были созданы коммунистические боевые отряды, покрывшие себя неувядаемой славой в борьбе с белогвардейцами.

Тов. Киров использовал свой огромный опыт старого подпольщика и конспиратора, организуя связи с подпольными организациями Закавказья и направляя там подпольную работу. В своей вводной статье тов. Позерн приводит интереснейший факт о расшифровке лично Кировым телеграммы, из которой выяснился маршрут деникинского генерала Гришина-Алмазова, о захвате под руководством Кирова судна «Лилия», на котором следовал Гришин-Алмазов и на котором были найдены письма и документы Деникина.

Тов. Киров проявил блестящий ораторский талант, в основе которого была огромная, заражавшая массы вера в торжество дела пролетариата.

С. М. Киров подчеркивал, что буржуазный строй добровольно не умрет, что необходима беспощадная, жестокая борьба.

«Мы должны клятвенно обещать,—говорил тов. Киров,—что, прежде чем здесь не спадут наши головы, никакие силы—ни Деникин, ни Колчак—не возьмут Астрахани»¹.

Когда был взят Царицын—кольцо белогвардейских банд все теснее сжимало Астрахань,—С. М. Киров говорил: «Очень возможно, что Деникин не остановится на своих головокружительных победах и займет, может быть, еще несколько городов. Но не нужно слишком отчаиваться и совсем уже падать духом. Вспомним недавние успехи Колчака. Колчак зарвался и на основе своих временных успехов думал уже о полном удушении Советской власти. Но мы в момент собрались духом и дали Колчаку такой могучий удар вооруженным кулаком в грудь, что Колчак теперь кубарем катится обратно в Сибирь»².

В самых трудных условиях Киров доказывал, что «...весь головокружительный успех Деникина будет иметь то же значение, как и продвижение Колчака»³.

С. М. Киров призывал к созданию крепкого тыла, к борьбе с внутренней

белогвардейщиной, с агентурой Деникина, орудующей в нашем тылу.

В самый трудный момент Киров говорил на общегородской конференции РКП(б) 9 августа 1919 года: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским»⁴.

В Астрахани С. М. Киров с особым вниманием занимается воспитанием мусульманских кадров. В своих воспоминаниях тов. Мусабеков, бывший тогда секретарем мусульманской секции Астраханского губкома РКП(б), пишет о том, что Киров руководил работой секции и что тов. Мусабеков все время имел с ним дело по вопросу о работе среди мусульман. С этой точки зрения весьма интересна речь тов. Кирова на мусульманском митинге. Она является образцом исключительно умелого подхода С. М. Кирова к трудящимся угнетенных национальностей.

«Когда мы в Октябрьские дни поднимали восстание, то мы имели в виду не одну какую-либо нацию, а мы имели своей целью освобождение всего человечества. Разницы между капиталистами русскими и другими нет никакой. Угнетение происходит не потому, что во главе управления над нами стоит мусульманин или православный, а потому, что над нами стояли богатые классы. Не к уничтожению отдельных национальностей стремимся мы, а к уничтожению богатых классов во всех национальностях... Мы, представители русской нации, высоко подняли знамя борьбы за освобождение трудящегося человечества, и вы должны помочь нам в этом и быть проводниками наших идей в глубь мусульманской массы»⁵.

Ни один отряд трудящихся не забывал Киров в своей огромной воспитательной работе. Об этом свидетельствует его речь на первом общегородском делегатском собрании женщин-работниц Астрахани, в которой С. М. Киров говорил: «Не безнадежную скорбь и слезы матерей, но призыв на борьбу мы ждем от вас: Нам нужна честная душа и честное сердце пролетарки-работницы. Мы зовем вас, товарищи женщины, на помощь, на борьбу за светлую будущность»⁶.

Особый интерес представляют приказы, постановления и телефонограммы Кирова, изданные в Астрахани, о сокращении хлебного пайка, о мобилизации всех на борьбу с тифом, о повышении интенсивности работы в советских учреждениях, об экономии топлива.

Письма, секретная телеграмма в Москву о высылке летучек и брошюр для азербайджанского подполья свидетель-

¹ Рецензируемый сборник, стр. 63.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 82.

⁵ Там же, стр. 84—85.

⁶ Там же, стр. 116.

ствуют о той громадной борьбе, которую вел тов. Киров в подполье. Телеграммы в Реввоенсовет и Ленину о срочной присылке автомашин и протокол заседания Реввоенсовета о награждении храбрых летчиков говорят о громадном внимании Кирова к авиации.

Статья С. М. Кирова «Простота нравов», напечатанная в либеральной газете «Терек» в ноябре 1912 г., посвященная критике Государственной думы, является образцом использования легальных возможностей, легальной печати для беспощадного, уничтожающего высмеивания так называемого «народного представительства» в царской России.

Эта статья характеризует С. М. Кирова как талантливейшего пролетарского литератора.

Сборник статей и речей тов. Кирова за 1912—1921 гг. характеризует его как подлинно мудрого вождя широких на-

родных масс, как одного из талантливейших руководителей нашей партии.

Жизнь Кирова, его работа являются блестящим примером, достойным всяческого подражания. Изучение его работы, запечатленной в его замечательных статьях и речах,—задача каждого коммуниста. Издаваемый сборник — лишь начало огромной работы по овладению богатым наследством, оставленным Кировым, по созданию подробной его биографии — прекрасной биографии замечательного революционера.

Гнусные гады контрреволюции убили Кирова. Но дело его живет. Миллионы строителей новой жизни, которую так любил С. М. Киров, продолжают его борьбу за социализм, за международную революцию. Миллионы будут на произведениях Кирова, на примерах его жизни учиться теории и практике революционной борьбы для победы мирового коммунизма.

И. Бас

ПОВЕСТЬ О ПРОШЛОМ

А. Н. РАДИЩЕВ. Путешествие из Петербурга в Москву. Изд. «Академия». 1935. 2 тома (I том — фотоиллюстрационное воспроизведение первого издания; II том — статьи, комментарии, примечания к «Путешествию»). I том — 453 стр., II том — 586 стр. Цена за оба тома — 35 руб.

1

В 1790 г. А. Н. Радищев издал свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» — горячий протест против крепостного права и самодержавия. По приказу Екатерины автора судили, приговорили сначала к смертной казни, потом, продержав полтора месяца под страхом смерти, сослали в Сибирь.

Книгу изъяли, а отдельные разошедшиеся экземпляры отбирали у перепуганных покупателей и уничтожали.

От первого издания дошло до нас меньше двух десятков книг. Следующее издание стало возможным в России лишь через 115 лет, благодаря революции 1905 года.

Предисловие к рецензируемому изданию издательство «Академия» начало утверждением: «Радищева мы почти забыли». Это неверно. Радищева мы не забыли.

В своей известной статье «О национальной гордости великороссов» Ленин определяет наше отношение к Радищеву: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше

всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»¹.

Мы гордимся Радищевым, который в горячей любви к родине нашел силу выступить один против строя насильников-крепостников, против политического бесправия.

Радищев атаковал крепостничество и самодержавие, пользуясь аргументами французских просветителей XVIII века. Но в екатерининской России, при неразвитости современной буржуазии, Радищев остался одиночкой. При оценке его места в истории освободительного движения в России нельзя механически переносить в ту эпоху термины, в которые мы привыкли вкладывать уже новое содержание, насыщенное богатейшим опытом всей последующей борьбы пролетариата.

В одной из своих работ в 1901 г. Ленин писал: «...на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требователь-

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 81.

ствуют о той громадной борьбе, которую вел тов. Киров в подполье. Телеграммы в Реввоенсовет и Ленину о срочной присылке автомашин и протокол заседания Реввоенсовета о награждении храбрых летчиков говорят о громадном внимании Кирова к авиации.

Статья С. М. Кирова «Простота нравов», напечатанная в либеральной газете «Терек» в ноябре 1912 г., посвященная критике Государственной думы, является образцом использования легальных возможностей, легальной печати для беспощадного, уничтожающего высмеивания так называемого «народного представительства» в царской России.

Эта статья характеризует С. М. Кирова как талантливейшего пролетарского литератора.

Сборник статей и речей тов. Кирова за 1912—1921 гг. характеризует его как подлинно мудрого вождя широких на-

родных масс, как одного из талантливейших руководителей нашей партии.

Жизнь Кирова, его работа являются блестящим примером, достойным всяческого подражания. Изучение его работы, запечатленной в его замечательных статьях и речах,—задача каждого коммуниста. Издаваемый сборник — лишь начало огромной работы по овладению богатым наследством, оставленным Кировым, по созданию подробной его биографии — прекрасной биографии замечательного революционера.

Гнусные гады контрреволюции убили Кирова. Но дело его живет. Миллионы строителей новой жизни, которую так любил С. М. Киров, продолжают его борьбу за социализм, за международную революцию. Миллионы будут на произведениях Кирова, на примерах его жизни учиться теории и практике революционной борьбы для победы мирового коммунизма.

И. Бас

ПОВЕСТЬ О ПРОШЛОМ

А. Н. РАДИЩЕВ. Путешествие из Петербурга в Москву. Изд. «Академия». 1935. 2 тома (I том — фотоиллюстрационное воспроизведение первого издания; II том — статьи, комментарии, примечания к «Путешествию»). I том — 453 стр., II том — 586 стр. Цена за оба тома — 35 руб.

1

В 1790 г. А. Н. Радищев издал свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» — горячий протест против крепостного права и самодержавия. По приказу Екатерины автора судили, приговорили сначала к смертной казни, потом, продержав полтора месяца под страхом смерти, сослали в Сибирь.

Книгу изъяли, а отдельные разошедшиеся экземпляры отбирали у перепуганных покупателей и уничтожали.

От первого издания дошло до нас меньше двух десятков книг. Следующее издание стало возможным в России лишь через 115 лет, благодаря революции 1905 года.

Предисловие к рецензируемому изданию издательство «Академия» начало утверждением: «Радищева мы почти забыли». Это неверно. Радищева мы не забыли.

В своей известной статье «О национальной гордости великороссов» Ленин определяет наше отношение к Радищеву: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше

всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»¹.

Мы гордимся Радищевым, который в горячей любви к родине нашел силу выступить один против строя насильников-крепостников, против политического бесправия.

Радищев атаковал крепостничество и самодержавие, пользуясь аргументами французских просветителей XVIII века. Но в екатерининской России, при неразвитости современной буржуазии, Радищев остался одиночкой. При оценке его места в истории освободительного движения в России нельзя механически переносить в ту эпоху термины, в которые мы привыкли вкладывать уже новое содержание, насыщенное богатейшим опытом всей последующей борьбы пролетариата.

В одной из своих работ в 1901 г. Ленин писал: «...на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требователь-

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 81.

ность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода «событий...»¹ и т. д.

Еще более странным кажется называть революционером (хотя бы буржуазным) борца-одиночку, без всякой организации. Поэтому здесь нельзя принять безоговорочно слово «революционер». Но не надо забывать, в какое время выступил Радищев, и мы поймем, что если о нем нельзя говорить как о революционере в современном смысле слова, то революционность его фигуры и его дела (а издание «Путешествия» — разве это не смелое революционное действие в ту эпоху!) окажется для нас несомненной.

Такое же историческое отношение должно быть у нас и к понятию «буржуазный» в применении к Радищеву. Несомненно, требования, выдвинутые Радищевым, были требованиями буржуазной революции. Но и здесь надо помнить слова Ленина: «...у нас зачастую крайне неправильно, узко, анти-исторично понимают это слово (буржуа.—И. Б.), связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»².

В самом деле. Глава «Путешествия» «Проект в будущем» набрасывает отвлеченно тот идеал, который отвечал, как впоследствии стало ясным, интересам купца, лавочника, капиталиста: «Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока и всеми чтима, и всеми свято почитаема» (стр. 237—238). Но сам Радищев еще не может понимать, для кого он выставляет эти требования. В его глазах идеал священной частной собственности призван был лишь разрушить феодальный порядок, лишивший крестьянство земли, всяких прав и всякой собственности. Напротив, когда он рисует конкретно купеческую семью, то отнюдь не восхваляет ее, а зло и метко высмеивает. Отталкивающим выглядит старик-купец с его методами обогащения:

обманом, злостными банкротствами, преступлениями. Достоин своего отца и сын: «Ни уса, ни бороды, а нос уже багровый, бровями моргает, в кружок острижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы. В Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок, за то его отец любит как сам себя...» (стр. 108).

Устарелый язык Радищева затрудняет чтение лишь первых нескольких страниц, дальше читатель свыкается с ним и уже не ощущает архаичности формы. Многие же страницы и сейчас читаются с истинным удовольствием, увлекая силой языка и мысли смелого автора.

Во II томе рецензируемого издания М. В. Жижка так отвечает на вопрос, чем близок Радищев новому читателю:

«Искреннее желание освободить большую часть населения от «унижения и презрения» от «высших и богатых самолюбцев», помещиков и высокопоставленных тиранов, бескорыстное стремление восстановить крестьян в политических и имущественных правах, освобождение человеческой личности от политического, религиозного и бытового гнета, борьба за свободное, всестороннее и ничем не стесняемое развитие человеческой личности — вот что характерно для субъективных стремлений Радищева, вот чем он нам дорог и близок, вот то живое, что делает его близким новому читателю нашей страны» (Т. II, стр. 209—210).

Но сказанным не исчерпывается значение Радищева.

Картины тяжелого прошлого, с такой страстью и ненавистью описанные Радищевым, знакомят читателей с мрачными страницами истории, будят ненависть к этому прошлому и тем самым еще более укрепляют любовь к новой, социалистической родине и твердую решимость защищать завоеванную родину против всех врагов, которые пытались бы восстановить в нашей стране старый порядок.

Радищев не забыт! Не даром летом 1935 г. три молодых писателя: Н. Григорьев, Г. Белых и А. Серебренников — совершили путешествие пешком по следам радищевского, сравнивая картины новой, советской действительности с картинами нищеты, забитости и бесправия в прошлом.

2

Книга Радищева разбита на главы, соответственно тем остановкам, какие приходилось делать в те времена путешественнику. Главы так и называются: София, Тосна, Любани, Чудово, Спаская Полесь, Подберезье, Новгород и т. д.

В каждой главе автор описывает, что видел во время «Путешествия», свои встречи и беседы.

На станции София почтовый комиссар еще не выпался и поэтому отказывается отправить путешественника дальше.

Приятель, встреченный в Чудове, рассказывает возмущенному Радищеву о си-стербецком начальнике (близ Петербур-

¹ Ленин. Т. IV, стр. 125—126.

² Ленин. Т. II, стр. 315.

та), которого подчиненные не посмели разбудить даже, когда вблизи тонула лодка с людьми и требовалась его помощь. Когда же проснувшись началу с негодованием рассказывают о поведении его подчиненных, он их оправдывает, говоря: «Не моя то должность». На начальника пожаловались в Петербург. Ответ последовал тот же: «...в должность ему не предписано вас спасать» (стр. 38—39).

Радищев клеймит бездушные екатерининских чиновников, зверство в отношении низших и раболепство перед вышестоящими.

Характерно, что Екатерина, высказываясь по поводу этих страниц, тоже стала на сторону начальника, которого якобы оправдывает то обстоятельство, что лодку наняли не по его приказанию (!); «Да и спящего человека нельзя обвинить за то, что его не разбудили!», — пишет она в своих замечаниях о книге Радищева.

В Спаской Полести, в крестьянской избе, ночью Радищев подслушал сказку, рассказанную крестьянином своей жене: опять все на ту же тему о карьеризме и ничтожестве царских слуг.

Наместник гонит курьера за тридевять земель достать свежие устрицы. Все расходы, конечно, идут за казенный счет. Курьер числится все время в разъездах «с наинужнейшими поручениями» и вдобавок еще производится за это в чин прапорщика.

А рядом с ним честный, *Б. В.* Борочный служака «не подается вперед ни на палец» (стр. 47).

Такие страницы радищевского «Путешествия» метили в фаворитов Екатерины — Потемкина и других, прославившихся своей жадностью и бесстыдным хищничеством.

Следующая глава посвящена изображению простой, скромной и чистой деревенской девушки, на стороне которой явный моральный перевес над испорченными «барышнями»-дворянками.

Такой же моральный перевес над «барами» имеет и другой представитель простонародья — слепой певец, которого Радищев встречает в Клину.

Радищев стремился преобразовать весь современный ему общественный строй. Поэтому он в своей книге охватывает самые разнообразные вопросы. Он рисует идеал воспитания, когда отец не требует от своих сыновей преданности только на основании кровного родства, а стремится создать более тесные духовные узы, опирающиеся на уважение и стремление к общим идеалам, когда отец учит сыновей добиваться в жизни не материальных благ, а нравственного удовлетворения от приносимой обществу пользы.

В другой главе Радищев требует преобразования русского стиха, и это у него также настолько обосновано, что впоследствии сам А. С. Пушкин подхваты-

вает это требование. 13 июня 1823 г. Пушкин писал Бестужеву: «Как можно в статьях о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»

Когда читаешь горькие слова Радищева о екатерининской России: «Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей!» (т. I, стр. 18), то нельзя не вспомнить с чувством гордости о наших героях, известных, близких и родных стране, ее правительству и вождям, о знатных людях нашей страны, окруженных всеобщей любовью и почетом.

Но особенно сильны страницы, рисующие ужасы крепостного права и своеволие господствующего класса. Радищев предвидит восстание, крестьянскую революцию.

«О! Если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обогнали нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие» (т. I, стр. 387).

Здесь Радищев идет дальше многих декабристов. И в других областях, например в требовании полной свободы печати, декабристы делали шаг назад по сравнению с Радищевым.

Остается сказать несколько слов об издании. Фотолитографическое воспроизведение «Путешествия» в том виде, как его выпустил сам Радищев, нужно признать удачным решением вопроса. Помимо того, что оно дает читателю точную копию «документа эпохи» и является большим полиграфическим успехом издательства, последнее избавлено от необходимости кропотливо «переводить» книгу на современную транскрипцию.

Статьи и комментарии к «Путешествию», занявшие 586 страниц специального (II) тома, страдают излишним многословием, мелкими рассуждениями по второстепенным вопросам.

Так например 50 страниц занимает только статья «Издания», изобилующая малоинтересными анекдотами, вроде того, как из-за редкого экземпляра «Путешествия» поссорились между собой редактор черносотенного «Нового времени» Суворин с купцом-библиофилом Щаповым, в результате чего этот последний будто бы даже сошел с ума.

Широкий круг читателей заинтересуется самим «Путешествием», но не найдет ни времени, ни охоты читать всякие были и небылицы по поводу «Путешествия».

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. СОРИН—Ленин и разгон учредительного собрания 1

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР

П. ГАЛКИНА—Демократическое совещание 9

А. КОРОЛЕВА—Как происходили выборы в российское учредительное собрание 18

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

М. КАЛЬВАРИ—Восставший Донбасс 29

Е. ОСОКИН—Восстание артиллеристов в Николаевске на Амуре 42

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Г. БИЧ—Советы рабочих депутатов в Польше в 1918—1919 гг. 51

К ИСТОРИИ ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЫ

В. НЕВЛЕР—Колониальная политика итальянского империализма (краткий обзор) 62

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

С. СИНГАЛЕВИЧ—Движение рабов древней Греции 75

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

В. СЕМЕНОВ—Левеллеры в английской революции XVII века 87

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. ФРУМКИНА—Памятник прекрасной жизни пролетарского революционера 98

И. БАС—Повесть о прошлом 120

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Ф. Б. ФРУМКИНА**.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **ЯНОШ**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-10-39. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № Б — 16823 Издательский № 89 Заказ 2824 Тираж 29600
Материал сдан в набор 23.XII 1935 г. Подписан к печати 19/1 1936 г. 3¼ бум. листа. 80 000 зн. в печатн. листе.